

Е. П. Бажанов

Миг и вечность

Евгений Бажанов

**Миг и вечность. История
одной жизни и наблюдения за
жизнью всего человечества.
Том 5. Часть 7. Разбитые мечты**

«Дашков и К»

2017

УДК 82-94
ББК 84

Бажанов Е. П.

Миг и вечность. История одной жизни и наблюдения за жизнью всего человечества. Том 5. Часть 7. Разбитые мечты / Е. П. Бажанов — «Дашков и К», 2017

ISBN 978-5-394-02700-0

Многотомник «Миг и вечность» посвящен рассказу о жизни и творчестве Натальи Евгеньевны Бажановой — политолога, историка, экономиста, публициста, педагога, дипломата, внесшего выдающийся вклад в изучение международных отношений, мировой экономики, этносов, стран, цивилизаций. При этом, хотя Н. Е. Бажанова находится в центре повествования, акцент сделан также на описание и анализ нашего многообразного, противоречивого, сложного и очень интересного мира. В пятом томе (часть 7) рассказывается о драматическом периоде в жизни нашей страны — перестройке (1985–1991), развернутой по инициативе М. С. Горбачева. Перестройка позволила сбросить оковы тоталитарного режима, но привела к распаду СССР и многочисленным трагедиям населявших его народов. Е. П. Бажанов работал все эти годы в главном политико-идеологическом штабе государства, ЦК КПСС, и чета Бажановых изнутри наблюдала за формированием и реализацией стратегии перестройки. Наряду с внутренней тематикой в этой части рассматривается эволюция внешней политики Москвы, включены сюжеты, посвященные другим странам — Китаю, Северной и Южной Корее, Камбодже, Восточной Германии, Греции, Италии, Франции, Испании, Португалии.

УДК 82-94

ББК 84

ISBN 978-5-394-02700-0

© Бажанов Е. П., 2017

© Дашков и К, 2017

Содержание

Часть 7	7
Глава 1. Ветер перемен	7
Глава 2. Возвращение в науку	17
Глава 3. Вознесенные на «Олимп»	53
Глава 4. От застоя к перестройке	80
Исторические предпосылки холодной войны	83
Истоки противостояния	85
Столкновения в конце 1940-х – начале 1950-х годов	88
«Оттепель»	90
Диалог на основе паритета	91
«Кровопускание» и «новое мышление»	93
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Евгений Бажанов
Миг и вечность. История одной жизни и
наблюдения за жизнью всего человечества.
Том 5. Часть 7. Разбитые мечты

*Годы растрчены на постижение того, что понятно должно
быть с рождения.*

*Из дневника Н. Е. Бажановой
21–23 ноября 1991 года*

*Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь в неизменном – бесконечность.
Лишь в постоянном – глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь одна.
Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа – верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.*

Неизвестный автор

© Бажанов Е. П., 2017

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2017

Часть 7 Разбитые мечты

Глава 1. Ветер перемен

Перемены начались не только в нашей с Наташей личной жизни, но и в жизни всей гигантской сверхдержавы СССР. В марте 1985 года скончался дряхлый К.У. Черненко, его сменил у штурвала власти молодой, пышущий энергией, симпатичный М.С. Горбачев. Страна тогда жаждала перемен.

Экономика находилась в застое. Промышленное производство перестало расти, большая часть выпускавшейся продукции никуда не годилась. Автомашины глохли на дорогах, телевизоры взрывались, бритвы не брили, туфли расклеивались после первой носки. Деревня, разоренная Сталиным еще в 1920–1930-е годы, так и оставалась бедной и неспособной прокормить страну. Люди из провинции ездили за сотни, а то и тысячи километров в Москву, чтобы купить колбасу, сыр, сгущенное молоко и мясные консервы. Но и в столице продовольственные магазины пустели, приходили во все более убогое состояние. Стремительно ухудшалось качество продуктов, люди травились ими. Зарплаты были мизерными, жилья не хватало, медицинское обслуживание отличалось примитивизмом. Стремительно нарастали такие недуги, как спекуляция дефицитными товарами, взяточничество, пьянство, уличная и организованная преступность.

Большинство граждан давно потеряло веру в коммунистическую утопию и особенно в начальство, которое погрязло в коррупции и вело, в сравнении с простыми людьми, довольно сытую жизнь. СССР оставался закрытой страной, но уже не такой, как при Сталине: через туризм, кинофильмы, книги и импортные товары советские граждане убеждались, что на Западе население живет гораздо лучше, богаче и свободнее.

В предыдущих томах отмечалось, что такие настроения стали проникать в советское общество давно, в пору наших детства и юности. Помню, однажды на уроке обществоведения в сочинской школе учительница спросила, как мы представляем себе людей коммунистического завтра. Советский руководитель Хрущев любил говорить тогда о стремительном приближении СССР к коммунистическому раю, обещал в скором будущем бесплатные транспорт и хлеб, оплату гражданам уже не по труду, а по потребностям: сколько тебе надо добра, столько и получишь. Подобные обещания казались пустой и глупой болтовней детям, большинство которых обитало в деревянных халупах, регулярно заливавшихся весенними паводками до крыш. Неудивительно поэтому, что все встретили одобрительными возгласами выходку одноклассника. В ответ на вопрос учительницы он вышел к доске, достал из кармана фотографию полуголого мускулистого мужчины и почти голой женщины и заявил: «На фото “Мистер Универсум” Стив Ривз, чемпион мира по культуризму, и звезда Голливуда Мэрилин Монро. Такими, как они, и должны быть люди коммунистического завтра».

Неудовлетворительная экономическая ситуация вкупе с шумным хвастовством Хрущева, его неотесанными манерами и одновременно усиливавшимся восхвалением лидера в СМИ провоцировали у сочинцев резкое неприятие властей. Школьники придумали себе забаву. Набирали охапку газет и искали там фотографии Хрущева. Кто увидит – должен был первым плюнуть на фото, за что получал призовое очко. В кинотеатрах аудитория встречала появление Хрущева в киножурналах хохотом и свистом. Для контраста: упоминание о Сталине, а тем более кинокадры с ним вызывали аплодисменты. Не все аплодировали, но многие, и делали это, в частности, в отместку надоевшему болтуну Хрущеву.

Позднее, уже став взрослым человеком, я осознал ту положительную роль, которую Н.С. Хрущев сыграл в преодолении кровавого сталинского наследия. Тогда же, как и всех окружающих, он меня раздражал.

Это было время, когда Хрущев уже поссорился с Кеннеди и мир чуть не оказался свергнутым в глобальный термоядерный конфликт из-за Кубы и Западного Берлина. Но весь ужас происходившего я начал понимать гораздо позже, в институте. Тогда же мы, сочинцы, и не только самые юные из нас, а, наверное, в своем большинстве, не очень интересовались происходящим в политических отношениях между Москвой и Вашингтоном. Если советская пропагандистская машина и клеймила «империалистов», то проклятия и угрозы проносились мимо наших ушей. Мы уже привыкли не слушать Кремль или воспринимать услышанное как лживую и скучную пропаганду.

Как говорили одноклассники, «если радио сообщает, что американцы кого-то убили, значит, людей прибило наше правительство. А когда телевидение твердит, что за границей началась стачка рабочих, то на самом деле бастуют где-то у нас».

Это не указывало на то, что в Сочи росло антипатриотичное поколение. Напротив, мы любили свой зеленый, благоухающий субтропический город, обожали «самое синее в мире» Черное море, величавые Кавказские горы, увенчанные белоснежными шапками. Но мы инстинктивно, на подсознательном уровне отвергали систему московских вождей с их постоянным враньем, пустыми обещаниями. У нас не было к Западу ни обиды, ни возмущения, только интерес и уважение.

Так было в Сочи, и (как тоже уже упоминалось в томе 1) аналогичные суждения обнаружил я, поступив в 1964 году в МГИМО. В своих взглядах и привязанностях большинство студентов мало отличались от сочинцев.

В 1970-е годы недовольство людей усилилось. До М.С. Горбачева у руля в Кремле сменились один за другим несколько немогущих стариков. Ничего, кроме иронии и презрения, в народе они не вызывали. Поэтому, когда высшую должность в стране занял М. Горбачев, люди встрепенулись и мгновенно поверили в нового лидера. В обществе впервые за долгое время повеяло оптимизмом, перераставшим в энтузиазм. Горбачева засыпали письмами с выражением поддержки и всевозможными идеями о том, как жить дальше, что делать.

Рекомендации были неоднозначными, противоречили друг другу. Одни граждане выступали за перестройку хозяйственного механизма страны, введение в него рыночных элементов. Другие, напротив, видели выход из застоя в «закручивании гаек» в сталинском духе: ужесточении производственной дисциплины, борьбе с пьянством, очищении рядов компартии от коррупционеров. Были и такие, которые ратовали за либерализацию политической и духовной жизни общества.

Мы с Наташей испытывали симпатии к новому лидеру и к его неподдельному стремлению вывести Советский Союз из застоя. Поэтому с удвоенным энтузиазмом воспринимали перспективу моей работы в ЦК КПСС, сулившей не только престиж, комфортную жизнь, но и причастность к важным делам.

Прежде всего, однако, надо было в очередной раз заняться обустройством домашнего гнезда. Еще до отъезда в Китай мы, в основном усилиями Натюли, хорошо оборудовали нашу квартиру на Университетском проспекте. И тем не менее сразу столкнулись с уймой проблем – оформлением документов, ремонтом, приобретением продовольственных и промышленных товаров, организацией транспорта, отдыха, лечения и т. д. Основную нагрузку, как обычно, взяла на себя моя трудолюбивая, энергичная, талантливая и, главное, преданная семье жена.

Я вчитываюсь в ее ежедневники той поры и поражаюсь гигантским масштабом и разнообразием задач, которые ей приходилось решать. Наташа общается с сотрудниками ЖЭКа, столярами, сантехниками, строителями, телефонистами, страховщиками, завскладами, кассирами, портными, обувщиками, маклерами по обмену жилплощади, садовниками, стекольщи-

ками, полотерами. Она достает по благу, за взятки мебель, трубы, газовые баллоны, ткани, деликатесы, лекарства, цемент, оконные рамы, строительный брус, чайники, электронагреватели, холодильник, обеспечивает уход за нашей автомашиной, ее стоянку, обшивку стульев, перевозку удобрений на дачу, подачу туда электричества, газа и воды, возведение на даче хозблока, душевой и т. д. и т. п. Всего не счесть.

Нам, конечно, помогали родные, с которыми мы общались ежедневно, друзья и знакомые – те, с кем сблизилась еще в студенческие годы или в ходе долгосрочных командировок в США и КНР, в Москве уже в более поздние годы. Круг нашего общения был чрезвычайно широк и включал представителей самых различных социальных групп – от дипломатов и ученых до рабочих и продавцов. Большинство было друзьями прежде всего Наташи, которая с годами лишь наращивала свой талант общения с людьми.

Приведу выдержки из дневниковых записей за 1985 год, касающиеся нашей личной жизни.

3 июня 1985 года

...В воскресенье уехали на дачу к родителям Наташеньки, ночевали там, вернулись только сегодня вечером. Гуляли в лесу, работали в саду, спали, читали, беседовали. Чудесно отдохнули, надышались чистым воздухом, усладили взор сказочно красивыми видами – лес, река, поля. После Китая подмосковная природа кажется нереально богатой и яркой.

Вернулись полные сил и желания трудиться.

6 июня 1985 года

...В гостях у Натюлиных родителей общались с Резо Очигавой, замначальника Батумского пароходства по экономике. Очень приятный, образованный, легкий в общении, умный человек средних лет. Умеют грузины себя вести, комфортно в их компании. Нет тяжести, чванливости и т. п. Может быть, обобщать неправильно, но с ними весело.

9 июня 1985 года

...В пятницу допоздна были родственники. Смотрели по видео 2-ю и 3-ю серии фильма «Крестный отец». Осталась последняя. В субботу ходили в гости к Юле и Алику Ефремкиным. Повеселились, вернулись домой только во 2-м часу ночи.

...Натали героически продолжает наводить порядок, что очень непросто, учитывая горы вещей, которые мы привезли из двух командировок.

1 июля 1985 года

...Отпуск закончился, сегодня выхожу на работу. Прошел отпуск совершенно бездарно. Сидели в Москве, и я фактически ничего не делал. Не читал, не писал диссертацию, не занимался как следует уборкой дома. Лишь только футбол вызывал у меня интерес. Просиживал часами у телевизора, наблюдая за весьма скучными матчами. Оторвался от политики, Китая, работы, публицистики. Что это, нервная переутомленность? Будем считать, что имел место процесс адаптации к новой жизни, новым условиям. Нервная усталость действительно накопилась. Здорово меня в последнее время оскорбляли, подводили, предавали.

Приехали в отпуск из США В. и И. Рахманины. Володя рассказал, как меня нещадно «поливают» В. Трифонов. Потом из Пекина прибыла Нина Грешных, которая сообщила, что меня поносит С. Гольдин и т. д.

Последней каплей стала авария с машиной. Если чем и занимался полезным в июне, так это машиной: и на строительстве гаража работал, и аккумулятор доставал, соря при этом деньгами, и десятки часов проводил за ремонтом и изучением машины. 180 рублей отдал за страховку, 100 рублей – за чехлы и т. д. и т. п. То есть вгонял в машину большие деньги. И на тебе: в самой безобидной ситуации врезался в зад грузовику. Первая авария за десять лет. Помял капот, разбил радиатор. На машину и смотреть не хочу, говорить о ней и то не желаю. Но пора вернуться в нормальное состояние. А то выглядит дело так, что Китай сделал из меня морального и физического инвалида.

14 июля 1985 года

...Были в гостях у В. Грешных, вернувшегося из-за границы. Обсуждали, как помогать друг другу, как совместно решать бытовые проблемы. ...П. Яковлев утверждал, что мне в отделе завидуют, выделил в этом смысле В. Воробьева.

28 июля 1985 года

...В прошлую субботу встретил в аэропорту Толю Торкунова, участвовали в вечеринке у него дома. После недели болезни был на подъеме, полон теплых чувств к Торкуновым. Посидели неплохо. На неделе, во вторник, Торкуновы нанесли нам ответный визит.

Кроме них, ни с кем на неделе не общались. Шли дожди, порою проливные, и я, закончив работу, бежал под худым ломаным-переломанным зонтиком домой. Дома смотрели с Натальенькой фильмы.

...В пятницу принял С. Лукина¹, сегодня С. Нагорного. Удовлетворения не получил. ...Выбивает из колеи то, что много гадостей слышал в последнее время в свой адрес (причем со всех сторон).

11 августа 1985 года

...Не писали девять дней... Главное событие – бракосочетание племянницы Анечки. Оно состоялось вчера, 10 августа, в 11.00 в зале бракосочетания Брежневского (бывшего Новоче-ремушкинского) района. Все устроил отец жениха Димы: вместо положенных трех месяцев ждали гораздо меньше. Натали подарила Анечке оригинальное платье, Дима был в фестивальном костюме (они продавались за 50 % цены тем, кто работал на фестивале).

Я заехал на нашей «Волге» в Сокольники, взял там жениха и невесту, свидетельницу Ани (Аню Бебешко), и мы отправились в ЗАГС. Вика и Толя арендовали такси на весь день и передвигались отдельно от нас. Они заехали за Натали. Все ко времени прибыли к ЗАГСу. Там уже ждали Димин папа Борис Викторович и Димин свидетель Валера. Минут десять спустя нас пригласили в зал. Женищина-регистратор говорила очень красиво и проникновенно. Я всех снимал и от избытка чувств прослезился.

Вот Анечка и стала совсем взрослой, а еще вроде бы недавно лежала на кровати в большой комнате (спальной) в родительской квартире в Сочи и шевелила пальчиками. Это когда

¹ Имеется в виду А.В. Лукин. Далее по тексту аналогичные случаи привычно-бытового написания инициала имени какого-либо лица специально не оговариваются.

ее только-только привезли из роддома в начале мая 1963 года. Я с одноклассником Т. Чернокондратенко тогда выпил на радостях, хотя самому было всего 17 лет.

Мы с Наталей тоже женились, когда нам было по 22 года.

После регистрации мы с Натали уехали на своей машине домой, а Диму, Анютку и свидетелей катал таксист. У нас оставалось два часа свободного времени. Я хотел съездить на Донское кладбище к Мамуле, но не собрался. Свадьба началась в 15:00. Мы приехали с Н.А. и Е.П. последними. Кроме Викули, Толи, нас четверых на свадьбе были свидетели (Валера с женой), еще один приятель Димы с женой, сестра Бориса Викторовича с супругом и дочерью с женихом. Сестра Димы, родители.

Готовили все в основном они – и продукты доставали, и жарили, пекли, на стол накрывали, напитки покупали. Викуля с Толей ездили на отдых в Очамчиру (где им очень понравилось) и вернулись только 6 августа. Так что подключились на последнем этапе. Моя роль была совсем скромной – достал 5 кг говяжьей вырезки, 25 порций печенки в сухарях. И все, пожалуй. Поручали купить и свиную вырезку, но не удалось.

Стол ломился от яств – икра, дорогие сорта соленой рыбы, заливная осетрина, пирожки, холодное мясо, шампанское, вина, воды, овощи, торты и т. д. и т. п. Благодаря непринужденности хозяев за столом сразу же воцарилась добрая раскованная атмосфера. Произносили хорошие тосты. Евгений Павлович и Наташа – сестра Димы – сказали просто великолепно, да и родители Димы здорово сказали. Семья замечательная. До чего же хорошие люди! От общения получаешь удовольствие. И Аньку взахлеб хвалят!

Я доснял пленку – отправил на проявку в США с И. Рахманиной. Большие ничего полезного не сделал. Подарили чайный сервиз, сделанный в Китае, но на европейский манер, Диме – клетчатую рубашку и Анютке украшение на шею – золото с бирюзой. Плюс 500 рублей и магнитофон. Так что в общей сложности более-менее. Да, еще бычка на подставке.

Но думаю, что со временем продолжим «список». Надо молодым сделать приятное. Меня прямо гложет это. Только делать родственникам приятное и доставляет мне истинное удовольствие. А тем более Анютке – этим я ведь отдаю дань памяти моим родным Папуле и Мамуле. Как же жаль, что они никогда не узнают, что Анечка уже совсем большая, что у нее есть муж, что она оканчивает МГИМО, что у нее большая и хорошая квартира!!! Как абсурдно коротка и печальна в своей сути человеческая жизнь!!!

Вернусь, однако, к свадьбе. Было весело, хорошо. Не мешала даже жара, которая в течение трех дней (четверг, пятница, суббота) терзала москвичей. После холодного июля большой контраст. В пятницу я чуть не задохнулся. Но вчера погода не мешала.

Е.П., Н.А. и Натали уехали в 21:00. Мы (родители, Наташа Быстрова и я) оставались с молодыми до 23:00. Отвели их на стоянку такси, и они направились в свадебное путешествие – в Сочи, затем в Ялту.

Встал сегодня утром с чувством беспокойства: как они там? Но главное не это, главное – вопрос Диминой работы. Вещь серьезная. Диму распределили во Внешпосылторг. Он туда не хочет и правильно делает. Отец помог ему получить приглашение в Минрыбхоз. Он там всех знает, да и Дима, по словам Б.В., будет заниматься интересным делом, использовать владение скандинавскими языками, станет человеком.

Раз подобные настроения – спорить не стал. Отец сказал, что с МВТ договоренность есть. Но, увы. Прошло две недели, и выяснилось, что в МВТ Диму ждут. То есть его не отпустили. Я засуетился, разволновался. Попросил коллегу позвонить по вертушке Новаковскому, нач. управления кадров МВТ. Тот сказал, что разберется. Вечером дал ответ – письмо из Минрыбхоза было, но отпустить не могут, знает редкие языки, ценный специалист.

Стал звонить друзьям. Все что-то обещали, но помочь сходу никто не смог. Уговорил Нину Грешных. Она позвонила М.С. Капице, тот обещал устроить, но выразил удивление,

что Дима хочет уйти из МВТ в столь «непрестижное» министерство. Результат пока неизвестен. Зная М.С., побаиваюсь, что может ничего не сделать.

Но главное другое. На душе неспокойно: может быть, надо было пробивать МИД, может, делается ошибка? Ведь я обязан помочь, это святой долг. Надо что-то предпринимать. Вчера из разговоров с Б.В. понял, что и он сомневается и не против МИДа. Только вот как туда попасть?

Проклятье. Мне уже почти 40 лет, а я ничего не могу сделать. Если Анютке раньше помогали, то только благодаря усилиям Натюли. Ладно, вернусь к этой теме завтра.

Теперь о недавних событиях. На неделе были у Грешных – они вернулись с Валдая, и Валера отправился теперь под Ярославль. На следующий день провозжали Володю Р. в США. У родителей Иры были они и мы. Хорошо посидели.

...Заканчиваем диспансеризацию. Масса недугов, чего только у нас с Натали нет! А до Китая болячек почти не было. Слава богу, что вырвались из ада! Дома никак не наведем порядок.

12 августа 1985 года

...Воскресенье провели неплохо. После дождя приготовили шашлык. Мясо было отличным, и хотя я его подпалил, а некоторые куски почти сжег, тем не менее ели с аппетитом.

Выехали позже обычного, где-то в 9 часов. Во второй раз поехали новой дорогой, Новорижской. Она широкая, односторонняя, пустая. Нет населенных пунктов, светофоров, милиции. Качество дороги – покрытие, знаки, оформление, конечно, на грани фантастики, вернее сказать, дикости (нет разметки, железные ограждения почему-то уже сломаны и ржавые, некоторые выбоины внушительные). Но красивые пейзажи, тишина, в общем, ехать приятно.

Только, к сожалению, мало – 10 км от развилки у дачного района до этой дороги, около 16 км по самой дороге, а далее – через поселки, совхозы, дома отдыха. Но и эти места красивы (может, потому что не надоели?). В целом до дома на спидометре вышло примерно 80 км. Вернулись, когда уже было темно, а часы показывали почти 11 ночи.

18 августа 1985 года

Анютка с Димой сейчас в Крыму. Но собираемся их «отзывать». Владимир Иванович Симаков, папа Иры, согласился взять Диму в свое Управление (по торговле с капстранами) в МВТ, но хочет видеть его на этой неделе (так как 25-го уходит в отпуск).

Ира Р. была вчера у нас на даче – я жарил шашлык и кур. Отдохнули неплохо. Сегодня настроение похуже из-за того, что завтра надо идти на работу. Опять неделя мучений в этой духоте.

19 августа 1985 года

...Постоянно думаю о родителях. Чем больше времени отделяет от их жизни, тем острее боль, глубже печаль. Глупая вещь жизнь, просто дурацкая. Кто и зачем ее выдумал? Если уж жить, так как рыба или муравей, чтобы не жалко было умирать, не жалко было окружающих.

1 сентября 1985 года

...Находимся на даче Е.П. и Н.А. Погода стоит солнечная, сухая. В будние дни она раздражает – в Москве душно и жарко, в сочетании с бензиновыми парами, столь обильно присутствующими в воздухе, жара становится особенно неприятной.

...На прошедшей неделе были на дне рождения Т. Торкунова, провозжали И. Рахманину, укатил на поезде В. Грешных.

11 сентября 1985 года

Вчерашний день прошел с пользой. Привел в порядок коллекцию магнитофонных кассет, носильные вещи, убрал гостиную. Натуленька тоже весь день возилась по дому – стирала, раскладывала вещи. Ведь мы до сих пор не разобрали привезенное. Не хватает «емкостей». В спальне штабелями на шкафу и у стен стоят коробки. Ими забита темная комната, в коридоре тоже масса хлама. Большая часть статуэток запихнута в шкафы, коробки.

Тонем в одежде. Только вчера, наводя порядок, обнаружил, что у меня десятки брюк – белых, серых, в заклепках, застежках и т. п. Нужны ли они? Выйдут из моды, не успею и по одному разу надеть.

С деньгами пока трудностей нет, но зарплата моя не та, что за рубежом. В Пекине я получал последний год более 2 тыс. юаней (вначале было где-то 1700–1800, но затем резко вверх пошел американский доллар, а вслед за ним и наша юаневая зарплата). Здесь я получаю 350 рублей, чистыми же выходит где-то 270.

9 ноября 1985 года

...Мой день рождения отмечали у нас. Были родственники плюс Ефремкины. Натали, лапочка, вложила столько души и сил, хотя у нее болела пяточка (нарыв). Разошлись рано – на следующий день я шел на демонстрацию.

16 декабря 1985 года

...Наташенька ежедневно решает хозяйственные вопросы. Удивляюсь, как много она делает, как у нее все получается!

...Я занимаюсь видеотекой, вместе регулярно смотрим видеофильмы. Принимаем Натюлиных родителей, Вику с Толей – показываем им фильмы, по ходу переводя диалоги на русский язык.

17 декабря 1985 года

...Наташенька моя опять возилась полночи, легла поздно. Надо мне за эту проблему взяться.

23 декабря 1985 года

...Вырвался с работы в 19:30, сел на микроавтобус и прибыл в пансионат «Кунцево». Наташенька с родителями уже приехала туда на такси.

Стоял страшный мороз – минус 20 °С. Природа была в глубоком чистом снегу. И «Кунцево» предстало совсем по-иному, не так, как под дождем 7–8 ноября. Дали нам прекрасную трехкомнатную квартиру, теплую, просторную, уютную.

В итоге «Кунцево» на этот раз очень понравилось. Гораздо больше, чем «Клязьма». Там, как в общежитии, а здесь – прямо дача со всем комфортом и в то же время с уединенностью, великолепными пейзажами. Будем ездить. Наташеньке ведь очень нравится, и она там по-настоящему отдыхает.

25 декабря 1985 года

...Католическое Рождество. Наташка вчера соорудила елку: она у нас американская, искусственная, серебристая, игрушки те, что привезли из США. Елочка получилась очень красивая. Я предлагал купить настоящую, но Натаулька не хочет.

...Анютка вчера упала (до этого Викуля), а сегодня госэкзамен по английскому. Надеюсь, что все будет в порядке с экзаменом. Падения не случайны – температура держится в районе нуля, страшный гололед. Как скачет температура!

Умер замдиректора ИДВ Кривцов, вместо него будет В.С. Мясников. Наш друг.

Вечером продолжали смотреть многосерийный фильм «Thorn birds». Потрясающе сильная картина. История семьи в Австралии в 20–30-х годах XX столетия.

28 декабря 1985 года

Сегодня день рождения Мамуленьки!!! Нашему Родненькому Человечку был бы 71 год.

Утром поехали с Наташкой на Черемушкинский рынок, купили белые хризантемы, с ними – в Донской монастырь. Плита была почти под снегом, с подтеками замерзшей воды. Снег отбросили, поместили цветы у плиты, постояли немного. Я вспомнил детство, поступление в институт и последние годы Мамочки. Вечером поехали праздновать день рождения к Викуле и Толе. Очень хорошо посидели вчетвером. Вернулись в 23:00.

1 января 1986 года

В закончившемся году сдало здоровье. Еще в 1984 году вовсю гонял в Пекине в футбол, бегал по утрам, а в 1985 году под силу осталась только ходьба. Живот болел меньше, но с 31 декабря 1984 года появились боли в правом боку и часто на протяжении всего прошлого года беспокоили. Одолели фурункулы – то в носу, то на губе, то в глазу. Пару раз застужал горло, насморк мучает постоянно. Иногда напоминает о себе радикулит.

Понял, что жизнь – короткая и хрупкая штука, что осталось жить всего ничего. Не успеешь оглянуться – и пора прощаться. Понял, что пропустил время рождения ребенка. Избегал этой темы, стеснялся говорить с Натаулей, как родить потомство. Ведь в США были и врачи, и все условия. Проморгал. Сейчас и рожать уже страшно.

Опишу встречу Нового года. Отмечали дома: мы, Натаулины папа и мама, Викуля, Толя, Абакумовы (Наташа и Володя), Черно-рыж Леня, Лена и их дочь Карина, 11 человек. Натаулька поставила искусственную елку, привезенную из США, украсила ее игрушками оттуда же, всеми рождественскими «причиндалами»: носок, башипочок, золотой дождь и т. п. Еду скупали чуть ли не месяц: мясо, соленья, спиртное. Основную работу сделала, конечно, Натаулька. Гости принесли кое-что сухим пайком.

Стол получился богатый и красивый: икра, язык, колбасы, шампанское, водка. Ска-терть – рождественская, красные свечи в обрамлении искусственной зелени.

Сели в половине 12-го, проводили Старый Новый год, выслушали выступление М.С. Горбачева и подняли бокалы шампанского за Новый год. Смотрели новогоднюю телепрограмму, шоу по видео, английского комика Benny Hill. Н.А. и Е.П. уехали в 2:30, с ними Абакумовы. Всемером досидели до 7 утра. Я лег спать, Натюлька убирала, как всегда, до победного конца. Легла в 9 утра.

Вечером пошел гулять один. Пешком дошел до общежития МГИМО (Новочеремушкинская, 26). Ностальгия вдруг «заела». Жил там в 1964–1965 годах, 20 лет назад. В районе мало что изменилось: те же убогость, запущенность и какая-то дикость (пустыри, безлюдные дворы и улицы). Несколько раз обошел вокруг общежития, нашел окна комнаты, в которой жил, «пятачки», на которых сражался в футбол. Обнаружил целый ряд изменений: вход перенесли за дом, старый – заперт, рядом выстроили какое-то странное здание (клуб, больница?).

Вернулся на трамвае, потом пешком.

* * *

Завершу эту главу выдержками из дневника Наташиного папы Евгения Павловича за 1985 год.

26. V. С Бажановыми и Севастьяновыми (2) были на даче. Уезжали в дождь. Весь день стояла хорошая погода. Вернулись в 12 ч ночи.

30. V. У Наташи невыносимая боль в зубе. Болит более двух месяцев. Неделю лечит врач в Боткинской, а боль нарастает. В 21:30 с Ниной поехали в поликлинику, зуб у Наташи вырвали.

31. V. Навестили ребят. Смотрели фильм «Крестный отец».

1–2. VI. Были в Троицкой. 2. VI приехали ребята.

5. VI. У нас были ребята и Резо (Реваз) Очигава.

15–16. VI. На машине ребят ездили на дачу. Вечером присутствовали на дне рождения Валеры (невропатолога из 4-го Гл. управления).

22. VI. По дороге в Троицкую на ухабистом участке меня растрясло и начались боли. Потом затихли.

23. VI. В обед выпил немного коньяка и вермута со льдом. Через 1,5–2 ч начались боли. Дома принял горячую ванну и стало легче, но при купании при резком движении ощущал сильную боль. Ночью спал с перерывами, болело.

25. VI. С 9 до 11 ч находились в больнице у Нины. Сделали рентгеновские снимки. Предварительное мнение – камень в мочевом канале.

26. VI. В 14 ч лег в больницу им. Боткина, 7-й корпус. 1 июля сделали операцию, удалили камень.

31. VII. Выписался из больницы. Жил у Наташи. У нас ремонт.

5. VIII. Перебрался домой.

С 8. VIII выписан на работу. Взял отгул 2 дня.

10. VIII. Были на свадьбе Анюты.

11. VIII. С ребятами ездили на дачу.

12. VIII. Вышел на работу.

13. VIII. С Ниной посетили Акимченко в гостинице «Россия».

17–18. VIII. На дачу к нам приезжала Ира Рахманина.

19. VIII. С Ниной смотрели в «Зарядье» кинофильм «Неудобный человек».

2. IX. Подал заявку на путевку в Трускавец, сан. «Рубин», «Алмаз». 17. IX. Дома устроили пробу батарей. Течь в спальне и столовой. Дежурила Наташа.

29. IX–5.X. Командировка в Таллинн.

7. X. На даче были Наташа, Женя, Вика и Толя. Делали шашлык. 17.X. Приезжала Наташа. Выяснилось, что будут заказывать новые держатели для гардин в столовой. Поставленные снимают. Нужно менять окна и двери.

19–20.X. Мастера делали икаф в коридоре. 19.X провел в Троицкой. 20.X у нас гостили Наташа и Женя.

25. X. Нас навестили трое Ляшенко.

26. X. Были на дне рождения Владимира Сергеевича.

27. X. Взяли универсал, вывезли с балкона вещи. Ребята ездили на своей машине.

30. X. С Ниной в филиале МХАТа смотрели спектакль «Кроткая» Достоевского.

2. XI. У Наташи обедали и смотрели три фильма.

6. XI. Отмечали день рождения Жени Бажанова.

7. XI. Наташе в поликлинике вскрыли нарыв на пятке. В 15 ч уехали в пансионат «Кунцево».

8. XI. Наташа ездила на перевязку в поликлинику.

9. XI. В 15:40 из пансионата вернулись домой.

14. XI или 15.XI отвез три материала по госпремии т. Гаврилову. С Ниной ходили на премьеру спектакля «Серебряная свадьба» Александра Мишарина в МХАТе.

16–17.XI. С Наташей и Женей провели время в пансионате «Клязьма».

18. XI. Прошло собрание коллектива.

19–30.XI. Ездили в командировку в Одессу и Ленинград. Ночью с 2-го на 3 декабря у Н. начал болеть бок.

6. XII. Умер муж Светланы – Юра.

7–8.XII. Были в пансионате «Клязьма». Женя простуженный.

8. XII. Вечером с Ниной навестили Светлану.

9. XII. Состоялись похороны Юры Бульгичева.

10. XII. Полдня ждал дома мастеров, чтобы отремонтировать умывальник.

13. XII. С Ниной и Наташей ходили в Театр им. Вахтангова.

14. XII. Участвовали в поминках, 9-й день, Юры Бульгичева. Потом заехали к Наташе.

15. XII. Провели день на даче у Никитиных.

19. XII. У Наташи отметили мой день рождения. Присутствовали Кленовские, Степановы, Дворниковы.

21–22.XII. С ребятами побывали в пансионате «Кунцево».

24. XII. Вечером 21.XII начались боли в левой части головы с отдачей в затылок. Так временами и 22, и 23, и 24.

27. XII. Случились два приступа стенокардии. Принимал валидол. Вечером давление 150/85. Начал пить лекарство.

28. XII. Давление 140/85.

Глава 2. Возвращение в науку

Несмотря на груз домашних забот, Наташа практически сразу (с 1 августа 1985 года) вернулась в Отдел социалистических стран Азии Института востоковедения АН СССР. Встретили ее тепло. Первым заместителем директора института продолжал трудиться хороший знакомый Наташиного папы Георгий Федорович Ким. Он всегда благоволил Наташе, очень высоко оценивал ее научный потенциал и всячески поддерживал мою жену. По-доброму, можно сказать, по-отечески относился к Наташе заведующий отделом Игорь Степанович Казакевич.

Продолжалась, и даже стала теснее, дружба Наташи с выдающейся кореисткой Фаней Исаковной Куликовой-Шабшиной. Активно общалась моя жена с монголисткой Галиной Сергеевной Яскиной, поддерживала товарищеские отношения с кореистами С. Суслиной и В. Воронцовым, с монголистами М. Гольманом и Е. Байковой. Кореист Тихомиров, бывший высокопоставленный сотрудник КГБ, не скрывал своих симпатий к Наташе, чуть ли не пытался ухаживать за нею. Кореисты старшего поколения, Юрий Ванин и Геннадий Грязнов, в силу своих ограниченных способностей, малой продуктивности и идеологической зашоренности испытывали к Наташе зависть, которая все более нарастала, хотя до поры до времени скрывалась.

Завидовать ведь было чему. Наташа не только повидала мир, прожив в общей сложности 10 лет в двух важнейших государствах, США и Китае, но и опубликовала две монографии. Напоминаю, это: «Позолоченное гетто. Очерки о жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии» и «Последний рубеж». Кроме того, вышла в свет пара десятков Наташиных научных статей.

Наташа сразу с головой ушла в работу, тем более что появление у государственного руля в СССР М.С. Горбачева вызвало оживление советской внешней политики, в том числе на азиатском направлении. В 1985–1986 годах моя супруга сумела подготовить три классные аналитические записки, которые были направлены в высшие политические инстанции СССР – ЦК КПСС, МИД, Минобороны, КГБ. Одну из них, которую считаю абсолютно уникальной по источниковедческой базе и анализу проблем, привожу здесь.

Отношения между КНДР и КНР на современном этапе

(1982–1985 годы)

Н.Е. Бажанова, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР

Введение

Отношения КНР с КНДР, как и со всеми другими социалистическими странами, прошли извилистый и сложный путь. На протяжении более чем 20 лет (с 1960-х и вплоть до начала 1980-х годов) Пекин открыто пытался оторвать Пхеньян от СССР и социалистического содружества, подчинить корейское руководство своему политическому контролю и использовать его в борьбе за реализацию собственных устремлений на мировой арене. На разных этапах эти задачи решались с неодинаковой степенью успеха. Руководство КНДР, само зараженное националистическими настроениями, то сближалось

с КНР, тесно взаимодействуя с ним в международной политике, то по различного рода причинам несколько отдалялось от Пекина.

С 1982 года в китайско-корейских отношениях открылся очередной этап. Его специфика связана с тем, что в 1982 году китайское руководство на XII съезде КПК утвердило корректировку внешнеполитического курса, провозгласило линию на «независимость и самостоятельность» внешней политики КНР, на «развитие дружеских связей со всеми странами мира на основе пяти принципов мирного сосуществования», на подчинение своей деятельности на международной арене задачам модернизации страны. В рамках откорректированного курса Пекин отказался от прямой конфронтации с СССР, от стратегического антисоветского партнерства с Западом, согласился на улучшение советско-китайских отношений, активизировал политическую поддержку развивающихся стран. Появились и продолжают появляться новые нюансы и в подходе к КНДР, к ситуации на Дальнем Востоке в целом. Все это, естественно, сказалось и еще будет сказываться на подходе КНДР к КНР, на корейско-китайских отношениях. В данной связи рассмотрение нынешнего этапа отношений между КНДР и КНР представляет определенный научный и практический интерес.

I. Экскурс в историю отношений между КНДР и КНР

(1949–1981 годы)

Отношения КНДР с КНР были крайне неодинаковы на разных этапах своей эволюции.

В первый период, охватывающий 1949–1957 годы, когда Китай в целом шел в едином строю сил социализма, сотрудничество КНР с КНДР было действительно тесным и эффективным. 5 октября 1949 года, сразу вслед за образованием Китайской Народной Республики, между двумя государствами были установлены дипломатические отношения, в августе 1950 года стороны подписали первое соглашение о товарообороте.

В ходе корейского конфликта (1950–1953 гг.) оснащенные советским оружием и боевой техникой китайские добровольцы сыграли важную роль в изменении хода боевых действий. Вслед за достижением перемирия КНР стала оказывать КНДР значительную материальную помощь в восстановлении хозяйства².

В конце 50-х – начале 60-х годов, когда китайские лидеры перешли к «дифференцированной» политике в отношении социалистических стран, КНДР превратилась в объект усиленной обработки Пекина, направленной на отрыв корейского руководства от СССР.

Со второй половины 1962 года стали заметны симптомы усиливавшегося влияния Пекина на позиции северокорейского руководства, что проявилось в подходе КНДР к единству социалистической системы, участию в интернациональных процессах. Корейское руководство приняло линию Пекина в его конфликте с Индией, развернуло «антиревизионистскую»

² См.: *Катица М.С.* КНР: три десятилетия – три политики. М., 1979.

кампанию, поддержало антисоветские выпады КНР в связи с Карибским кризисом. В 1962–1963 годах представители ТПК³ на съездах ряда коммунистических партий солидаризировались с позицией китайского руководства⁴.

Трения между Пхеньяном и Пекином возникли в конце 1964 года, когда в ответ на просьбу КНДР о кредите китайская сторона предложила создать смешанную комиссию для определения целей и действительно требуемых сумм. Такое вмешательство во внутренние дела встретило отпор с корейской стороны, побудило ее в новом свете оценить политику КНР. Переоценке способствовала также позиция Пекина перед лицом возросшей агрессивности США в Юго-Восточной Азии.

Летом 1966 года Пекин пошел на открытое обострение отношений с КНДР. Появление в «Нодон синмун» от 12 августа 1966 года редакционной статьи «Защитим самостоятельность» в известном смысле завершало этап скрытого отпора КНДР великодержавным притязаниям Пекина⁵.

В 1966–1967 годы маоисты, используя хунвейбинов, обрушились с нападка на КНДР. Ее обвиняли в том, что она выбрала «путь беспринципного компромисса», пытается сидеть между двумя стульями. Хунвейбиновская печать публиковала разного рода измышления о внутреннем положении в КНДР, ее экономических и внутривнутриполитических осложнениях. Масштабы антикорейской кампании приобрели такой размах, что корейская сторона вынуждена была выступить 26 января 1967 года со специальным заявлением⁶.

В начале 1970-х годов Пекин приступил к нормализации отношений с социалистическими государствами, при этом действительно всестороннее восстановление связей, включая межпартийные, имело место только с КНДР. Широкое развитие получили контакты между двумя странами по военной линии. Оживились взаимная торговля, научные, культурные и спортивные обмены, контакты между общественными организациями. Реакция КНДР на все более откровенный поворот преемников Мао Цзэдуна к сближению и взаимодействию с Западом позволила им выделить эту страну в качестве одного из наиболее перспективных объектов своей политики по отношению к социалистической системе в новых условиях⁷.

В 1976–1979 годах, когда китайцы уже совершенно беззастенчиво действовали как попутчики Запада, в том числе в деле подавления национально-освободительных движений, корейская печать характеризовала Китай как страну, якобы проводящую «пролетарскую революционную линию»⁸.

Развивая отношения с КНДР по всем линиям, Пекин, разумеется, был особенно заинтересован во взаимопонимании и широком взаимодействии с корейской стороной по вопросам мировой политики, и прежде всего

³ Трудовая партия Кореи.

⁴ См.: *Огнев Ю.И.* Китайско-корейские отношения и особенности внешней политики КНДР (1963–1977). М.: ИДВ, 1978.

⁵ См.: *Яковлев А.Г.* КНР и социалистический мир. 1949–1979 гг. Кн. I. М.: ИДВ, 1981. С. 328–324.

⁶ См.: *Нодон синмун.* 1967. 27 янв.

⁷ См.: *Яковлев А.Г.* Указ. соч. С. 124–125.

⁸ *Нодон синмун.* 1978. 7 марта.

по вопросам борьбы против «гегемонизма», под которым он подразумевал политику СССР.

Внешняя политика КНДР все больше вступала в противоречие с интересами Советского Союза. КНДР имела близкий с китайцами подход к таким вопросам, как определение характера эпохи и ее движущих сил, проблемы разрядки, войны и мира, разоружения, движения неприсоединения и «третьего мира», коллективной безопасности в Азии и Европе. КНДР приветствовала занятие Китаем Парасельских островов, выступила в унисон с китайцами с осуждением «вмешательства внешних сил» во внутренние дела Африки, заняла негативную позицию по отношению к помощи социалистических стран Анголе и Эфиопии, двусмысленную позицию в отношении кэмп-дэвидской сделки. Пхеньян совместно с Пекином действовал в полпотовской Кампучии, резко осудил Вьетнам за «агрессию» против этой страны, умолчал о нападении КНР на СРВ.

Установление дипломатических отношений между КНР и США и заключение китайско-японского мирного договора были положительно восприняты в Пхеньяне. Корейское руководство, видимо, в тот период питало иллюзии, что в условиях сближения КНР с США и Японией Пекин сможет оказать какое-то содействие в деле нормализации отношений КНДР с этими государствами и урегулировании корейской проблемы.

Вместе с тем дальнейшее развитие стратегического партнерства Пекина с США и Японией в ущерб целям Пхеньяна в корейском вопросе, некоторые двусторонние разногласия, ужесточение линии Китая в экономических связях с КНДР, внутренние процессы в КНР порождали у корейского руководства все большие недовольство и беспокойство.

КНДР была обескуражена заявлениями Дэн Сяопина в Токио и Вашингтоне в начале 1979 года, смысл которых состоял в том, что объединение Кореи не является актуальной задачей, что с ее решением можно подождать и 10, и 100, и 1000 лет. Недовольство корейской стороны усилилось в результате визитов в КНР в 1980 году министра иностранных дел Японии Охиры и министра обороны США Брауна, в ходе которых Пекин углубил взаимопонимание с Вашингтоном и Токио по «корейскому узлу». КНДР по существу оказалась перед единым фронтом США, Китая и Японии в корейском вопросе.

Ким Ир Сен имел в виду Китай, когда заявил на VI съезде ТПК, что социалистические страны «не должны идти на беспринципный компромисс с империализмом, не должны жертвовать интересами других стран ради собственной выгоды» (эта часть доклада в китайской печати была опущена).

В Пхеньяне не могли спокойно относиться к тем процессам в Китае, которые развенчивали культ личности Мао, вели к отказу от многих прежних догм и постулатов, близких руководству КНДР. Китайский прагматизм опрокидывал многие «теоретические» положения чучхе, наносил удар по всей идейно-политической платформе корейского руководства.

В тот же период в очередной раз обострились противоречия между двумя странами по вопросам экономического сотрудничества, в частности по поставкам в КНДР китайской нефти. Во время переговоров по торговле на 1980 год китайцы потребовали перейти на оплату нефти в конвертируемой

валюте и по мировым ценам. В связи с отказом корейской стороны на эти условия поставки нефти в КНДР были прерваны⁹.

II. Корейско-китайское политическое сотрудничество в 1982–1985 годах

Для корейско-китайских отношений последних лет характерен интенсивный делегационный обмен на самых различных уровнях, включая высший.

В 1981–1982 годах были осуществлены взаимные визиты на уровне премьеров (Ли Ден Ока и Чжао Цзяна), поездка в Китай корейской партийной делегации во главе с членом Политбюро ЦК, секретарем ЦК ТПК Ким Ен Намом, неофициальный визит Ху Яобана и Дэн Сяопина в Пхеньян в дни празднования 70-летия Ким Ир Сена, обмен военными (с китайской стороны во главе с министром обороны Гэн Бяо) и парламентскими (с китайской стороны – член Политбюро ЦК, член Секретариата ЦК КПК Си Чжунсюнь, а с корейской – секретарь ЦК ТПК Хо Ден Сук) делегациями, группами руководящих работников Министерства иностранных дел и другие поездки.

Центральным событием в корейско-китайских отношениях явился официальный визит Ким Ир Сена (15–25 сентября 1982 г.) в Китай, первый с 1975 года. Благодаря этой поездке политическое, экономическое и военное сотрудничество сторон заметно активизировалось.

В 1983 году в КНДР выезжали: партийно-правительственная делегация на празднование 35-летия республики во главе с председателем ПК ВСНП¹⁰, членом Политбюро ЦК КПК Пэн Чжэнем, министр иностранных дел КНР У Сюэцзянь, парламентская делегация во главе с заместителем ПК ВСНП, членом Секретариата ЦК КПК Чэнь Писяном. В Китае, в свою очередь, побывали: делегация ТПК во главе с членом Политбюро ЦК ТПК Со Юн Соком, парламентская делегация во главе с председателем Постоянного совета ВНС КНДР Ян Хен Себом. Неофициальный визит (свой первый за рубеж) нанес Ким Чен Ир. В 1983 году были, кроме того, проведены две закрытые встречи Ху Яобана с Ким Ир Сенем на корейско-китайской границе.

В 1984 году имел место обмен визитами между Ху Яобаном и Ким Ир Сенем. В Китае побывали премьер Административного совета КНДР Кан Сен Сан, министр иностранных дел Ким Ен Нам.

В 1985 году состоялась встреча Ким Ир Сена с Ху Яобаном в пограничном городе Синьчжу. В праздновании 35-й годовщины вступления китайских добровольцев в войну в Корею участвовала партийно-правительственная делегация КНР во главе с членом Политбюро ЦК КПК, членом Секретариата ЦК КПК, заместителем Премьера Госсовета КНР Ли Пэном. В Нью-Йорке была организована встреча члена Политбюро ЦК ТПК, вице-президента КНДР Пак Сен Чера с Чжао Цзяном.

В последние годы происходит существенное развитие всего комплекса делегационных обменов между КНДР и КНР (табл. 1).

⁹ See: The Japan Times. 1980. May 5.

¹⁰ Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей.

Таблица 1

Делегационные обмены между КНДР и КНР в 1980–1985 годах¹¹

Делегации	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.*
КНДР в КНР	17	20	52	103	140	168
КНР в КНДР	26	26	48	105	160	200
Всего в обе стороны	43	46	100	208	300	368

* По состоянию на 1.XII.1985.

Как видно из табл. 1, делегационные обмены между КНР и КНДР стали быстро возрастать с 1982 года и ежегодно увеличиваются почти вдвое. При этом следует иметь в виду, что о части взаимных визитов стороны не сообщают в прессе. Судя по высказываниям китайских официальных лиц и корейских дипломатов в Пекине, «неучтенными» остаются до 10 % от общего числа делегаций.

Делегационный обмен осуществляется по *всем* линиям. В *партийные* связи, базирующиеся на ежегодно согласуемых планах, вовлечены большинство членов ЦК КПК и ТПК, сотрудников аппарата центральных комитетов. Поездки предусматривают обмен опытом, ознакомление с работой, участие в деловых совещаниях и торжествах, отдых и т. п. Интенсивный обмен по тем же параметрам происходит по линии *комсомола*, руководящих *хозяйственных кадров*, *парламентариев*. В постоянном контакте находятся *военные* ведомства, *общественные* организации. Развит обмен по линии *обществ дружбы*, *провинций* и *городов* (особенно пограничных). В контактах участвуют журналисты, деятели культуры, спортсмены, школьники и т. п.

Повышенное внимание уделяет друг другу печать КНДР и КНР. В 1980 и 1981 годах в центральных газетах КНДР было опубликовано соответственно 386 и 489 материалов по китайской тематике и только 350 и 377 по СССР (по другим странам значительно меньше). В 1984 году таких материалов уже было 610 (по СССР – 540). Китайская печать поместила в 1981 году 320 материалов по Корею (по Румынии – 180, Югославии – 160), в 1984 году – 355 (по Румынии – 163, Югославии – 145)¹².

Обе стороны неизменно в превосходных тонах оценивают *состояние их отношений*. Во время приема Гэн Бяо в КНДР в июле 1982 года корейский министр обороны О Дин У подчеркивал: «Китайско-корейская дружба является живым образцом пролетарского интернационализма, ярко сияет в истории международных отношений рабочего класса. Отношения между нашими партиями, народами и странами особые, замечательные, искренние, подобные отношениям между членами одной семьи». Гэн Бяо, в свою очередь, заявил: «В мире трудно найти такие отношения взаимного доверия и поддержки между партиями и народами, как между Китаем и Кореей. Народы наших стран всегда будут стоять вместе, несмотря ни на какие бури и изменения в мире»¹³.

В телеграмме ЦК ТПК XII съезду КПК от 1 сентября 1982 года говорилось: «ТПК и корейский народ, которые всегда дорожат непобедимой корейско-китайской дружбой, скрепленной кровью в ходе длительной антиимпериалистической совместной борьбы и прошедшей испытания

¹¹ Подсчитано по публикациям в «Нодон синмун» и данным информационного бюллетеня агентства Синхуа.

¹² В прессе КНР публиковалось еще больше материалов по СССР, но значительная их часть носила негативный характер.

¹³ Нодон синмун. 1982. 21 июля.

временем, будут и впредь рука об руку с Компартией Китая и братским китайским народом в борьбе против империализма, за торжество дела социализма»¹⁴.

В ходе пребывания Ким Ир Сена в КНР в сентябре 1982 года руководители двух стран постоянно подчеркивали «бессмертность и нерасторжимость» китайско-корейской дружбы¹⁵. На переговорах в Пхеньяне в мае 1984 года с Ху Яобаном Ким Ир Сен заявлял: «Между ТПК и КПК, между корейским и китайским народами существует традиционная давняя дружба, народы наших стран живут как родные братья. Развитие этой традиционной дружбы в значительной мере стимулирует развитие революционности и стабильности между нашими странами»¹⁶.

Подводя итоги визита в КНР Кан Сен Сана в августе 1984 года, китайские руководители отмечали, что этот визит «не только в полной мере продемонстрировал великую дружбу и сплоченность Китая и Кореи, но и продвинул вперед неуклонное, стабильное развитие отношений дружбы и сотрудничества между ними»¹⁷.

На торжествах по случаю 35-летия вступления в Корейскую войну китайских добровольцев Ли Пэн говорил: «Две партии, две страны, два народа – Китай и Корея – в длительной совместной революционной борьбе кровью сплотили глубокую боевую дружбу. Эта дружба была подготовлена и выпестована при жизни председателя Мао Цзэдуна и премьера Чжоу Эньлая вместе с товарищем президентом Ким Ир Сеном»¹⁸.

В ответ председатель ЦК Общества корейско-китайской дружбы Ли Чжа Бан отметил, что «в последние годы в Китае неоднократно бывал Ким Ир Сен, посещал КНР Ким Чен Ир, а Ху Яобан и Дэн Сяопин, в свою очередь, приезжали в КНДР. Эти события способствовали дальнейшему углублению особых дружественных отношений между руководителями двух стран и подняли традиционную корейско-китайскую дружбу на новую высокую ступень развития. Народ КНДР будет прилагать все усилия во имя непрерывного укрепления этой дружбы, скрепленной кровью и выдержавшей испытания»¹⁹. В передовой «Жэньминь жибао» по случаю торжеств в Корею содержались аналогичные тезисы, подчеркивалось, что «сотрудничество между КНР и КНДР стало особенно тесным в последние годы, когда участились взаимные визиты руководителей двух стран»²⁰.

Непременным атрибутом контактов между Пхеньяном и Пекином является взаимное восхваление и поддержка *внутренней и внешней политики друг друга, лично руководителей* двух стран, констатация «полного единства» взглядов по всем без исключения вопросам.

В приветственной телеграмме ЦК ТПК XII съезду КПК говорилось: «Компартия Китая превратилась в испытанный авангард китайского рабочего класса и надежную направляющую силу китайского народа. Сегодня трудолюбивый, талантливый братский китайский народ,

¹⁴ Сообщение ЦТАК. 1982. 1 сент.

¹⁵ См.: Жэньминь жибао. 1982. 16, 18, 20, 21 сент.

¹⁶ Нодон синмун. 1984. 6 мая.

¹⁷ Жэньминь жибао. 1984. 20 авг.

¹⁸ Жэньминь жибао. 1985. 23 окт.

¹⁹ Нодон синмун. 1985. 23 окт.

²⁰ Жэньминь жибао. 1985. 25 окт.

последовательно придерживаясь четырех основополагающих принципов и ведя энергичную борьбу за строительство наиболее демократической и наиболее цивилизованной социалистической державы, тем самым добился политической стабильности и сплоченности всей страны, поставил экономику страны на путь надежного развития.

Ваша партия на международной арене активно выступает против империализма, колониализма, расизма, в поддержку и за солидарность с освободительной борьбой эксплуатируемых и угнетенных народов мира, за укрепление сплоченности с развивающимися странами и в защиту мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Все эти вековые перемены, происшедшие в Китае, являются законным результатом правильной политики и мудрого руководства КПК, творчески применявшей всеобщую истину марксизма-ленинизма в конкретной обстановке китайской революции»²¹.

Принимая Ким Ир Сена осенью 1982 года, китайские лидеры называли его «великим вождем корейского народа», упоминали о «блестящих достижениях корейского народа на всех фронтах, как внутреннем, так и внешнем». В прессе сообщалось, что руководители двух стран имели «полное единство мнений по всем обсуждавшимся вопросам». Выделялся их одинаковый подход к оценке роли Азии, третьего мира и движения неприсоединения в современном мировом развитии, готовность координировать усилия на международной арене²².

Во время пребывания в КНДР в мае 1984 года Ху Яобан подчеркивал, что «имеет с председателем Ким Ир Сеном и назначенным его преемником Ким Чен Иром идентичные точки зрения на развитие обстановки в Азии и на Корейском полуострове»²³. На приеме 10 мая Ху Яобан отметил, что «по обсуждавшимся вопросам стороны достигли полного единогласия», его переговоры с Ким Ир Сеном «окажут позитивное и глубокое воздействие на безопасность, мир и стабильность в Азии». Ким Ир Сен в ответной речи указал, что «он и Ху Яобан обнаружили полное согласие в оценке нынешней международной обстановки, особенно положения в Азии и на Корейском полуострове, а также в подходе к мирному воссоединению Кореи»²⁴.

На торжествах в КНДР в октябре 1985 года в выступлениях корейской стороны была дана высокая оценка роли китайских добровольцев в войне в Корее. В подчеркнута теплых тонах характеризовались отношения между двумя странами на современном этапе. Китай назывался «надежным союзником и прочным тылом» КНДР. Воздавалась обоюдная хвала достижениям КНР и КНДР, китайцы выделяли заслуги Ким Ир Сена, корейцы – Дэн Сяопина и Ху Яобана. Китайские представители восхваляли «независимую и самостоятельную» политику КНДР, говорили об «огромных усилиях КНДР по обеспечению мира и безопасности в Азии и во всем мире»²⁵. В поздравительной телеграмме по случаю 70-летия Ху Яобана в ноябре 1985 года Ким Ир Сен назвал китайского лидера «близким другом корейского

²¹ Сообщение ЦТАК. 1982. 1 дек.

²² См.: Жэньминь жибао. 1982. 16, 18, 20 сент.

²³ Жэньминь жибао. 1984. 5 мая.

²⁴ Жэньминь жибао. 1984. 11 мая.

²⁵ Нодон синмун и Жэньминь жибао. 1985. 24–31 окт.

народа, вносящим большой вклад в дело укрепления и развития великой дружбы между Кореей и Китаем».

В последних выступлениях корейской прессы внешняя политика Китая характеризуется как «отвечающая интересам мира и социализма», вносящая «большой вклад в борьбу против империализма». Поддерживается китайская концепция сотрудничества между развивающимися странами в рамках Юг – Юг, выражается поддержка позициям КНР по вопросам воссоединения с Тайванем. Корейское руководство занимает сходные позиции с Пекином по так называемой кампучийской проблеме. КНДР не признает правительство НРК и осуждает политику СРВ в отношении Кампучии. Пхеньян участвовал в создании «коалиционного правительства» кампучийской контрреволюции, что открыто признавалось, в частности, в ходе визитов в Таиланд в 1982 году члена Политбюро ЦК ТПК Ким Ен Нама и члена Президиума Политбюро ЦК ТПК Ли Ден Ока²⁶. В 1984–1985 годах Пхеньян стал действовать более осторожно, но по-прежнему поддерживает дипотношения с «правительством» Н. Сианука, оказывает ему моральную и особенно материальную поддержку.

III. Различия в позициях и противоречия между КНДР и КНР

Несмотря, однако, на внешний весьма благополучный «фасад» корейско-китайских отношений и стремление Пхеньяна и Пекина всячески поддерживать и оберегать этот фасад, между сторонами продолжают существовать различия в позициях и противоречия по целому ряду вопросов внешней и внутренней политики. В годы «культурной революции» трения между Пхеньяном и Пекином, как уже говорилось выше, порой выходили наружу. Сейчас о них, как правило, можно лишь строить предположения на основе анализа высказываний руководителей двух стран, материалов прессы, чтения «между строк».

Довольно прозрачный намек на наличие «дистанции» между КНДР и КНР сделал Ким Ир Сен в интервью перуанской делегации, опубликованном газетой «Нодон синмун» 31 октября 1983 года. Он сказал: «Географически мы – полуостровная страна, находящаяся между большими странами. Вокруг нас Китай, Советский Союз и Япония... Расположенные вокруг нас большие страны издавна зарились на нашу страну и пытались поставить ее под свой контроль. <...> Низкопоклонники разделились на прокитайские, пророссийские и прояпонские группы... пытались добиться независимости страны под эгидой Китая или Советского Союза... Я критически взглянул на обстановку в национально-освободительном движении и остро почувствовал, что мы должны бороться, опираясь на силы своего народа».

В отдельных случаях корейские представители в частном порядке намекают на то, что у КНДР нет сколько-нибудь близких отношений с КНР, что с китайцами «трудно иметь дело», что для Пекина характерны «метания и зигзаги из стороны в сторону, то вправо, то влево», что политика Китая «эгоистичная», китайцы «чинят козни» и т. п. Подчеркивается, что Корея вынуждена терпеть такую китайскую политику, ибо между двумя странами существует очень длинная граница и стоит поспорить с Пекином, как «КНДР из полуострова превратится в остров».

²⁶ See: The Bangkok Post. 1982. May 9.

Заслуживают, видимо, внимания и предположения в иностранной печати о том, что преемник Ким Ир Сена Ким Чен Ир лично не благоволит в последнее время к Пекину²⁷. В этой связи примечательно, что Ким Чен Ир не присутствовал ни на одном мероприятии в рамках недавних торжеств в честь вступления китайских добровольцев в Корейскую войну, не принял ни одну из 30 китайских делегаций, прибывших на торжества.

В высказываниях китайских официальных лиц тоже порой можно уловить нотки раздражения корейскими партнерами: их «скрытностью, неискренностью», «шараханьями в политике».

Рассмотрим конкретно различия и противоречия между КНДР и КНР в той степени, в какой это позволяют имеющиеся данные.

Проблема урегулирования на Корейском полуострове

Главное разногласие между КНДР и КНР – в подходе к урегулированию на Корейском полуострове. Именно из-за этого вопроса в корейско-китайских отношениях возникали в прошлом и продолжают возникать скрываемые от посторонних глаз трения, а порой и острые конфликты.

Официально КНР полностью поддерживает линию Пхеньяна, в том числе идею создания Конфедеративной Демократической Республики Корё, требование о выводе американских войск из Южной Кореи, инициативу о трехсторонних переговорах (КНДР, США, Южная Корея) с целью урегулирования корейской проблемы. Китай, по признанию как Пекина, так и Пхеньяна, явился посредником в установлении неофициальных контактов между США и КНДР. Корейское руководство не оставляет расчетов использовать хорошие отношения Пекина с Вашингтоном для получения дивидендов в вопросе урегулирования на полуострове.

Китай, однако, к неудовольствию Пхеньяна, ведет двойную игру в корейском вопросе. Опасаясь того, что обострение обстановки в Корее неизбежно отразится на китайско-американских и китайско-японских отношениях, на реализации планов модернизации экономики КНР, Пекин фактически взаимодействует с Вашингтоном и Токио в корейском вопросе, подталкивает Север на диалог и компромиссы с Югом, рекомендует КНДР не акцентировать внимания на проблеме вывода американских войск, отодвигая ее решение на неопределенное время.

Китайские руководители не разделяют беспокойства корейской стороны по поводу напряженности на полуострове. Пекин, в отличие от Пхеньяна, не высказывает возражения против формирования альянса США – Япония – Южная Корея. Декларации в поддержку позиции КНДР зачастую используются Пекином только для того, чтобы добиться каких-то уступок от Вашингтона в двусторонних китайско-американских отношениях. Китай налаживает двусторонние контакты с Южной Кореей, осуществляя на деле американскую идею «перекрестного признания» великими державами обоих корейских государств.

Свидетельством расхождений в позициях КНР и КНДР по корейскому вопросу является абсолютное преобладание в корейской прессе перепечаток

²⁷ See for example: The South China Morning Post. 1985. Aug.12; Чжаньван. 1985. 19 сент.

советских материалов на эти темы над перепечатками аналогичных китайских материалов.

В первой половине 1982 года Пекин довольно энергично поддерживал КНДР. Министр обороны КНР Гэн Бяо на переговорах с корейскими руководителями в июле 1982 года потребовал от США убрать свои войска и военное оборудование с Юга Кореи, обвинил Вашингтон в «гегемонистских действиях» на Корейском полуострове, в «неразумной поддержке фашистского режима Чон Ду Хвана»²⁸.

Принимая Ким Ир Сена в сентябре 1982 года, китайские лидеры заявили о своей безоговорочной поддержке всех корейских инициатив по объединению страны. Вместе с тем Пекин на этот раз воздержался от критики США и Южной Кореи в связи с проблемами Корейского полуострова. Ким Ир Сен же выступил с резкими обвинениями в адрес «американского империализма» в связи с обострением положения в Корее и международной обстановки в целом.

Сдержанность китайцев объяснялась изменением ситуации в отношениях КНР с США. В августе 1982 года стороны после долгих споров подписали очередное коммюнике по тайваньской проблеме, и Пекин немедленно снизил накал пропагандистских выступлений против Вашингтона, в том числе и по корейской проблематике.

На переговорах с госсекретарем США Дж. Шульцем в феврале 1983 года китайские лидеры полностью «забыли» упомянуть о ситуации на Корейском полуострове, где как раз в тот самый момент начались крупнейшие военные маневры Пентагона и южнокорейских войск «Тим спирит – 83». Лишь после протеста со стороны Пхеньяна мининдел КНР У Сюэцзянь в коридоре похода бросил Дж. Шульцу одну малозначительную фразу о Корее²⁹. Уже после отъезда Дж. Шульца явно для «умиротворения» КНДР китайская печать выступила с двумя комментариями, в которых Вашингтону рекомендовалось убрать войска с Юга Кореи (но о военных маневрах так ничего и не говорилось, равно как и об угрозе США миру в Корее и т. п.)³⁰.

Весной 1983 года произошло дальнейшее потепление в китайско-американских отношениях, и выступления КНР по КНДР стали еще сдержаннее. В сентябре 1983 года на встрече Ху Яобана с Ким Ир Сеном в районе китайско-корейской границы Пекин убедил корейского руководителя добиваться смягчения обстановки на полуострове. Китайцы взяли на себя роль посредника между КНДР, с одной стороны, и США и Японией, с другой. В ходе переговоров с министром обороны США К. Уайнбергером в Пекине в сентябре 1983 года Дэн Сяопин по существу дал заверения Вашингтону в том, что у северокорейской стороны нет намерения осуществлять вторжение в Южную Корею, указав при этом, что ослабление напряженности на Корейском полуострове отвечает в долгосрочном плане как американским, так и китайским интересам³¹.

Вскоре, однако, 9 октября 1983 года в Рангуне произошел взрыв, в результате которого погибли высокопоставленные представители Сеула. В

²⁸ Нодон синмун. 1982. 20 июля.

²⁹ See: News from Foreign Agencies. 1983. Febr. 5.

³⁰ См.: Жэньминь жибао. 1983. 10 и 12 февр.

³¹ See: The New York Times. 1983. Sept. 30.

китайской печати без каких-либо комментариев опубликовали одинаковые по объему статьи о позициях Бирмы и КНДР по рангунскому инциденту. Было процитировано заявление бирманского правительства, что «убийство в результате взрыва в Рангуне 9 октября 17 высокопоставленных официальных лиц Южной Кореи является делом рук КНДР»³². По дипломатическим каналам китайская сторона прямо обвинила Пхеньян в организации террористического акта и выразила свое возмущение тем, что КНДР торпедует диалог на Корейском полуострове. Пхеньян в ответ отозвал из Пекина посла и всех советников своего посольства. Временным поверенным остался первый секретарь посольства КНДР в КНР³³.

Накануне визита в Японию (24–28 ноября 1983 г.) Ху Яобан вновь встретился с Ким Ир Сенем на границе. Стороны договорились «замять» разногласия. Ким Ир Сен подтвердил интерес к диалогу со своими оппонентами по «корейскому узлу» при посредничестве Пекина. В Токио Ху Яобан действовал как бы по поручению Пхеньяна, и тем не менее некоторые из высказываний Ху Яобана в Токио не могли понравиться в КНДР. Китайский лидер заявил, в частности, что обе корейские стороны не должны больше принимать действия, ведущие к обострению напряженности на полуострове, и что если Север нападет на юг, Китай его не поддержит³⁴. Корейская печать не только опустила эти высказывания Ху Яобана, но и вообще весьма скупо осветила его визит в Японию.

В начале 1984 года КНДР выдвинула предложение о проведении трехсторонних переговоров с участием двух корейских государств и США с целью заключения мирного договора взамен соглашения о перемирии и подписания с Югом декларации о ненападении. Предложение было согласовано с Пекином, и Чжао Цзыян, находившийся с визитом в США в январе 1984 года, по просьбе корейцев передал его Белому дому. Пхеньян же, как говорили китайские официальные лица, неожиданно для руководства КНР решил в тот самый момент выступить с упомянутой инициативой публично. Чжао Цзыян был якобы «обескуражен» этой акцией КНДР³⁵.

Китайская сторона откликнулась публичным одобрением корейского предложения. У Сюэцянь в беседе с Ким Ен Намом 7 февраля 1984 года сказал: «Предложение, выдвинутое КНДР, является рациональным и будет содействовать смягчению ситуации на Корейском полуострове и мирному воссоединению Кореи, китайская сторона приложит усилия для проведения трехсторонних переговоров»³⁶. Ху Яобан в интервью агентству Синьхуа 12 мая 1984 года заявил: «Мы полностью поддерживаем данное предложение»³⁷.

Вашингтон отклонил предложение корейской стороны, потребовав участия в переговорах и КНР. Однако Пхеньян был против этого, и Пекин, как отмечали в беседах представители МИД КНР, согласился с корейской позицией.

³² См.: Жэньминь жибао. 1983. 6 нояб.

³³ См.: Жэньминь жибао. 1983. 10 нояб.

³⁴ See: The Japan Times. 1985. Nov. 25; Жэньминь жибао. 1983. 26 нояб.

³⁵ See: The Washington Post. 1984. Jan. 12.

³⁶ Жэньминь жибао. 1984. 8 фев.

³⁷ Жэньминь жибао. 1984. 13 мая.

Тем не менее само выдвижение Пхеньяном идеи трехсторонних переговоров свидетельствовало о влиянии Пекина на северокорейскую позицию: ранее КНДР соглашалась вести переговоры о мирном договоре лишь с США, без участия Сеула.

Китайские лидеры продолжили диалог по Корее в ходе переговоров в Пекине в марте 1984 года с японским премьером Я. Накасонэ. И на этот раз линия, взятая Пекином, не могла полностью устроить КНДР. Ху Яобан повторил тезис о готовности «противостоять любым действиям, с какой бы стороны они ни исходили, направленным на обострение напряженности на Корейском полуострове»³⁸. Китайская сторона не высказала никаких возражений против формирования тройственного союза Вашингтон – Токио – Сеул, а в прессе КНР появился ряд материалов, в которых американские войска на Юге Кореи характеризовались как «передовая линия» обороны против «советской экспансии на Тихом океане»³⁹. В КНДР практически обошли молчанием визит Я. Накасонэ в КНР.

В ходе майского визита в КНДР Ху Яобан публично в очередной раз выступил с заявлениями, которые должны были понравиться хозяевам. 6 мая на массовом митинге в Пхеньяне он сказал: «Китай последовательно и решительно выступает против размещения США своих войск в Южной Корее и вмешательства во внутренние дела Кореи. Во время нынешнего визита американского президента в Китай китайские руководители, в том числе и я, еще раз дали понять, что Китай полностью поддерживает Корею в деле мирного объединения без внешнего вмешательства и требует от США полного вывода всех войск из Южной Кореи, выступает за объединение Кореи в форме конфедерации»⁴⁰.

На самих же переговорах Ху Яобан продолжал убеждать Ким Ир Сена принять встречное предложение Р. Рейгана о четырехсторонних переговорах, не настаивать на немедленном выводе американских войск с Юга и пойти на контакты с сеульским режимом⁴¹. На пресс-конференции в г. Янь-цзи 12 мая Ху Яобан подчеркивал: «Мы всегда выступали против дислокации американских войск в Южной Корее. В ходе визита мы вновь открыто подтвердили нашу позицию. Северная Корея уже многократно со всей ясностью давала понять о своем желании вести консультации с США и по вопросам вывода войск.

Мы уже передавали некоторые послания Северной Корее такого характера правительству США. Мы надеемся, что власти США уделят надлежащее внимание справедливому призыву корейской стороны и посредством контактов и переговоров будут шаг за шагом решать существующую проблему. На наш взгляд, в процессе самостоятельного мирного объединения Кореи упомянутая проблема должна быть решена»⁴².

На встрече Ху Яобана с Ким Ир Сеном в Синьйчжу 4–6 мая 1985 года китайская сторона заявляла, что переговоры между Севером и Югом «вывели бы КНДР из изоляции», что положение на Корейском полуострове должно

³⁸ Жэньминь жибао. 1984. 25 марта.

³⁹ См.: Жэньминь жибао. 1984. 18 марта; Шицзе чжиши. 1984. 20 марта.

⁴⁰ Жэньминь жибао. 1984. 7 мая.

⁴¹ See: News from Foreign Agencies. 1984. May 9.

⁴² Гуанмин жибао. 1984. 13 мая.

быть спокойным, там должны царить доверие и мир, не должны происходить инциденты⁴³.

Выступая в Токийском пресс-клубе 25 апреля 1985 года, Пэн Чжэнь разъяснял, что КНР выступает за расширение контактов и диалога между Севером и Югом Кореи⁴⁴. Дэн Сяопин в беседе с делегацией партии Комэйто 1 августа 1985 года выразил надежду на продвижение вперед диалога между Севером и Югом Кореи, а также на возможность осуществления трехсторонних переговоров. Действия Китая, сказал китайский руководитель, заключаются в том, чтобы содействовать диалогу между Севером и Югом и трехсторонним переговорам, осуществлению мирного объединения в форме конфедерации между Севером и Югом. Если на Корейском полуострове разразится война, подчеркивал Дэн, пострадают все, в том числе и КНДР, и дело объединения Кореи⁴⁵.

В публикациях по случаю 37-й годовщины образования КНДР китайская печать всячески выпячивала роль Сеула в процессе мирного урегулирования в Корее, указывалось, что корейский вопрос должен быть мирно решен корейскими сторонами, что диалог между Севером и Югом должен быть во что бы то ни стало продолжен⁴⁶.

На торжествах в Пхеньяне в октябре 1985 года объединение Кореи выделялось корейской стороной в качестве самой актуальной проблемы мировой политики. Подчеркивалось, что без ее решения «нельзя думать о мире в Азии». Четко прозвучала критика «американского империализма». С китайской стороны упор был сделан на важность мирного диалога Север – Юг, трехсторонних переговоров КНДР – Ю. Корея – США.

В частном порядке китайские представители добавляют, что в КНР существует скептическое отношение к перспективам диалога Север – Юг: сохраняется взаимное недоверие сторон, создание Конфедерации Корё не совсем реально (китайская схема «одно государство, две социальные системы» исходит из наличия единой власти – центрального правительства КНР, в Корее же – соединение двух властей). Диалог будет трудным, долгим, малорезультативным, но, подчеркивают в Пекине, тем не менее он лучше, чем конфронтация.

Контакты Китая с Южной Кореей

В Пхеньяне вызывают раздражение китайские контакты с Южной Кореей, число которых неуклонно растет. Этот вопрос, согласно заявлениям корейских дипломатов, регулярно поднимается на переговорах между руководителями КНДР и КНР. Демарши не имеют эффекта. Пекин отрицает наличие подобных контактов. По сообщению «Нодон синмун», на недавней встрече в Нью-Йорке Пак Сен Чера с Чжао Цзяном китайский премьер в очередной раз заверил, что «Китай против вступления Южной Кореи в ООН и не имеет с ней никаких отношений»⁴⁷.

⁴³ См.: Дагун Бао. 1985. 10 мая (пропекинская газета в Гонконге).

⁴⁴ См.: Жэньминь жибао. 1985. 26 апр.

⁴⁵ See: The Japan Times. 1985. Aug. 2.

⁴⁶ См.: Ляован. 1985. 10 сент.

⁴⁷ Нодон синмун. 1985. 26 окт.

Факты и некоторые заявления самих китайских лидеров свидетельствуют, однако, о том, что КНР поддерживает и продолжает развивать связи с Южной Кореей. Характерны, в частности, следующие высказывания китайской стороны.

По сообщениям японских газет, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Е Фэй заявил на встрече с делегацией японского общества международных молодежных связей 29 февраля 1984 года, что «Китай впредь будет принимать активное участие в спортивных соревнованиях, культурных мероприятиях и конференциях, проходящих в Сеуле»⁴⁸. 31 июля 1985 года на японо-китайских консультациях мининдел Японии С. Абэ поднял вопрос о налаживании прямых торговых связей между КНР и Южной Кореей, передал предложение Южной Кореи об обмене торговыми представительствами между Сеулом и Пекином, Токио и Пхеньяном. У Сюэцянь заметил, что Китай не считает целесообразным менять *существующие* каналы торговли через третьи страны, но *будет готов* рассмотреть *другие* варианты, если изменится негативное отношение Пхеньяна к торговым связям между КНР и Южной Кореей.

Председатель ЦИК Комэйто Ё. Такэри на встрече с Дэн Сяопином 1 августа 1985 года передал устное послание Чон Ду Хвана, в котором выражено стремление к развитию отношений между Сеулом и Пекином. Одновременно глава южнокорейского режима поблагодарил китайскую сторону за то, что она разрешает контакты между корейцами, живущими в КНР, и их родственниками на юге Кореи, за осуществление торговых и спортивных связей с Сеулом, участие китайских представителей в различных международных форумах на территории Южной Кореи. Дэн Сяопин в ответ подтвердил, что Китай *будет развивать* подобные контакты с Сеулом, но прежде чем «идти дальше», надо подождать прогресса в диалоге Север – Юг. КНР готова посредничать в таком диалоге⁴⁹.

На переговорах в июле 1985 года с турецким премьером Озалам Чжао Цзыян также подтвердил, что КНР идет на определенные контакты с Южной Кореей, выполняет некоторые посреднические функции между Севером и Югом⁵⁰.

Проявлением недовольства Пхеньяна такими заявлениями китайских руководителей можно считать статью в «Нодон синмун» в августе 1985 года, в которой подчеркивалось, что «...Китай не является одной из заинтересованных сторон в корейском вопросе»⁵¹. Заслуживает в этой связи внимание информация в зарубежной прессе о том, что Сеул якобы предлагал провести встречу руководителей КНДР и Южной Кореи в КНР, но северокорейская сторона отказалась от услуг китайцев⁵².

Контакты между КНР и Югом Кореи имеют место по целому ряду направлений.

С августа 1983 года Пекин начал разрешать въезд в Китай для участия в мероприятиях, проводимых по линии международных организаций,

⁴⁸ The Japan Times. 1984. March 2.

⁴⁹ See: The South China Morning Post. 1985. Aug. 3.

⁵⁰ См.: Чжаньван. 1985. 1 авг.

⁵¹ Нодон синмун. 1985. 29 авг.

⁵² See: The Japan Times. 1985. Oct. 10.

официальным представителям Южной Кореи. В 1985 году в Южной Корее побывало более 10 китайских делегаций на различные международные форумы.

По *спортивной* линии с 1984 года Китай участвует во всех соревнованиях, проводимых в Южной Корее под эгидой международных организаций. В 1985 году китайские спортсмены не менее 15 раз посещали Южную Корею, южнокорейские – не менее 12 раз – КНР⁵³.

По поводу участия КНР в Олимпиаде 1988 года в Сеуле Ху Яобан на встрече с председателем Ассоциации депутатов японского парламента за японо-китайскую дружбу М. Ито 22 марта 1984 года заявил: «Китай руководствуется международными правилами в вопросе об участии в международных соревнованиях. КНДР об это уже уведомлена»⁵⁴. В последнее время китайская сторона высказывается насчет Сеульской Олимпиады осторожнее, подчеркивает свою поддержку идеи Пхеньяна о проведении Олимпиады 1988 года в обеих частях Кореи. Тем не менее по существу Китай готовится принять участие в Сеульской Олимпиаде.

Экономические связи между Пекином и Сеулом до последнего времени осуществлялись через Гонконг и Японию. Ху Яобан намекнул в интервью газете «Нихон кэйдзай» на возможность в будущем полной легализации торговли с Южной Кореей. Отвечая на вопрос, осуществляет ли Китай прямую торговлю с Южной Кореей и не намерен ли Пекин оживить экономические связи с Сеулом, он заявил: «Прямой торговли между Китаем и Южной Кореей нет. Что касается развития экономических связей между двумя странами в будущем, то этот вопрос мы хотели бы решать в зависимости от обстановки на Корейском полуострове»⁵⁵.

Японская газета «Иомиури симбун» сообщила 30.VIII.1985 г., что правительство КНР приняло в начале августа 1985 года решение об ослаблении ограничений на торговлю с Южной Кореей, в соответствии с которым Пекин дал действующим в Гуанчжоу, Гонконге и других районах китайским внешнеторговым организациям указание активизировать китайско-южнокорейские торговые связи.

Впредь торговые связи будут якобы осуществляться непосредственно между двумя странами. Решено также отменить запрет на экспорт в Южную Корею промышленного сырья, которое может быть использовано в военной промышленности. Косвенная китайско-южнокорейская торговля через Гонконг составила в 1983 году 839 млн гонконгских долларов, а в 1984 году – 1,444 млн гонконгских долларов. По данным западной прессы, Южная Корея инвестировала средства в ряд предприятий в специальных экономических зонах КНР. В Пекине якобы «позитивно относятся к подобным шагам Сеула, выражая готовность к сотрудничеству в области технологий с южнокорейскими компаниями»⁵⁶.

Встречи *родственников* корейской национальности, проживающих в Китае и Южной Корее, начали осуществляться с 1984 года, а переписка между ними – с 1979 года. Вопрос о взаимных поездках родственников был решен

⁵³ See: The South China Morning Post. 1985. Dec. 25.

⁵⁴ The Japan Times. 1984. March 23.

⁵⁵ Нихон кэйдзай. 1985. 27 нояб.

⁵⁶ The Washington Post. 1985. March 3; 1985. May 1.

во время переговоров Накасонэ с Ху Яобаном и Чжао Цзыяном в марте 1984 года. Как официально подтвердил представитель МИД КНР, Чжао Цзыян дал согласие на предложение японской стороны разрешить проживающим в КНР корейцам встречаться со своими родственниками, проживающими в Южной Корее⁵⁷.

С 1984 года китайские *самолеты*, выполняющие регулярные рейсы в Японию, пролетают через воздушное пространство Южной Кореи и обслуживаются ее диспетчерами. Китай согласился предоставить аналогичные услуги для самолетов Южной Кореи. В ноябре 1984 года швейцарская авиакомпания осуществила чартерный полет по маршруту Пекин – Сеул.

В апреле 1984 года между Южной Кореей и КНР периодически практикуется открытие *телефонных, телексных и телеграфных* каналов связи через Японию на время международных спортивных состязаний (чемпионата Азии по баскетболу среди юниоров, чемпионата Азии по плаванию в Сеуле в 1984 году и т. д.).

Пекин и Сеул неоднократно успешно сотрудничали в последние годы при возникновении различных *инцидентов*: имели место переговоры между официальными лицами КНР и Южной Кореи, китайская сторона именовала партнеров представителями Республики Кореи.

Проблемы двустороннего характера. Разногласия и противоречия в северокорейско-китайских отношениях

Разногласия существуют в северокорейско-китайских отношениях и по проблемам двустороннего характера.

У сторон отсутствует полное понимание и одобрение *внутренней политики* друг друга. Анализ высказываний китайских лидеров на встречах с руководителями КНДР, материалов прессы КНР показывает, что Пекин предпочитает игнорировать «идеи чучхе». О них упоминается крайне редко, и не как об идеологии, а только как о принципе «самостоятельности». В Китае, хотя и уделяют в последнее время повышенное внимание Ким Чен Иру, но в большинстве случаев избегают называть его наследником Ким Ир Сена. В частных беседах китайские представители открыто высказывают свое отрицательное отношение к чучхе, методам управления экономикой в КНДР, к «наследованию» власти, «культу личности» и т. п. Проводится мысль, что корейское руководство близко по своему мировоззрению китайской «банде четырех».

У руководства КНДР, в свою очередь, порождают настороженность и опасения некоторые перемены в китайской внутренней политике, связанные с пересмотром наследия Мао, антикультурными тенденциями, отказом от кооперирования в деревне, широким допуском в страну иностранного капитала, послаблениями в области идеологии, проникновением в КНР «буржуазного образа жизни».

При освещении XII съезда КПК в 1982 году корейская печать опустила выдвинутые Ху Яобаном положения об ошибках Мао и недопустимости «культы личности», о затухании классовых борьбы в период строительства социализма, об опасности волюнтаризма, штурмовщины и авралов в

⁵⁷ См.: Жэньминь жибао. 1984. 24 марта.

экономике, о необходимости использовать рыночный механизм, материальные стимулы в развитии народного хозяйства и т. п.

В ознаменование 90-летия со дня рождения Мао Цзэдуна газета «Нодон синмун» опубликовала редакционную статью, в которой в превосходных тонах характеризуются заслуги Мао в революционной борьбе китайского народа, в международном революционном движении. Публикуются другие подобные материалы⁵⁸.

В корейской печати, как правило, обходится стороной китайская политика «открытых дверей». Японская газета «Иомиури симбун», комментируя переговоры между Ху Яобаном и Ким Ир Сенем в мае 1984 года, указывала, что «по вопросам политики “открытых дверей” выявились разногласия в мнениях сторон». Газета обратила внимание на то, что Ху Яобан делал акцент на важность упомянутой политики, Ким Ир Сен же, как видно из китайских и корейских публикаций, «не отреагировал на эти заходы, отмалчивался»⁵⁹.

Печать КНДР весьма скупо информировала о 3-м Пленуме ЦК КПК 12-го созыва, на котором было принято решение о проведении крупномасштабных реформ в городе и который в КНР охарактеризовали как «исторический пленум». «Нодон синмун» поместила лишь краткое изложение протокольного сообщения Синьхуа о созыве пленума, составе его участников и двух принятых им постановлений⁶⁰. В последующем корейская печать не давала каких-либо дополнительных материалов по Пленуму ЦК КПК, не излагала и не комментировала решение о проведении экономической реформы.

Появляющиеся в печати КНДР упоминания об экономической политике Пекина носят самый общий характер и не раскрывают ее сути. Корейские представители и на двусторонних мероприятиях в речах и тостах уклоняются от собственных оценок перемен в подходе Пекина к управлению народным хозяйством. Самое большое, на что идут корейцы, – это выражение в общей форме удовлетворения по поводу достижений и пожелания новых успехов в выполнении решений съезда и пленумов ЦК КПК.

Вместе с тем в последнее время корейцы стремятся ознакомиться с тем новым, что появляется в КНР в социально-экономической области. В частности, интерес к нововведениям, к опыту создания специальных экономических зон был проявлен в ходе визитов в Китай Кан Сен Сана, Ким Ен Нама, министра внешних экономических дел Тен Сон Нама. Весьма вероятно, что опыт китайцев учитывался в КНДР при подготовке закона «О совместных предприятиях» (сентябрь 1984 г.), да и сама идея принятия такого закона, очевидно, родилась под влиянием китайского образца.

Источником определенных разногласий между двумя странами остается *пограничный вопрос*. Корейская сторона стремится на договорной основе зафиксировать границы. При этом она хотела бы получить от Китая всю территорию горы Пэктусан, которая является символом антияпонской революционной борьбы в Корее, по возможности добиться других территориальных уступок. Во время визита Чжао Цзыяна в Пхеньян в 1981

⁵⁸ См.: Нодон синмун. 1983. 26 дек.

⁵⁹ Иомиури симбун. 1984. 9 мая.

⁶⁰ См.: Нодон синмун. 1984. 21 окт.

году был поднят вопрос о желательности полного отнесения к КНДР горы Пэктусан. Чжао Цзыян ответил, что не уполномочен решать данный вопрос. Позднее от Пекина был получен ответ, в котором говорилось, что еще не подошло время, когда нужно решать вопрос о горе Пэктусан⁶¹.

Вплоть до настоящего времени китайская сторона весьма неохотно идет на обсуждение пограничных вопросов, не желая зафиксировать границу в документах и тем более идти на уступки КНДР в территориальном вопросе.

Объектом споров между КНР и КНДР является *континентальный шельф* у берегов Кореи. 30 января 1974 года Сеул и Токио заключили «соглашение о совместном освоении южной части континентального шельфа», предусматривавшее «создание зоны совместного освоения» на континентальном шельфе в Восточно-Китайском море к югу от 32 градуса северной широты. Сразу после подписания соглашения КНДР и КНР выступили с протестами. В заявлении МИД КНДР от 2 февраля 1974 года указывалось, что «континентальный шельф нашей страны является ценным достоянием нашей нации и никто не имеет права посягать на него»⁶². 4 февраля 1974 года МИД КНР охарактеризовал соглашение как посягательство на суверенитет Китая. Пекин утверждал, что вопрос о том, как делить континентальный шельф, должен быть решен Китаем и другой заинтересованной стороной⁶³. Печать КНДР этот протест китайцев не упомянула.

В мае 1980 года в связи с началом разведочного бурения шельфа в «зоне совместного освоения» Пекин выступил с новым протестом, в котором говорилось о суверенитете Китая над той частью Восточно-Китайского моря, где ведется разведка морского дна⁶⁴. «Нодон синмун» поместила редакционную статью, охарактеризовавшую соглашение как «недопустимый акт грабежа национальных богатств корейского народа»⁶⁵.

В последние годы данный вопрос не поднимался Китаем или КНДР, но вместе с тем решения он пока не нашел. По сообщениям иностранной печати, в КНДР выражают недовольство тем, что Пекин без согласования с корейской стороной начал сдавать в аренду западным нефтяным компаниям участки континентального шельфа в Восточно-Китайском море.

О территориальных претензиях Китая к КНДР свидетельствуют публикации в последние годы географических карт, на которых Корея обозначена как утраченная территория Китая⁶⁶.

Примечателен и факт различной трактовки в КНДР и КНР древнего государства Пархэ (Бохай), просуществовавшего с 698 по 926 год. Корейские ученые считают, что Пархе было самым могущественным государством в истории корейского народа. В Центральном историческом музее КНДР его границы показаны по реке Ляохэ на Ляодунском полуострове, по реке Амур и северной границе нынешнего Приморского края СССР. Сделаны ссылки на хронику 727 года и археологические раскопки в упомянутых

⁶¹ See: The Japan Times. 1981. Dec. 12.

⁶² Нодон синмун. 1974. 3 февр.

⁶³ См.: Жэньминь жибао. 1974. 5 февр.

⁶⁴ См.: Жэньминь жибао. 1980. 15 мая.

⁶⁵ Нодон синмун. 1980. 16 мая.

⁶⁶ См., например: Атлас по истории Китая. Шанхай, 1984. С. 15, 19, 23.

районах. Корейские представители подчеркивают в беседах, что необходимо с крайней осторожностью относиться к утверждению китайских исторических хроник, которые грешат неточностями и апологетикой политики китайских императоров. В китайских же публикациях Бохай называется древним китайским государством⁶⁷.

Определенные трения возникают между КНР и КНДР из-за *проблемы эмигрантов*.

Вплоть до 1960-х годов в КНДР проживало около 40 тысяч китайцев, к 1981 году их оставалось уже не более 10 тысяч, а по состоянию на середину 1985 года – только 6 тысяч. Китайское население уменьшается за счет массового выезда на родину. В частных беседах с иностранными дипломатами в Пекине в 1982–1985 годах китайские представители жаловались на «серьезные притеснения» хуацяо корейскими властями. По китайским данным, хуацяо практически допускается заниматься в Корее лишь физическим трудом. Их зачастую не принимают на работу, существуют ограничения для поступления китайцев в корейские средние специальные и высшие учебные заведения. Китайцев не допускают на политические занятия, которые проводятся на заводах и предприятиях, где они работают. В 1984–1985 годах в некоторых вопросах эмигрантам сделаны послабления, но, по мнению китайской стороны, недостаточные.

В Китае проживает около 1,5 млн корейцев, в основном в Яньбянь-Корейском автономном округе на северо-востоке КНР. В ходе визита в КНР в 1982 году Ким Ир Сен, по некоторым сведениям, жаловался на ассимиляторскую политику китайских властей в отношении корейских эмигрантов⁶⁸. Пхеньян не устраивает, что корейцев насильно заставляют учить китайский язык, запрещают иметь в доме портреты Ким Ир Сена, селят вместе с китайцами. За последние годы только нескольким корейцам разрешили учиться в вузах КНДР, на родине предков.

Периодически между Пхеньяном и Пекином имеют место и другие инциденты, как, например, переход на китайскую территорию группы высокопоставленных северокорейских офицеров в 1982 году и т. п.

Советский фактор в корейско-китайских отношениях

Политика Пхеньяна в отношении Пекина тесно связана с советско-северокорейскими отношениями. Корейское руководство на протяжении последних двадцати с лишним лет стремилось лавировать между КНР и СССР, не примыкая ни к одной из двух сторон и используя советско-китайские противоречия для извлечения политических и экономических дивидендов. Как уже отмечалось выше, национализм, нежелание находиться в рядах соцсодружества, особые идеологические и политические позиции на деле сближали Пхеньян с Пекином в ущерб советско-корейским отношениям.

В последний период (1982–1985) в позициях корейского руководства произошли определенные подвижки. Появившаяся тенденция к улучшению советско-китайских отношений, неудовлетворенность многими аспектами политики Пекина, эскалация военных приготовлений США в Азиатско-

⁶⁷ См.: История Китая: Учебник для старших классов. Шанхай, 1984. С. 92; Китай. 1985. № 11. С. 24–27 и др.

⁶⁸ See: News from Foreign Agencies. 1982. March 30.

Тихоокеанском регионе (АТР), сложное экономическое положение страны и ряд других факторов толкнули корейское руководство на активизацию отношений с СССР, видоизменение позиций по международным проблемам, на проведение более сбалансированной линии в отношении СССР и КНР. Одновременно КНДР, которая ранее упорно отказывалась выражать свое мнение по вопросам отношений между СССР и Китаем, теперь стала предлагать свои посреднические услуги в интересах их урегулирования. Пхеньян явно опасается остаться в стороне от процесса нормализации советско-китайских отношений.

После визита Ким Ир Сена в СССР в мае 1984 года КНДР заметно активизировалась в области двусторонних советско-корейских отношений. Руководство КНДР и лично Ким Ир Сен стали уделять подчеркнутое внимание советским делегациям, произошли положительные изменения в отношении к советским представителям и специалистам. Корейская сторона предлагает расширить делегационный обмен в различных областях и поднять его уровень, она заметно увеличила число студентов, аспирантов и стажеров, в том числе гуманитарного профиля, направляемых в СССР. Особая заинтересованность проявляется в расширении экономического сотрудничества, включая элементы производственной кооперации.

КНДР стала поддерживать советские внешнеполитические инициативы. Так, корейской стороной одобрено предложение СССР о комплексном подходе к проблемам безопасности в Азии. Об этом заявлялось на официальных встречах представителей двух стран, в частности во время визита Кан Сен Сана в СССР (24–29.XII.1985)⁶⁹.

В коммюнике по итогам визита в СССР Ким Ен Нама (16–23.IV.1985) подчеркивалось: «Отметив как позитивный фактор оживление связей между СССР и КНР, стороны выразили убеждение, что нормализация советско-китайских отношений соответствовала бы коренным интересам народов двух стран, делу мира и укрепления позиций мирового социализма»⁷⁰. Интерес Пхеньяна к улучшению советско-китайских отношений фиксировался в целом ряде других случаев.

Что касается Пекина, то на него возымело действие обновленная линия КНДР в отношении СССР, на что в Пхеньяне и рассчитывали. Начиная с 1960-х годов китайское руководство неизменно стремилось ограничить советское влияние на КНДР и по возможности отеснить СССР из этого района. Потепление в советско-корейских отношениях не могло не вызвать беспокойства в Пекине.

В 1982–1983 годах КНР все еще не оставляла попыток открыто провоцировать недоверие в КНДР к СССР. Во время приема Ким Ир Сена осенью 1982 года китайские лидеры публично выступали с тезисами о «внешней агрессии в Афганистане», о «схватке двух сверхдержав за гегемонию», о «гонке вооружений СССР и США» и т. д.⁷¹ В китайской печати проводилась мысль о том, что Советский Союз несет ответственность за обострение обстановки на Корейском полуострове и т. п.⁷²

⁶⁹ См.: Правда. 1985. 25 дек.

⁷⁰ Правда. 1985. 24 апр.

⁷¹ См.: Жэньминь жибао. 1982. 18 сент.

⁷² См., например: Жэньминь жибао. 1983. 31 дек.

В 1984 году Пекин изменил линию поведения, отказался от публичных и вообще прямых, «в лоб», попыток подрыва советско-корейских отношений. Накануне отбытия Ким Ир Сена в поездку в СССР и страны Восточной Европы Ху Яобан пожелал корейскому руководителю успеха⁷³. По его возвращении Ху Яобан выразил удовлетворение успешной поездкой⁷⁴.

Параллельно Пекин прилагал усилия по нейтрализации движения КНДР в сторону СССР. Так, по мнению иностранных обозревателей, это было главной целью визита Ху Яобана в КНДР в мае 1984 года, накануне поездки Ким Ир Сена в Советский Союз. Японская газета «Нихон Кэйдзай симбун» писала, что «в условиях переориентации Северной Кореи на Советский Союз Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан отправился в Северную Корею, чтобы приложить самые большие усилия для сохранения союзнических отношений с Северной Кореей». Газета далее подчеркивала, что «готовясь к поездке в Советский Союз, Ким Ир Сен намерен добиться некоторых дипломатических преимуществ над Пекином, который опасался влияния Советского Союза на своего стратегически важного союзника»⁷⁵.

Гонконгская печать указывала, что «Ху Яобан хочет предотвратить переход Северной Кореи в стан СССР»⁷⁶. Министр обороны США К. Уайнбергер, касаясь визита в Москву Ким Ир Сена и Ху Яобана в КНДР, высказывал мнение, что «эти визиты, возможно, связаны с соперничеством между СССР и Китаем»⁷⁷.

Пекин по-прежнему прилагает усилия, чтобы предотвратить «крен» корейской политики в сторону СССР. Больше стало публиковаться материалов в поддержку позиции КНДР по «корейскому узлу», еще больше внимания уделяется корейским делегациям. Одновременно различными косвенными путями китайская сторона пытается посеять сомнения в КНДР относительно мотивов СССР и даже припугнуть корейское руководство. В частности, в гонконгской прессе появлялись сообщения о том, что китайские лидеры в беседах с представителями ряда развивающихся стран, дружественных КНДР, проводили мысль, что Китай «не потерпит советских военных баз» в Корее, что Советский Союз рассчитывает использовать Пхеньян в качестве «пешки» в противоборстве с США⁷⁸.

Различия в подходе КНДР и КНР к другим международным проблемам

Имеются различия в подходе КНДР и КНР к другим международным проблемам. Они также затушевываются, и догадаться об их существовании можно лишь путем сравнительного анализа заявлений руководителей и материалов прессы двух стран.

Главное, что не устраивает Пхеньян во внешней политике Пекина, – это курс на тесное взаимодействие с США и Японией, поддержка военных

⁷³ См.: Жэньминь жибао. 1984. 6 мая.

⁷⁴ См.: Жэньминь жибао. 1984. 1 июля.

⁷⁵ Кэйдзай симбун. 1984. 6 мая.

⁷⁶ The South China Morning Post. 1984. May 5.

⁷⁷ Associated Press News. 1984. May 12.

⁷⁸ См., например: Чжаньван. 1984. 5 июля.

приготовлений Вашингтона и Токио на Дальнем Востоке, игнорирование их попыток сколотить тройственный альянс с привлечением Сеула. Соединенные Штаты не признают КНДР и многое из того, что они делают в АТР, направлено прямо против Пхеньяна. Естественно, что для КНДР США вместе с их союзниками являются противниками, создают угрозу безопасности республики. Китайцы же, напротив, рассматривают Вашингтон и весь западный лагерь в АТР в качестве экономических и политических партнеров.

Показательно в этой связи, что все последние годы пресса КНДР практически замалчивала политические и военные контакты Пекина с Вашингтоном и Токио. В КНДР почти ничего не сообщалось о поездках в Китай Дж. Буша (1982), Дж. Шульца (1983), Р. Рейгана (1984); Накасонэ (1984); в США – Чжао Цзяяна (1984), Ли Сяньняня (1985); Ху Яобана в Японию (1983) и т. д. Различной была реакция КНДР и КНР на поездки Рейгана и Накасонэ в Сеул и Чон Ду Хвана в Вашингтон и Токио, Рейгана в Токио (в КНДР эти поездки подвергали резкой критике, в Китае – они освещались в чисто информативном плане, без какого-либо осуждения).

В то время как в Пекине проявляют определенный интерес к идее создания «Тихоокеанского сообщества» (выдвигаемой США и Японией), отношение Пхеньяна к ней резко негативное. Корейская печать выступает с критическими статьями, разоблачающими реакционность замысла «Тихоокеанского сообщества». Как подчеркивал теоретический орган ЦК ТПК журнал «Кыллочжа», «корейский народ будет и впредь, как и раньше, активно бороться за сохранение мира в АТР, против попыток создавать агрессивные «союзы» и «сообщества», идущие вразрез интересам и чаяниям народов этого региона»⁷⁹.

Как уже говорилось выше, корейская сторона выразила полную поддержку предложениям СССР, направленным на стабилизацию обстановки на азиатском континенте. В КНДР расценили решение участников Организации Варшавского договора о продлении срока действия Договора как «весьма правильное», поддерживают мирные инициативы соцстран, направленные на оздоровление обстановки в Европе, осуждают возрождение западногерманского реваншизма, отмечают необходимость дальнейшего укрепления единства содружества, активизации борьбы за мир, противодействия опасным планам США.

КНДР развивает отношения с ДРА. С 21 по 28 октября 1985 года по приглашению ЦК НДПА в ДРА находилась очередная делегация ТПК. Корейские представители выражали солидарность с борьбой афганского народа против «империализма и региональной реакции». Говорилось о необходимости дальнейшего развития межпартийных связей с НДПА на основе принципов пролетарского интернационализма⁸⁰. В начале декабря 1985 года афганская делегация во главе с членом руководства НДПА М. Барьялаем находилась в КНДР и была принята Ким Ир Сенем⁸¹.

У Китая по всем упомянутым вопросам иные позиции.

⁷⁹ Кыллочжа. 1984. № 8.

⁸⁰ См.: Хакикате инкилабе саур. 1985. 28 нояб.

⁸¹ См.: Нодон синмун. 1985. 3 дек.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что корейская сторона постоянно поднимает тему общих задач КНДР и КНР в борьбе с империализмом, на что Пекин отвечает молчанием.

Недовольство корейской стороны различными аспектами внешней политики Пекина проскальзывает порой в беседах с представителями СССР и других стран. Делались, в частности, высказывания о том, что Корея всегда опасается неожиданных и опасных шагов КНР в сторону США и Японии. Корейцы сетовали, что Китай ведет закулисные переговоры с Вашингтоном, не информируя об их содержании. Указывалось, что КНР в стремлении развивать отношения с Западом игнорирует интересы соцстран, включая КНДР.

Корейцы неоднократно признавали, что в КНДР не одобряют курса Пекина на расширение связей с Японией, не согласны с позицией КНР относительно претензий Японии на «северные территории» и размещения советских ракет «СС-20» на Дальнем Востоке.

Китайские руководители со своей стороны пытаются успокоить Пхеньян, убедить его в правильности китайского внешнеполитического курса. Ху Яо-бан в ходе визита в КНДР в 1984 году подчеркивал, что развитие отношений с США полезно для стабильности в мире и для осуществления четырех модернизаций, просил «не беспокоиться» о «стратегических отношениях» с США. Американцы, мол, стремятся создать такое впечатление, но Китай не будет втянут в стратегическое партнерство. Развивая межгосударственные отношения, Китай всегда будет выступать против «непотопляемых авианосцев» (американские войска в Корее и т. д.). Пекин постоянно уговаривает КНДР перейти к политике «открытых дверей» по китайскому образцу.

Различия между Пхеньяном и Пекином в подходе к международным проблемам не следует вместе с тем преувеличивать. Национализм руководства ТПК по-прежнему толкает его на позиции, близкие Китаю и недружественные СССР.

Так, на переговорах в Индонезии 27–28 ноября 1985 года Пак Сен Чер осудил «доминанционистские устремления сверхдержав» в регионе, высказался за вывод вьетнамских войск из Кампучии и за проведение там всеобщих выборов с участием представителей «коалиционного правительства». Пак Сен Чер предложил Джакарте наладить регулярные политические консультации в рамках движения неприсоединения «с целью сохранения чистоты движения»⁸².

В те самые дни, когда в Пхеньяне принимали делегацию НДПА, Ким Ен Нам находился с официальным визитом в Пакистане. Корейский мининдел подчеркивал дружеский характер отношений между КНДР и Пакистаном, близость позиций двух стран по проблемам Азии, движения неприсоединения, упрочения мира и международной безопасности. Ким Ен Нам молча выслушал выпады Президента Пакистана Зия-уль-Хака против Афганистана, передал ему приглашение посетить КНДР⁸³. По пути в Пакистан Ким Ен Нам останавливался в Пекине и вел там переговоры с У Сюэцянем⁸⁴.

⁸² See: The Indonesia Times. 1985. Nov. 30; 1985. Dec. 3.

⁸³ See: The Pakistan Times. 1985. Dec. 2.

⁸⁴ См.: Нодон синмун. 1985. 28 нояб.

Торгово-экономические связи между КНДР и КНР

В Пхеньяне и Пекине придают большое значение взаимным торгово-экономическим связям. Для КНДР Китай является вторым по важности после Советского Союза экономическим партнером, который обеспечивает значительную часть необходимых импортных товаров, помогает в реконструкции и строительстве хозяйственных объектов, оказывает финансовую и военную помощь, посредничает в установлении контактов с западными фирмами.

Чисто экономический интерес Китая к сотрудничеству с КНДР в настоящее время ограничен из-за слабости корейской экспортной базы, большой клиринговой задолженности корейской стороны, нежелания нынешнего китайского руководства отвлекать средства на помощь за рубежом.

Однако в политическом плане с точки зрения предотвращения отхода корейского руководства от Пекина, сближения КНДР с СССР экономические связи рассматриваются Китаем в качестве важной составной части его взаимоотношений с Пхеньяном. При этом в последнее время Пекин уделяет все большее внимание обеспечению собственных коммерческих интересов в торгово-экономическом сотрудничестве с КНДР (табл. 2).

Таблица 2

Торговля КНР с КНДР (в млн руб.)*

Показатель	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1-е полугодие 1985 г.	1-е полугодие 1985 г. к 1-му полугодью 1984 г., %
Оборот	383,5	428,5	378,0	371,0	191,1	101,5
Экспорт КНР в КНДР	216,4	205,9	195,8	191,0	97,3	109,1
Импорт КНР из КНДР	167,1	222,6	182,2	180,0	93,8	94,7

Экономические связи КНДР с КНР в прошлые периоды по экономическим и политическим причинам неоднократно подвергались колебаниям⁸⁵. Сохраняются трудности в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран и в последние годы.

Удельный вес КНР во *внешней торговле* КНДР колеблется в районе 15 % (СССР – более 24 %), удельный вес КНДР во внешней торговле КНР очень незначительный, менее 1 %. Торговля с 1980 года ведется в швейцарских франках по мировым ценам, на клиринговой основе.

Как видно из табл. 2, товарооборот между КНР и КНДР, несколько варьируясь, в целом не вырос за последние годы. В 1984 году он был немного ниже, чем в 1981 году, в 1985 году, видимо, вернется к уровню 1981 года. Экспорт КНР сокращался, а импорт возрастал (в 1985 г. наблюдается обратное явление), но при этом китайский экспорт во все годы (за исключением 1982 г.) превышал импорт КНР из КНДР.

Характерный момент торговли КНДР с КНР – регулярное недовыполнение корейской стороной своих обязательств (это явление наблюдается и в торговле КНДР с большинством других стран). Китай

⁸⁵ См., например: *Мун Де-До*. Торгово-экономические отношения КНР с КНДР и Южной Кореей (1949–1983 годы) // Восток и современность (НИБ). 1984. № 1 (31).

же свои обязательства, как правило, выполняет. Все это вместе ведет к несбалансированности товарооборота.

В 1981 году истек срок действия долгосрочного торгового соглашения (1977–1981 гг.) между КНР и КНДР. Китай вначале решил отойти от практики долгосрочного планирования торговли с КНДР и осуществлять ее только на базе годовых протоколов. Такая позиция обуславливалась невыполнением корейской стороной своих внешнеторговых обязательств, а также внутренними экономическими трудностями КНР.

Ким Ир Сен, однако, в ходе своих переговоров с китайскими руководителями в сентябре 1982 года смог переубедить их, и в октябре стороны подписали новое долгосрочное торговое соглашение об обмене основными товарами на 1982–1986 годы. Торговля осуществляется в соответствии с этим соглашением и ежегодно подписываемыми протоколами о товарообороте и платежах (на 1985 год подписан 12.I.1985 г. в Пекине).

В порядке погашения клиринговой задолженности ежегодно предусматривается увеличение экспорта КНДР в КНР, но на практике погашения не происходит. В качестве ответной меры Пекин стремится ограничивать поставки своих товаров (как следствие – почти ежегодное сокращение китайского экспорта). Постепенно клиринговая задолженность КНДР накапливается и через какой-то срок по просьбе корейской стороны или погашается, или переносится в кредит.

На конец 1981 года задолженность КНДР составляла около 190 млн рублей. Стороны договорились, что она будет погашена в течение 5 лет (1982–1986). В 1982 году Пхеньян выполнил свои годовые обязательства на 73 %. Особенно велики были недопоставки «валютных» товаров – цинка, свинца, стального листа, мочевины. По выплате ранней задолженности корейцы выполнили обязательства на 68 %. Со стороны Китая недопоставок не было. В итоге клиринговая задолженность КНДР выросла до 260 млн рублей. Была достигнута договоренность о беспроцентной рассрочке платежей, а объем торговли на 1983 год запланирован аналогичный 1982 году.

В 1983 году корейцы выполнили обязательства всего на 63 %. Китайский импорт из КНДР уменьшился по сравнению с 1982 годом на 21,1 %. КНР выполнила протокольные обязательства на 95 %. Товарооборот сократился на 10,8 %.

В 1984 году протоколом было предусмотрено, что торговля между КНР и КНДР возрастет по сравнению с уровнем 1983 года на 16,6 %, в том числе экспорт КНДР – на 20,9 %, импорт КНДР – на 12,5 %. Фактически же товарооборот сократился на 1,9 %, при этом импорт КНДР уменьшился на 2,3 %, экспорт – на 1,3 %. КНДР в значительной степени недопоставила в КНР железную руду, горячекатаный стальной лист, цинк, цемент, оконное стекло, были сорваны поставки свинца и сигарет. Китай в качестве ответной меры не выполнил своих протокольных обязательств по нефти и нефтепродуктам, коксующемуся углю, совсем не поставил марганцевую руду⁸⁶.

На 1985 год запланирован товарооборот примерно на уровне 1984 года при некотором превышении китайского импорта над экспортом, но, как видно по данным за первое полугодие, КНДР не выполнит своих обязательств.

⁸⁶ См.: Экономика и внешнеэкономические связи социалистических стран Азии // ИБ 1985. № 381–382. С. 28, 65–66.

В корейском экспорте в КНР на минеральное сырье и металлы приходится около 85 % от общего объема, на химические товары – примерно 2,5 %, пищевкусовые – 13–15 %. КНДР поставляет на китайский рынок стальной прокат, антрацит, цемент, железную руду, чугун, металлорежущие станки, различные ткани, а также продукты моря, руды цветных металлов, цветные металлы, одежду, овощи и т. д.

Как видно из табл. 3, корейская сторона регулярно недопоставляет в Китай важнейшие товары экспорта.

По данным китайской таможенной статистики, удельный вес товаров группы «Топливо, минеральное сырье, металлы» составляет в экспорте КНР в КНДР более 90 %, товаров группы «Машины, оборудование и транспортные средства» – около 7 %. КНР поставляет нефть, нефтепродукты, коксующийся уголь, хлопок-сырец, поваренную соль, марганцевую руду, гипсовый камень, соевые бобы и другие сельскохозяйственные продукты (табл. 4). Экспортируются также химические продукты, текстильные изделия, обувь и другие товары легкой промышленности, обработанные сельскохозяйственные продукты, цветные металлы.

Для корейцев очень важны поставки нефти, и КНДР постоянно «нажимает» на КНР, добиваясь увеличения ее поставок. Китай идет на это неохотно, требуя увеличения корейского экспорта черных и цветных металлов, цемента и т. д. Но КНДР недопоставляет даже предусмотренное соглашениями, предпочитая сбывать эти товары в капстраны за конвертируемую валюту.

Таблица 3

Экспорт из КНДР основных товаров в КНР⁸⁷

Товар	Ед. измерения	1982 г.		1983 г.		1984 г.		1985 г.	
		по протокоду	по факт. стоимости	по протокоду	по факт. стоимости	по протокоду	по факт. стоимости (оценка)	по закл. контракту	по факт. стоимости на 1.VII.85
Антрацит	млн т	2,3	2,05	2,5	2,0	2,3	2,2	2,1	1,1
Железная руда	млн т	1,5	1,5	1,5	1,0	1,5	1,1	1,4	0,45
Цемент	млн т	1,6	1,76	1,58	1,3	1,8	1,6	1,5	0,6
Стальной прокат	тыс. т	–	140	160	140	190	152	140	60
Цинк	тыс. т	80	16	30	11	40	10	35	10
Свинец	тыс. т	10	4,8	10,0	5,0	10	–	10	–
Мочевина	тыс. т	30	30	33	–	41	33	35	12
Стекло лист.	тыс. кв. м	–	–	–	–	800	590	500	290
Минтай	тыс. т	–	60	150	60	150	65	120	50

Таблица 4

Экспорт из КНР основных товаров в КНДР⁸⁸

⁸⁷ См.: Внешнеэкономические связи КНР в первом полугодии 1985 г. М.: ВНИКИ МВТ СССР, 1985. С. 16–17, 31–33.

⁸⁸ См. там же. С. 31–33.

Товар	Ед. измерения	1982 г.		1983 г.		1984 г.	1985 г.
		по протоколу	по факт. стоимости	по протоколу	по факт. стоимости	по факт. стоимости (оценка)	по протоколу
Нефть и нефтепродукты	млн т	1,5	1,5	1,51	1,5	1,35	1,5
Коксующийся уголь	млн т	2,3	2,0	2,3	2,0	2,2	2,3
Поваренная соль	тыс. т	159	150	150	150	158	150
Гипсовый камень	тыс. т	120	120	120	120	120	120
Марганцевая руда	тыс. т	—	—	—	—	—	30

В 1980 году КНР поставила в КНДР 1,5 млн т нефти и нефтепродуктов в обмен на 2,5–2,8 млн т железной руды, некоторое количество цемента. В обмен на 2,5 млн т кокса и коксующих углей корейцы экспортировали в Китай такое же количество антрацита. Примерно эти же объемы сохранились в 1981–1983 годах.

В ходе визита Ким Ир Сена в КНР в ноябре 1984 года китайская сторона согласилась увеличить поставки нефти и кокса, а также предоставить кредит на оплату поставок продовольствия из Китая. Есть данные, что во время встречи Ху Яобана с Ким Ир Сеном в Синьчжу в мае 1985 года была достигнута новая договоренность о поставке Китаем в КНДР сверх протокольных обязательств 100 тыс. т нефти и 100 тыс. т коксующегося угля⁸⁹.

Таким образом, китайско-корейская торговля не растет главным образом из-за постоянного срыва корейской стороной запланированных поставок, из-за ее неспособности погашать накопившуюся клиринговую задолженность и ответных мер КНР. Следует также учитывать и то, что Пекин выражает недовольство качеством многих корейских товаров (особенно готовых изделий). Неоднократно Китай отказывался от партий корейских станков и тракторов.

Между КНДР и КНР развиваются и другие формы *экономического сотрудничества*, в которых Пекин в основном выступает в качестве помогающей стороны. Китайско-корейское сотрудничество уступает по масштабам советско-корейскому, но тем не менее имеет существенное значение для народного хозяйства КНДР.

Стороны создали три смешанные комиссии: по научно-техническому сотрудничеству (XXV сессия в 1985 г.); по эксплуатации энергоресурсов реки Амноккан (Ялуцзян) (XXXVIII сессия в 1985 г.); по сотрудничеству на пограничных железных дорогах.

В соответствии с протоколом, подписанным в октябре 1982 года, после визита в Китай Ким Ир Сена КНДР и КНР обязались развивать сотрудничество в области машиностроения, химической и фармацевтической промышленности, промышленности строительных материалов, сельского, лесного и водного хозяйства, а также здравоохранения.

За последние годы с помощью КНР в КНДР построены или строятся следующие хозяйственные объекты: нефтеперерабатывающий завод «Понхва» в районе г. Синьчжу мощностью 2 млн т в год и нефтепровод от границы до завода; текстильный комбинат в Пхеньяне (оба объекта сданы в эксплуатацию в 1982 г.); целлюлозно-бумажный комбинат в районе г. Хэджу мощностью

⁸⁹ See: The Japan Times. 1985. June 1.

11 тыс. т писчей бумаги; завод в Пхеньяне; ТЭЦ в Анчжу (сдана вторая очередь на 400 тыс. кВт); ТЭЦ в районе г. Сунчхон на 200 тыс. кВт;

2 станции метрополитена в г. Пхеньян.

В 1985 и 1986 годах на р. Амноккан КНДР и КНР совместно сдадут в эксплуатацию две гидроэлектростанции. До этого уже были сданы в строй две ГЭС. В результате общая мощность совместно построенных гидроэлектростанций, находящихся в ведении китайско-корейской комиссии по совместной эксплуатации энергоресурсов р. Амноккан, составит 1,61 млн кВт, а годовая выработка электроэнергии 7,65 млрд кВт·ч⁹⁰.

В ходе визита в Китай корейской делегации во главе с министром внешних экономических дел Тэн Сон Намом (11.VI–3.VII.1984) был в принципе решен вопрос о разработке в Северо-Восточном Китае, у границы с КНДР, с участием корейских рабочих и техников залежей коксующегося угля для нужд народного хозяйства КНДР. Китай рассматривает это как «интернациональную помощь» (в КНР избыток собственной рабочей силы).

Во время пребывания в КНР правительственной экономической делегации во главе с заместителем премьера Административного совета Кан Дин Хэ в январе 1985 года было подписано соглашение об оказании Китаем экономической помощи КНДР. Помимо разработки залежей коксующегося угля, соглашение предусматривает, что Китай на условиях кредита сделает следующее: окажет содействие в строительстве завода шариковых авторучек в Хамхыне и тепловой электростанции в северном районе на берегу р. Чхончхонган.

В 1982 году было подписано три соглашения между Банком Китая и Банком для внешней торговли КНДР о торговых и неторговых платежах и об обмене валют.

В 1983 году стороны достигли соглашения о транзитной перевозке китайских экспортных и импортных грузов в торговле с Японией через корейский порт Чхончжин, имеющий железнодорожное сообщение с КНР. С октября 1983 года ходят прямые пассажирские поезда Пхеньян – Пекин (2 раза в неделю). Ранее поезда доходили только до границы.

Пекин предоставляет КНДР финансовую помощь, хотя и делает это неохотно и в недостаточных с точки зрения корейского руководства количествах. Пхеньян постоянно ставит перед КНР вопросы, связанные с такой помощью. Они фигурировали, в частности, на встречах в 1982 году Ким Ир Сена с китайскими лидерами, когда корейской стороне удалось добиться согласия Китая на предоставление КНДР кредита размером в 100 млн долл. для выплаты задолженности капстранам. Китай также обещал способствовать активизации контактов западных фирм с КНДР. Этого, конечно, было явно недостаточно, чтобы существенно содействовать улучшению положения корейской экономики. Но на большее китайцы не согласились.

По некоторым данным, китайцы отклонили предложение Кан Сен Сана (выдвинуты во время его визита в КНР в 1984 г.) о сооружении в Северо-Восточном Китае в счет выплаты долгов с корейской помощью мощной угольной шахты, которая должна быть оснащена оборудованием, импортированным КНДР из Польши. И Ху Яобан, и Чжао Цзыян уклонились от каких-либо конкретных обязательств по увеличению прямой

⁹⁰ Данные торгпредства СССР в КНР за 1982–1985 гг.

экономической помощи КНДР, обратив внимание Кан Сен Сана на различные трудности в народном хозяйстве Китая.

В этой связи примечательно высказывание Чжао Цзыяна на приеме в посольстве КНДР о том, что «в нашей работе и реформах был достигнут некоторый прогресс, несколько повысился жизненный уровень народа, однако имеется еще немало трудностей и проблем, ожидающих дальнейшего изучения и разрешения»⁹¹.

Как уже отмечалось выше, неоднократно за эти годы КНР соглашалась погашать или отодвигать выплату клиринговой задолженности КНДР. Китай оказывает на льготных условиях техническое содействие, дает беспроцентные кредиты сроком погашения в течение 10 лет, не взимает плату за услуги своих специалистов.

При этом китайская сторона постоянно обращает внимание Пхеньяна на то, что Китаю трудно оказывать помощь, что КНДР – более богатая страна (по ВВП, количеству зерна на душу населения и некоторым другим показателям). В неофициальном порядке китайцы сетуют, что в общей сложности КНР уже оказала КНДР помощь на 2 млрд юаней (957 млн руб.), но в Корею об этом предпочитают не вспоминать. Корейцы же продолжают жаловаться на недостаточную экономическую помощь Китая, в частности на ограничение поставок кокса, нефти, на отказы китайской стороны предоставить КНДР дополнительные кредиты.

В последние годы после довольно продолжительного застоя активизировалось китайско-корейское сотрудничество в *военной области*. Китай продолжает помогать в техническом оснащении вооруженных сил КНДР, поставляя самолеты, бронетранспортеры, танки, самоходные артиллерийские установки, радио и радиолокационную технику, боевые катера, транспортные средства. В китайских военных учебных заведениях обучается небольшая группа специалистов из Корейской народной армии. Однако объемы китайской помощи и в этой области не устраивают КНДР.

Заключение

Таким образом, между КНР и КНДР осуществляется тесное политическое, военное и экономическое сотрудничество. Однако оно не является полностью гладким: между сторонами сохраняются и на отдельных направлениях усиливаются различия и разногласия (урегулирование на Корейском полуострове; оценка политики США и их союзников; двусторонние трения; идеологические расхождения; коллизии в торгово-экономической сфере и т. д.).

Тем не менее долговременная заинтересованность Пхеньяна и Пекина друг в друге остается неизменной и перевешивает имеющиеся различия и разногласия. Близость КНР и КНДР обуславливается многими объективными и субъективными факторами, в том числе географическим соседством двух стран, тесными историческими связями, общностью культурного и психологического склада корейского и китайского народов, традициями совместной борьбы сначала против японского милитаризма, затем против

⁹¹ Жэньминь жибао. 1984. 16 авг.

США. Главное же – это нынешняя политическая, идеологическая, экономическая потребность сторон друг в друге.

Для КНДР Китай – необходимый «тыл» во взаимоотношениях с Югом Кореи, Западом, «рычаг» в оказании влияния на США и их союзников в урегулировании на Корейском полуострове. КНР – важнейший (наряду с СССР) экономический партнер и источник помощи. Ссора с Пекином поставила бы Пхеньян в весьма сложное положение, особенно в условиях конфронтации в Корее. Как говорят сами корейцы, КНДР оказалась бы «в тисках» со всех сторон (протяженность китайско-корейской границы составляет 1600 км). Следует иметь в виду и то, что руководство ТПК по-прежнему остается на националистических позициях, а без тесных отношений с Пекином особый курс Пхеньяна в мировой политике и международном коммунистическом движении был бы невыносим. Национализм и вытекающая из него близость позиций по целому ряду актуальных международных проблем укрепляет базу корейско-китайского сотрудничества.

В этой связи активизация в последнее время интереса КНДР к развитию сотрудничества с СССР не дает оснований говорить о коренной переориентации корейского руководства в ущерб отношениям с Пекином. Речь скорее идет о некоторых тактических нюансах в рамках неизменной политики балансирования КНДР между Советским Союзом и Китаем. Нынешняя корректировка корейской политики объясняется скорее прагматическими соображениями Пхеньяна, стремлением получить от СССР экономическую и военную помощь, политическую поддержку в связи с экономическими трудностями внутри страны, дальнейшим укреплением военного и экономического потенциала Южной Кореи, активизацией ее связей с США и Японией.

В целом же упомянутые выше объективные и субъективные факторы позволяют прийти к выводу, что «параллельное» развитие отношений с СССР и КНР является долговременным курсом корейского руководства, отказ от этого курса возможен лишь в случае каких-либо крупных изменений в ситуации на Дальнем Востоке.

Что касается Пекина, то он твердо намерен «не уступать» КНДР Советскому Союзу и рассматривает сохранение преобладающего влияния на эту страну в качестве одного из главных приоритетов своей внешней политики. Пхеньян является единственным идейно-политическим партнером КНР в Азии, его самым близким другом на международной арене в целом – на XII съезде КПК и во всех последующих китайских документах КНДР неизменно называется первой среди стран, тесно сотрудничающих с Китаем (наряду с Румынией и Югославией).

Развивая отношения с КНДР, Пекин действует в рамках политики дифференцированного подхода, направленной на разобщение социалистического содружества и постепенный отрыв социалистических стран от СССР. Учитывая аномалии в идеологии и политике корейского руководства, его «особые» позиции в соцсодружестве и мировом коммунистическом движении, играя на корейском национализме, китайцы стремятся подключить КНДР к «борьбе против гегемонизма», использовать Корею для соответствующей работы среди неприсоединившихся стран. На нынешнем этапе КНР действует тоньше и завуалированнее, но суть китайской линии на корейском направлении пока не изменилась.

* * *

Еще одним направлением научных изысканий Наташи стала тема налаживания отношений с Южной Кореей. Ранее (см. т. 2, ч. 4) я уже упоминал, что Наташа еще в 1981 году, выступая на ситанализе «Корейский узел» в Институте востоковедения, изложила свое нестандартное видение нашей политики в Корее. Ситанализ организовал новый директор института Евгений Максимович Примаков, а участвовал в мероприятии весь цвет советского востоковедения – представители не только науки, но и ЦК КПСС, МИДа, других государственных структур, связанных с выработкой и реализацией внешней политики СССР.

Храня в памяти богатый опыт общения с корейцами в США, Китае и других странах, Наташа высказалась за налаживание по крайней мере неофициальных контактов с Южной Кореей, подчеркивая, что это будет способствовать снижению напряженности на Корейском полуострове, удовлетворению наших экономических потребностей и, возможно, позволит в какой-то степени ослабить привязку Сеула к военно-политической стратегии Вашингтона на Дальнем Востоке.

Говорила Наталья Евгеньевна не только убедительно, но и эмоционально: «Настало время прекратить сложившуюся практику, когда хвост вертит собакой и указывает, что ей делать. Почему мы должны смотреть на Южную Корею глазами Пхеньяна? Ведь не подлежит сомнению тот факт, что Южная Корея превратилась в успешное и уважаемое за рубежом государство, которое весьма заинтересовано в сближении с СССР. В наших национальных интересах перестать слепо следовать линии северокорейского руководства и позитивно откликнуться на инициативы Сеула». И здесь Наталья Евгеньевна отметила, как активно и настойчиво южнокорейское правительство добивается размораживания отношений с СССР.

Далеко не все согласились с тезисами Натальи Евгеньевны. Так, один товарищ, сотрудник ЦК КПСС, заявил: «Согласие на заходы со стороны южнокорейцев не только торпедирует наше сотрудничество с союзником, КНДР, но и подрывает единство всего социалистического лагеря, приведет к потере доверия к нашей стране среди всех прогрессивных сил Земли». Военный аналитик поддержал и развил аргументацию партийца: «Несмотря на все причуды Ким Ир Сена, Северная Корея является самым важным бастионом на Дальнем Востоке в нашей борьбе против американского и японского империализма и китайского ревизионизма. Считаю политически неверным выступать за забвение союзника СССР в угоду репрессивному режиму на Юге Кореи».

Но зато тезисы Наташи горячо поддержали Евгений Максимович Примаков и его заместитель по Институту востоковедения Георгий Федорович Ким.

В своем выступлении Е.М. Примаков сделал акцент на следующих моментах:

1. Пхеньян формально выступает за единство социалистических стран, а на деле бросает вызов усилиям СССР объединить прогрессивные силы планеты в антиимпериалистической борьбе. Северокорейское руководство находится на националистической платформе и при этом стремится жить за счет Советского Союза.

2. Южная Корея успешно модернизируется, уже обогнала Север по ключевым показателям экономического роста и, как следствие, укрепляются ее позиции на мировой арене.

3. Сеул проявляет растущий интерес к нормализации отношений с СССР. Далее Евгений Максимович выразил полное согласие с Н.Е. Бажановой в том, что наши шаги навстречу Южной Корее будут способствовать снижению градуса конфронтации на Корейском полуострове, более независимому от США поведению Сеула, удовлетворению наших экономических интересов.

Еще более решительно звучал голос Г.Ф. Кима. Он заявил, что «пришло время перестать плестись в хвосте ненадежной, авантюристичной и пользующейся дурной репутацией

линии Пхеньяна и сконцентрироваться на удовлетворении национальных интересов Советского Союза».

Все эти призывы, однако, не находили отражения в политике Москвы. Как отмечалось в приведенной выше аналитической записке Н.Е. Бажановой, в первой половине 1980-х годов Ким Ир Сен, встревоженный китайским курсом рыночных реформ и открытости Западу, совершил очередной поворот в своей внешней политике. Вновь стал заигрывать с СССР, который, совсем испортив отношения с Западом и КНР, почувствовал потребность в северокорейском союзнике. Приход к власти в 1985 году М.С. Горбачева поначалу не внес изменений во взаимоотношения в рамках «треугольника» Москва – Пхеньян – Пекин.

М.С. Горбачев поставил задачу преодолеть разногласия с социалистическими странами. Новый лидер требовал строить отношения на равноправной основе, никому не навязывать своих рецептов и не отлучать от себя непокорных и своенравных. Ким Ир Сэну понравилась такая постановка вопроса, тем более что с китайцами у него нарастали трения. Началось очередное сближение Москвы с Пхеньяном, в том числе в военной области. Китайцы на это болезненно реагировали. Давали понять, что пролет советских военных самолетов над территорией КНДР, заход наших кораблей в северокорейские порты создает дополнительное препятствие на пути нормализации отношений КНР с СССР.

У нас с Наташей «братание» со сталинистским режимом в Пхеньяне на антиамериканской и антикитайской платформе энтузиазма не вызывало. Вместе с тем уже в 1985 году стали намечаться признаки либерализации в общественных науках, приоткрытия для ученых возможностей творческого осмысления внешнего мира и нашей внешней политики. В этих условиях Наташа принялась за написание эссе по некоторым особенностям корейской цивилизации, новейшей истории Кореи, активизировала работу над монографией по экономике КНДР.

Вспоминали мы и о корейских сюжетах, связанных с нашей прошлой командировкой в Китай, в частности о том, как мы впервые ехали на поезде в Поднебесную в апреле 1982 года. Чтобы не скучать, мы придумывали себе развлечения. Например, наведывались в соседний вагон, который монополизировали северокорейские дипломаты. Дипломатов насчитывалось четверо, но все купе вагона были забиты оформленным на их имена багажом – ящиками, тюками, мешками, чемоданами.

Как объяснил нам начальник поезда, северокорейцы так путешествуют всегда. По указанию начальства они на государственные средства приобретают за рубежом разнообразные изделия – шампанское, мыло, стиральные порошки, крупы, шоколад и т. д. и везут все это в Пхеньян. Там дефицит немедленно передается в специальные валютные магазины, где отовариваются иностранцы и северокорейская номенклатура. Получив разъяснения начальника поезда, мы сразу же вспомнили, что не раз встречали дипломатов КНДР в московских хозяйственных, парфюмерных, бакалейных магазинах. Они предавались лихорадочной скупке целых партий товаров. Мы считали, что дипломаты готовились к спекуляции советским ширпотребом на родине. Оказывается, они выполняли ответственные задания партии и правительства.

Корейский вагон запомнился еще и весьма специфическими запахами. В нос била смесь ароматов маринованного чеснока, вяленой рыбы, грязных портянок. Хотелось бежать из этой газовой камеры куда глаза глядят. Мы возвращались в свое купе и коротали время с попутчиками, в том числе дипломатами, работавшими в советском посольстве в Пхеньяне.

Они жаловались на убогость жизни в КНДР: из развлечений охота и рыбалка, в городе иностранцев ждут только в немногочисленных спецресторанах и спецмагазинах. В обычное заведение лучше не заглядывать, все равно не обслужат. Пекин в сравнении с Пхеньяном выглядит райским местом, с изобилием замечательных товаров. Это при том, что китайские реформы находились в самом начале пути! И еда в китайском вагоне-ресторане отличная, в КНДР столь вкусных вещей днем с огнем не сыщешь! А нам она казалась никудышной, в

Пекине мы впоследствии угощались несравненно более качественными блюдами. Зато, отмечали дипломаты-корейцы, китайские военные смотрятся несерьезно, даже комично, какие-то расхлябанные, в кедах с болтающимися шнурками, в мятой форме. А северокорейские бойцы выглядят здорово. Бравые, подтянутые, аккуратные, внушающие уважение.

О том, как мы общались с северокорейскими дипломатами в Пекине, уже рассказывалось в части 5 многотомника. Встречали мы в КНР и местных корейцев, а таких в этой стране насчитывалось полтора миллиона. Переселение корейцев в Китай приняло широкие масштабы в конце XIX столетия. Из-за социально-экономических невзгод жители Страны утренней свежести устремлялись, кто куда мог. Китайская Маньчжурия была под боком, земли и работы там хватало, и обездоленные корейские крестьяне охотно туда направлялись. После закабаления Кореи Японией в Маньчжурию потянулись также борцы сопротивления, политики и военные.

Основная часть современной корейской общины в Китае так и базируется в трех северо-восточных провинциях КНР, составляющих Маньчжурию. К границе с КНДР примыкает с китайской стороны уже упоминавшийся выше Яньбянь-Корейский автономный округ с преобладающим корейским населением. Китайские корейцы производили впечатление малоассимилировавшихся людей: китайским языком владели плохо, соблюдали корейские традиции, живо интересовались делами на родине предков.

Кроме корейской тематики мы взяли с Натудей за книгу по Китаю, с помощью жены я продолжал корпеть над докторской диссертацией.

Наши усилия на ниве науки находили отражение в дневниковых записях.

6 июня 1985 года

...Вчера в общей сложности часа четыре провели над диссертацией – делали выписки из китайских материалов. Связались с А.В. Никольским (Политиздат). Наша заявка на книгу «У Великой Китайской стены» включена в перспективный план. В следующий вторник подьдем в издательство, выступим по Китаю, обсудим все рабочие вопросы.

1 июля 1985 года

...Договорились с Натудей взяться по-настоящему за написание книги по Китаю. А Натудя параллельно продолжит работу над книгой по северокорейской экономике.

17 июля 1985 года

...С удовольствием читаем книгу царского дипломата Юрия Соловьева «25 лет моей дипломатической службы» – о годах, проведенных им в российских посольствах за рубежом. Первые главы посвящены Китаю. Читаешь и поражаешься, как ничего в этом мире не меняется. Та же вражда между сотрудниками посольства, те же межведомственные трения, тот же гегемонизм в политике, похожие на теперешние интриги в дипкорпусе и т. п. Хорошо описан быт иностранцев в Китае, взаимоотношения с местным населением, нравы и обычаи китайцев, политика России. Книга издана в 1928 году, сейчас такую, конечно, не пропустили бы.

20 июля 1985 года

...Прочли книгу дипломата Юрия Соловьева. Он служил в Китае, Греции, Черногории, Румынии, Германии, Испании. В книге нет выдающегося анализа эпохи, сенсационных откры-

тий, но в ней масса интересного о той профессии и тех странах (Китай), которым мы тоже посвятили свою жизнь. Книга очень человечная, теплая, и когда прочтешь ее, возникает глубокая грусть о навсегда ушедших временах, людях, делах, грусть о человеческой судьбе и жизни. Сколь наше существование на этой земле скоротечно!

Книга настроила на творческий лад. Вот только в голову почему-то лезут американские воспоминания, переживаем, что не смогли отобразить на бумаге все то, что хотели и чувствовали. Может быть, когда-нибудь впоследствии?

19 августа 1985 года

...Периодически возникает сильное, щемящее, какое-то ностальгическое желание написать хорошую книгу. Но желание как неожиданно охватывает, также неожиданно испаряется. Ни за что пока не сажусь. Даже диссертацию делаю спустя рукава.

10 ноября 1985 года

...Наташенька не покладая рук пишет аналитическую записку по отношениям КНДР с Китаем. Консультируется со мной. Одновременно продолжает разрабатывать тему северокорейской экономики, помогает мне с диссертацией по внешней политике КНР. Вспоминаем нашу книгу по США «Последний рубеж». Сожалеем, что ее так «обкорнали» редакторы. Хотели вложить в нее частичку своей души, но...

25 ноября 1985 года

...Натуля сочиняет очередную записку: «Политика США на Корейском полуострове». Тема тоже серьезная и важная, и Наташа единственная, кто ее может осилить.

11 декабря 1985 года

...Натуля наконец «добила» записку по отношениям КНДР с Китаем. Почти 50 страниц печатного текста! Вся история взаимоотношений начиная с 1949 года, в том числе спорные проблемы, которые держатся в секрете.

16 декабря 1985 года

...За диссертацию взялся и в какой-то степени продвинул вперед третью часть. Надеюсь «добить» за эту неделю (работая по вечерам дома). Речь идет о самом первом, сыром варианте, совсем нескладном – просто подборки цитат, тезисов, мыслей. Но это главное. Когда «собью» всю работу в таком виде, тогда станет ясно, что оставить, а что выкинуть, куда что перебросить. Такое занятие надо в жизни иметь, оно заражает оптимизмом, отвлекает от неприятностей и переживаний, дает цель и перспективу, уничтожает депрессию.

Очень помогает Натуленька – подбирает и сортирует материалы, анализирует проблемы, дает советы по структуре диссертации и т. д.

1 января 1986 года

*...Со всей ясностью осознал, что написанные три книги – чушь, белиберда. Думал, завое-
юем известность. Какая там известность! Их никто и в руки не брал!*

Глава 3. Вознесенные на «Олимп»

Для Натуги наука была главным направлением трудовой деятельности, ну а я 1 августа 1985 года уже вышел на работу, из-за которой и был отозван на Родину из Пекина. Стал старшим референтом в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Уже попав в аппарат ЦК КПСС, я осознал глубину своей оплошности, когда в беседе с послом пытался отказаться от перевода на Старую площадь (как неофициально называли ЦК КПСС по местонахождению его аппарата). И дело не только в том, что работники ЦК считали себя обитателями Олимпа. Людям, пригласившим меня в отдел, занимавшийся международными делами, пришлось яростно сражаться за мою кандидатуру.

В то время (1985) кадровыми вопросами командовал Егор Кузьмич Лигачев, который спустил указание оказывать доверие исключительно лицам с богатым опытом партийной работы. Иначе говоря, профессиональным борцам за светлое будущее. С точки зрения Егора Кузьмича, несмотря ни на какие новые веяния, непозволительно было разбавлять голубую аппаратную кровь суррогатом. Ему представлялось опасным пускать чужаков неизвестно с какими мыслями в голову в главный храм КПСС.

Лигачеву пытались возражать: международные дела, мол, особые, там требуются страноведы со знанием иностранных языков – в обкомах и райкомах таких не сыщешь, вот и приходится черпать кадры в МИДе, в советских посольствах за рубежом. Егор Кузьмич через полпредов в Отделе оргпартрabajo разъяснял, как находить выход из положения.

Предлагаемый путь выглядел до гениальности простым. Надо было заприметить политически зрелых студентов МГИМО или МГУ и «вести» их. Вначале обеспечить длительную заграникомандировку, затем по возвращении ребят из-за кордона направить их в горком или райком, прокатать лет 5–6 в горячем партийном цеху и, если они не подкачают, проявят себя, открыть им, закаленным как сталь, врата в святая святых, в ЦК КПСС.

При всем своем блеске план, однако, имел минусы. Во-первых, кто эти люди, которым вменялось в обязанности «вести» молодняк на протяжении 10–15 лет? Бессмертные и бессменные аппаратчики? Во-вторых, можно ли представить себе специалиста, скажем по Японии, который согласился бы забросить профессиональные заботы, японский язык и на 5–6 лет переключиться на проведение партсобраний на ликеро-водочных заводах и вручение переходящих знамен лучшим коллективам по приему стеклотары? И это без гарантии попасть потом в ЦК на японское направление! Пожалуй, даже камикадзе не решился бы добровольно совершить подобный вираж.

В моем случае лигачевцев удалось перехитрить. Я был принят в отдел как человек, который якобы долгие годы совмещал профессиональные обязанности с выполнением партийных поручений. Тем не менее, уже трудясь в ЦК КПСС, я должен был порой краснеть за свое мало-партийное прошлое.

Заслушивали меня на заседании профбюро. Один из членов уважаемого органа, отметив, что мало знаком с моей профессиональной деятельностью, стал журить меня за жидкий послужной список в сфере партработы. По его словам, невозможно было ожидать высокого КПД от человека, никогда не провозглашавшего с трибуны лозунги. При этом профсоюзный активист отлично знал, что мои служебные обязанности в ЦК заключаются не в мобилизации масс на построение развитого социализма, а в анализе ситуации в странах Азии и разработке внешнеполитических рекомендаций.

...Здание ЦК отличалось от подавляющего большинства других учреждений звенящей тишиной и шокирующей пустотой коридоров. Ответственные товарищи трудятся, им некогда болтаться по этажам и курить на лестничных площадках. Это первая заповедь, которую должен

был усвоить новоиспеченный аппаратчик. Необходимо ежеминутно и даже ежесекундно делать вид, что ты страшно занят, горишь на работе и ничего больше на свете, кроме беззаветного служения великому делу, тебя не интересует.

Заканчивать трудовой день в 18:00 считалось просто кошунством. На час-другой, а еще лучше и на третий стоило задержаться в офисе. А уже затем с чувством собственного превосходства над окружающим миром, с усталой и озабоченной физиономией можно было не спеша двинуться к выходу.

Особым шиком являлось прибытие на службу в субботу, а еще лучше в воскресенье. Пусть всего минут на десять, но показаться, повертеться перед шефом. Наиболее смысленные товарищи специально копили документы, чтобы доложить их руководству именно в выходной день. Отметиться и затем мчаться вон, на волю. Если добраться до Старой площади лично не представлялось возможным, тогда использовался телефон. Были такие, кто ежечасно названивал дежурному в кабинете заведующего отделом, справлялся, нет ли срочных дел, ЧП. Как правило, ничего не случалось, но зато звонивший фиксировался в журнале дежурного и тем самым получал дополнительный шанс вырасти в глазах начальства и коллег.

На самом деле не только в выходные, но и в будни не существовало никакой потребности в сверхвении аппаратчиков. Поэтому, соблюдая ритуал позднего ухода со службы, они решали в рабочее время личные дела. Один высокопоставленный функционер дни напролет пропадавал на теннисном корте, а то и у любовниц. К концу «смены», однако, он подкатывал к Старой площади и часов до десяти вечера гарцевал вокруг еще большего начальства, а заодно изгалялся над подчиненными, мешая им вернуться к семьям. Товарищ названивал низшим по должности, и о горе, если кого-нибудь не оказывалось на месте.

Поэтому, запершись в кабинетах, сотрудники дремали, играли в шахматы, разгадывали кроссворды и поджидали вызова на ковер. Жен аппаратчики инструктировали всегда и всюду подчеркивать, что не видят супругов, что те «вкальывают» сутки напролет. Помню, одна такая дамочка жаловалась на перегруженность избранника судьбы даже в тот день, когда его отдел за полной никчемностью ликвидировали и он собирал пожитки в кабинете, бегал с обходным листом.

Вторая заповедь заключалась в том, чтобы держаться со всеми нецековцами на расстоянии и обращаться с ними как с младшими и незначительными. В первый же день меня проинструктировали: посетители, пусть даже твои ближайшие друзья, попав в штаб партии, должны чувствовать свою ничтожность, трепетать. А посему никакого панибратства ни с кем. Говорить с посторонними полагалось сухо, внушительно, назидательно, в повелительном наклонении. Командовать, а не говорить. Пришедшему отводилась роль слушающего и козыряющего.

Конечно, практиковались и другие формы общения с внешним миром. В частности, человека можно было вызвать для отчета, и тогда открывал рот он, разумеется, для оправданий. Особенно хвалить за проделанную работу не рекомендовалось. Две-три поощрительные реплики, а далее следовало акцентировать внимание на упущениях и ошибках, ориентировать на взятие новых вершин в строительстве светлого будущего.

Был в нашем отделе товарищ, который вызывал специалистов из нижестоящих организаций для приведения в порядок досье или перевода собственных выступлений за рубежом на иностранный язык. Другой – питал слабость к сексотам, после исповедования которых звонил в низовые партколлективы и предлагал наказать «заложенных» нарушителей дисциплины и диссидентов.

Но вообще-то Е.К. Лигачев и иже с ним не очень поощряли появление посторонних в партийном штабе. Однажды Секретариат ЦК разослал циркуляр, в котором с возмущением констатировалось, что по зданиям ЦК болтаются слишком много чужаков и их число, о позор, возрастает. Помимо всего прочего, они наносили штабу прямой материальный ущерб. Съедали

в буфетах дефицитные продукты и скупали в киосках редкие книги. На Старой площади развернулось соцсоревнование за сокращение потока посетителей.

Самое парадоксальное, что одновременно начальство не поощряло и выходы ответственных в внешний мир. С превеликой неохотой реагировали аппаратчики на приглашения, а если и откликались, то вели себя «внизу» с царским достоинством. Представитель ЦК мог снизойти, например, до участия в теоретической конференции, но выступать там на равных с другими категорически отказывался. Сидел молча, с непроницаемым видом. Открывал рот лишь для того, чтобы резюмировать, подвести черту, разъяснить, дать установку.

Как и все советские люди, цековцы питали страсть к вылазкам иного рода, за кордон. Ездили почем зря, и в качестве ученых, и под видом мастеров циркового искусства, и простыми инженерами. Благо, заставить низовые организации включить себя в состав делегации не представляло никакого труда. И вот в данном вопросе Е.К. Лигачев сыграл положительную роль. Он наложил запрет на празднование партийцев по заграницам. Правда, не то чтобы его заботила этическая сторона дела, скорее двигали элементарная зависть и невежество.

Почему невежество? Да потому, что под одну гребенку стали мести всех – и тех, кто направлялся в дальние страны просто так, проветриться и прикупить «шмоток», и тех, для кого выезд был продиктован профессиональной целесообразностью. Моего приятеля – японоведа – не пустили в Токио на важные и нужные переговоры. На записке, поданной на имя Лигачева секретарем ЦК и заведующим Международным отделом, Егор Кузьмич начертал: «Сколько раз предупреждал, не посылать ответработников в подобные поездки!». Пугливый зав отвечал:

– Уважаемый Егор Кузьмич! Прошу обратить внимание, что речь идет о сотруднике не Международного, а Идеологического отдела и на записке кроме моей стоит подпись руководителя этого отдела. Что касается нас, то мы неукоснительно исполняем Ваши указания.

Вернемся, однако, к заповедям. Третья, тоже очень важная, заключалась в скрытности. Она была настолько развита в аппарате, что первое время шокировала. Но постепенно человек привыкал и даже получал определенное удовольствие, преподнося окружающим очередной сюрприз. В аппарате я попал под начало товарища, производившего впечатление весьма откровенного, открытого, честного. Да он, наверное, таковым и был, но, как и все, играл по аппаратным правилам.

В четверг вызывает он меня, дает задания, от краткосрочных до долгосрочных. Указывает, что сделать и куда пойти на следующей неделе, через неделю, два месяца спустя. Обсуждает график отпусков, наотрез отказываясь разрешить мне отдохнуть в октябре (предстоит масса дел). А на следующее утро узнаю, что он уже больше в отделе не работает, уезжает послом. Коллектив в тот же день тепло, с партийными напутствиями его провожает. Все проносят речи, и я в том числе. Хвалю бывшего начальника за искренность, и он не видит здесь подвоха.

Следующий начальник был человеком, пожалуй, еще более искусным по части внезапности. Как-то просит посидеть у него в кабинете, подежурить у «вертушки» (телефон специальной кремлевской связи). Я, говорит, выйду ненадолго. Вернулся он через неделю. Оказывается, выходил, чтобы отправиться в аэропорт, а оттуда в командировку в Западную Европу. В другой раз спрашивает, нет ли у меня знакомых в таком-то советском посольстве за рубежом. Друг, мол, едет туда. Проходит два дня, и уезжает сам шеф.

Чем выше партийный уровень, тем монументальнее скрытность. Подразделение, в котором я начал трудиться в аппарате, было принято при посторонних называть кратко – Отдел ЦК. Это всегда всех путало.

- Вы откуда? – спрашивает меня врач номенклатурной поликлиники.
- Из Отдела ЦК.
- А какого?
- Да просто Отдела.

– Но там же много отделов!

– Они все пишутся с маленькой буквы, только наш один-единственный с большой. Потому что это и есть его название.

Ситуация, конечно, глупейшая. Представляете, вы спрашиваете, в каком магазине человек работает, а он отвечает: «в Магазине». Или приятель предлагает вам встретиться у Перекрестка. На самом деле, как я уже упоминал выше, Отдел имел имя собственное: «Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран». Но какой-то очень умный человек решил, что разглашать название негоже и засекретил его. Если вы спросите, почему негоже, я объяснить не сумею. И правда, по какой такой логике открыто признавать наличие в ЦК сектора каустической соды было не стыдно, а нашего отдела стыдно?

Тайной из тайн являлось распределение обязанностей среди членов Политбюро. Попав в аппарат, я стал интересоваться, кто курирует наш отдел (Отдел). К моему изумлению выяснилось, что ни один сотрудник среднего и низшего звена этого не знал (с представителями высшего звена беседовать на данную тему не довелось). В лучшем случае какой-нибудь аппаратный ветеран с двадцатилетним стажем неуверенно изрекал:

– Знаешь, наверное, нами руководит Лигачев, от него порой идут поручения, а может и сам Генсек.

Такая суперсекретность считалась у аппаратчиков вполне нормальной. Более того, и рядовые работники норовили окружить себя покровом таинственности. Один коллега горячо возмущался тем, что на наших дверях висели таблички с фамилиями.

– Это же рай для шпионов, – твердил он, – приходи и переписывай имена.

Я пытался спорить:

– Но ведь фамилию Горбачев за граница знает, почему же твою нельзя? Представляешь, приезжаешь ты в Америку, зайдешь в штаб-квартиру Республиканской партии и увидишь на двери табличку «Мистер Смит». Неужели это нанесет вред США?

Переубедить бдительного товарища не удалось. Он даже на пятом году перестройки, в условиях развитой гласности, многопартийности и парламентаризма, обозвал (за глаза) секретаря ЦК ренегатом за то, что тот в беседе с делегацией зарубежной компартии сообщил:

– Аппарат теперь не будет заниматься государственными делами, управлять экономикой.

«С такими секретарями, – сетовал коллега, – иностранной разведке и шустрить не надо, все выкладывается на блюдецке с голубой каемочкой». Дай упомянутому партийцу большую власть, он и то, что в СССР есть демократия, Верховный Совет, альтернативные выборы засекретил бы в мгновение ока.

Впрочем, товарища можно понять. Партийная «демократия» всегда осуществлялась в условиях полной тайны. Приведу забавный эпизод. Сразу после избрания высших органов на XXVII съезде КПСС (февраль – март 1986) мне поручили дежурить в приемной секретаря ЦК и заведующего нашим отделом К.Е. Русакова. Момент выдался наиответственнейший, поэтому инструктировал меня лично первый замзав отдела.

– Ясно, – рассуждал он, – что Русаков уходит, но неизвестно, кого избрали вместо него. На секретарской двери по-прежнему указано имя Русакова, но ты, если будут звонить, отвечай, что слушает дежурный по приемной отдела.

В кулуарах сотрудники шушукались по поводу кандидатуры нового шефа. Назывались фамилии новоиспеченных секретарей ЦК А.Н. Яковлева и М.В. Зимянина. Выбор выглядел логичным, ибо оба имели опыт деятельности в сфере международных отношений. Накануне дежурства я решил заглянуть в приемную, задать несколько технических вопросов помощнику Русакова. Подошел к двери и с удивлением обнаружил, что на ней появилась другая табличка. Она гласила, что отныне кабинет принадлежит В.А. Медведеву. Списки обновленного руководства КПСС я еще не успел изучить и понятия не имел о В.А. Медведеве. Зашел в приемную и не успел открыть рта, как помощник секретаря, разводя руками, воскликнул:

– Прямо чертовщина какая-то! Приперся мужик в спецовке и с ящиком. Снял прежнюю табличку, прикрутил новую. Я спросил, зачем он это сделал. Ответил, что, дескать, из Общего отдела велели. Поинтересовался, не спутал ли, ту ли табличку прикрепил. «Нет, – сказал, – именно так и приказали».

На следующий день (субботний), уже в ходе дежурства, я несчетное количество раз пересказывал эту историю изумленным коллегам. Выложил ее и замзаву, который тем не менее предложил следовать первоначальным инструкциям и величать себя дежурным по приемной отдела, а не секретаря Медведева. Спустя какое-то время в приемную заходит сослуживец и рассказывает о еще более загадочном казусе. Он только что ездил с докладом в больницу к новоиспеченному секретарю ЦК, заведующему «братским» (как мы его называли) Международным отделом А.Ф. Добрынину. Тот спросил:

– Ну как мой сосед, Михаил Васильевич, уже вышел на службу?

– Какой Михаил Васильевич?

– Зимянин, он же назначен заведующим отделом ЦК!

– Да нет. Там вроде Медведев.

– Медведев? А кто это такой?

Чудеса в тот памятный день продолжали происходить и дальше. Раздается звонок, в трубке женский голос.

– Говорит телефонистка товарища Горбачева. Михаил Сергеевич просит соединить его с Александром Николаевичем Яковлевым.

– Здесь нет Александра Николаевича!

– Как нет?! Это же отдел ЦК?

– Да.

– А у вас разве не Яковлев?

– Нет. Похоже, что Медведев.

– Да?! А где же Яковлев?

– Ходят разговоры, что в Отделе науки!

– Странно. Ладно, позвоню туда.

До сих пор не могу уразуметь, кто и как делил наверху портфели. Заповедь № 4 предписывала аппаратчику изображать из себя кристально чистого партийца, беззаветного и бескомпромиссного борца за счастье трудового народа. В кабинете полезно было иметь полное собрание сочинений В.И. Ленина, пару-тройку работ Маркса, ну и, конечно, труды живых классиков (сначала Л.И. Брежнева, начиная с 1985 года – М.С. Горбачева). Все это на виду, так чтобы человек, входящий в кабинет, мог немедленно «запеленговать» марксистско-ленинскую библиотеку. Еще лучше продемонстрировать, что вы ею пользуетесь. Томик стоило держать рядом с собой на столе, открытым.

Неплохо было читать Ленина на собрании и на виду у всех жирно подчеркивать гениальные мысли. Один коллега так увлекался демонстративным чтением вождя, что штудировал его труды даже в переполненных вагонах метрополитена. Там, правда, преобладали случайные и никчемные люди, но могли попасться и свои. Я же видел его, жадно впитывающим бессмертные идеи, на перегоне «Третьяковская» – «Площадь Ногина» (ныне «Китай-город»). Вполне вероятно, что подобную сцену лицезрели и другие «братья по сословию».

В почете были цитаты из Ленина. Секретари ЦК, поручая консультантам подготовить очередной доклад, требовали подкреплять основные тезисы ленинскими откровениями. И те, не испытывая ни малейших угрызений совести, выдергивали из контекста несколько фраз, которые звучали подходяще. С помощью манипуляций в одном случае благословлялись рыночные механизмы в экономике, в другом – они начисто отвергались. Восхвалялись либо поносились (в зависимости от заказа сверху) сотрудничество с иностранным капиталом, демократия на производстве, разделение партийных и государственных функций. Когда консультанты не

справлялись, недобирали перлов, секретарь ЦК самолично доставал с книжкой полки томик вождя и извлекал оттуда ладно звучащую мысль.

Преданность великому делу доказывалась и с помощью различной символики. Каждый начальник, помимо настенного портрета Ленина, хранил в кабинете и бюст основателя Советского государства. Одни предпочитали размером побольше, другие, напротив, видели шик в максимальной миниатюризации облика Владимира Ильича. Варьировались в зависимости от вкуса хозяина материал и цвет бюста: от стали до мрамора, от белого до матово-зеленого. Как правило, держали одного-двух Лениных, но имели место и исключения. Секретарь ЦК Демичев собрал целую коллекцию ленинских бюстов. В его кабинете их было, наверное, больше, чем в музее Ленина.

Большое значение придавалось произнесению здравий в честь вождя партии и пролетариата. Даже на внутренних совещаниях опытный аппаратчик величал пролетариат самым передовым, совестливым, стойким, умным классом. При этом на практике партиец всеми способами старался отгородиться от рабочих и уж во всяком случае не пропустить их к спецпайкам и спецдачам. Максимум усилий прилагалось к тому, чтобы никто из отпрысков никогда, даже на один день, не стал рабочим.

В то время как высокопоставленные папы лобызались с партизанами из африканских саванн и грозили увесистым кулаком империализму, их детки десятилетиями представляли Советский Союз в Париже и Нью-Йорке, Бонне и Риме. И оторвать их от капиталистической «соски» невозможно было никакими ухищрениями. Один такой начальник, всю сознательную жизнь раздувавший меха холодной войны, умудрился пристроить на загнивающий Запад всех детей, а также племянника и брата с семьями. Да и сами пролетарские вожди предпочитали наведываться в разлагающиеся, а не революционные земли.

Ранее (т. 1, ч. 2) я уже рассказывал о визитах в США в 1970-х годах высших руководителей КПСС (Л.И. Брежнева, Б.Н. Пономарева, П.Н. Демичева). Не отставали от них и провинциальные партработники. Так, в те же 1970-е годы залетал в Америку (еще будучи партийным лидером моего родного города Сочи) и член ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунов. Как и его соратники, он ужасался линчеванием за океаном негров, страданиями трудового народа под гнетом капитала, о чем и поведал в путевых заметках, опубликованных в краевых газетах. Правда, партийный вожак не упомянул в них, к сожалению, о том, что возил с собой мешочек с металлическими рублями. Перед прыжком через океан он собрал городской актив, чтобы поговорить об Америке.

– В США, – проинформировал Сергей Федорович, – очень ценят наши металлические рубли, особенно юбилейные. За каждый, говорят, дают по 15 долларов.

Поведав эту волнительную новость, любимец Л.И. Брежнева предложил присутствующим раскошелиться и сдать имеющиеся в наличии рублевые монеты. Начальник КГБ пожертвовал 3 рубля, подсобил парочкой монет и главный милиционер города. Некоторые обещали донести экспортный товар позднее. История на первый взгляд тривиальная, но на самом деле весьма показательная. Представьте себе, политический лидер города, затем края, чуть-чуть не угодивший в Политбюро, во-первых, намеривался спекулировать валютой и не скрывал противозаконных планов даже от правоохранительных органов, а во-вторых, наивно верил, что за наш рубль американцы выложат ему 15 долларов.

Медунов, кстати, явил миру много других образцов глупости, прежде всего ханжества. Располаясь в Сочи, он любил, например, стыдить неаккуратных курильщиков. Восседа в черном лимузине, вдруг замечает, что едущий впереди на мотоцикле милиционер бросил окурок на мостовую. Вождь сочинского пролетариата молниеносно дает команду блокировать нарушителя чистоты. Останавливает, отчитывает, а на следующий день вызывает несчастного сержанта с начальником сочинской милиции к себе в кабинет. Там уже собраны «сливки» города.

В присутствии «хурала» С.Ф. до хрипоты ораторствует. Требуется не только неукоснительного соблюдения чистоты в городе-курорте, но и избавления сочинцев от вредной привычки курить. Когда все пристыженные, понурив головы, расходятся, борец за коммунистические идеалы мчит на гору Ахун на прием в честь иностранной делегации.

Гости – из капиталистической страны, и Медунов, сверкая очами, убеждает их, что все советские граждане как один беззаветно любят КПСС, готовы лечь за ее дело под танк. В войне с гитлеровцами, утверждает партийный глава, народ выстоял только благодаря партии, вере в нее. По окончании приема в зале задерживаются советские товарищи. Кто-то из журналистов, бахвалясь напряженным графиком работы, заявляет:

– У меня и «Правду» прочесть времени не хватает. Просматриваю по диагонали.

Медунов в ярости вскакивает, стучит по густосервированному столу тяжелым кулаком и орет:

– «Правду» по диагонали?! Вы кто, подлец или предатель?! Читать «Правду» от корки до корки – священный долг всех советских патриотов!

Медунов производит глубокое впечатление. Вожак! Кристально чистый коммунист! Но вот закончен изнурительный марафонский рабочий день. С.Ф. возвращается домой, где, как у А.И. Корейко из «Золотого тельца», начинается его вторая, настоящая, жизнь.

Секретарь погружается в аферы, от больших до микроскопических, не брезгуя ничем. Кто-то приносит крупную взятку (в виде материальных благ) в обмен на сочинскую прописку. Молодой партработник Мерзлый с женой, руководящим торговым работником, докладывают о планах перестановки кадров в местных масштабах (надо убрать чужих людей, поставить верных).

Спустя минуту коммунист без страха и упрека требует от своего бывшего водителя, а ныне директора винного магазина, обменять ящик дорогого коньяка (подарок из Армении) на два ящика более дешевого. Обсуждает предстоящую поездку за рубеж и, услышав вопрос оформляющего о том, как передать деньги членам делегации, складывает пальцы в увесистую фигуру.

– Вот им что, а не суточные! – с этими словами Медунов сгребает валюту в карман.

Ханжеский почерк и в центре, и на местах идентичен по всем вертикалям и горизонталям власти. Бесчисленны были и формы проявления двуличия. Маслитый аппаратчик, брызжа слюной на трибуне, требовал покончить с непристойностью и моральным разложением, поразившими молодежь. А после собрания блюститель нравов с жадностью смотрел в закрытом для простых смертных зале похотливый импортный фильм. С утра до вечера поносили партийцы последними словами «желтую газетенку» «Московские новости» и антисоветчика Солженицына. Но когда в цеховских книжных киосках продавали упомянутую газету или повести Солженицына, марксисты-ленинцы выстраивались в жаждущую очередь. Готовы были битый час томиться в ней, чтобы ухватить ревизионистскую литературу. Рядом же на полках сверкали глянцевыми суперами бессмертные труды Маркса и Ленина, но их очередь даже не замечала.

Пора, однако, переходить к еще одной (пятой), не менее важной, чем предыдущие, заповеди. Аппаратчик должен был изображать скромность. На всех дверях были повешены идентичные таблички. Фамилия и инициалы. Никаких должностей и рангов, все одинаковы. У «шишек» покрупнее за стандартной дверью в прихожей сидела, правда, секретарша, но в отличие от других учреждений она, как правило, не мешала доступу сотрудников к телу шефа. Не было должностей в списках сотрудников: все по алфавиту, члены Политбюро и стенографистки.

Отсутствовала спецстоловая для начальства. Действовала одна большая спецстоловая для всех. Участки земли под дачи аппаратчикам не раздавались, выездных продаж дефицитных товаров почти никогда не устраивалось. В кабинетах стояла довольно примитивная мебель, на

столах – допотопные лампы. Канцпринадлежности закупались в основном отечественные, и весьма прескверные. Бумага для справок использовалась желтая, низкой категории.

За «простым как правда» фасадом скрывались, однако, другие реалии. Члены Политбюро и Секретариата ЦК имели, в общем, все, что пожелает душа. Перепадало и деятелям рангом пониже – спец-столовая, пайки, пансионаты, персональная машина, санаторий, «зеленая улица» деткам, увлеченным карьерой.

При этом многие в ЦК считали, что никаких таких привилегий у аппаратчиков нет. Один из родственников Пономарева любил причитать:

– Какие это привилегии, посмотрели бы, как в США правящий класс живет!

Жил тамошний правящий класс в самом деле лучше, но и другим давал. Советский строй создал абсолютно неэффективную систему, лишил людей элементарного, но в спровоцированной им же разрухе себе обеспечил неплохой минимум. В Соединенных Штатах бедняк имел такое же право купить особняк или «мерседес», как и миллионер. Заработай деньги и валяй, приобретай. В СССР путь даже к элементарным удобствам, более или менее качественным товарам открывала должность и только должность. Лучше всего – партийная.

С очередной (шестой по счету) заповедью я познакомился буквально на следующий день после перехода в ЦК. Заместитель заведующего отделом созвал совещание и попросил подчиненных высказать суждения по актуальному вопросу международной политики. Коллеги один за другим брали слово, но, к моему удивлению, говорили примерно одно и то же. Причем их аргументы звучали не очень убедительно. Когда пришла очередь выступать мне, я изложил специфическую точку зрения. Начальник не стал подводить итоги совещания и распустил всех, кроме меня.

– Тебя я задержал, – сказал он, когда другие вышли, – чтобы разъяснить: исполнителю не следует умничать. Надо проводить в жизнь линию. А разрабатываем ее мы, члены ЦК.

Оказалось, что участники совещания в соответствии с устоявшейся традицией говорили только то, что хотел услышать шеф. Я же по неопытности выступил с отличных от заранее намеченных им позиций, чем и навлек на себя высочайший гнев. Впоследствии мне не раз напоминали, что рядовой сотрудник должен вести досье, копить информацию, а вот анализировать ее, делать выводы и высказывать суждения могло только начальство.

Непреложным принципом поведения партийного функционера была недоверчивость. В каждом человеке, встречавшемся на жизненном пути, он подозревал предателя, жулика, вора, проходимца. Вызывается в ЦК ученый по профессиональному вопросу. Перед визитом разворачивается доскональное изучение «объекта». Звонят на работу – директору НИИ, секретарю парткома, беседуют с коллегами, ну а главное, запрашивается мнение органов. Вот откуда происходила беззаветная любовь партийцев к чекистам. Те защищали партию от народа, не щадя сил душили оппозицию, снабжали КПСС информацией о собственной стране и ее жителях.

Как-то меня направили в инспекционную поездку с опытным аппаратным «волком». Схема общения с «низамы» была у него отточена до совершенства. Сначала происходила встреча с «первым» (распространенная «партийная кличка» первого секретаря обкома), который давал характеристику местному активу. Один ленив, второй трусоват, третий жуликоват, у четвертого идеологическая каша в черепке. Через час вельможа из центра беседовал со «вторым» и наводил у него справки о «первом». Далее следовал душещипательный тет-а-тет с «третьим», который клепал на «первого» и «второго».

Опрашивались остальные ответственные работники обкома. Каждый докладывал о каждом. Следующими исповедовались шоферы, официантки, курьеры. Кому-то мой коллега задавал вопросы прямо в лоб, с другими проводил зондаж невзначай, в ходе дружеского обмена репликами.

– А что, Василий, – обращался он к подвозившему нас водителю «первого», – запарился небось на такой службе, жинка шефа, поди, на рынок тебя гоняет за покупками?

– Бывает, – нехотя признается Василий, – а то и дочь с мужем приходится за город вывозить. Так ведь жизнь есть жизнь.

– Это правильно, – поддакивает московский детектив.

Когда все обо всех были уже допрошены, ревизор пригласил в отведенный ему обкомовский кабинет главного местного чекиста. Крепкое мужское рукопожатие. Прямой и честный взгляд в глаза друг другу. Серьезное выражение лиц. Благодарность от имени ЦК за «добрую службу». И просьба предоставить объективочки на провинциальную номенклатуру. Существует, мол, такая необходимость.

Та же «необходимость» влекла аппаратчиков смыкаться в мафиозные группы взаимно доверяющих лиц. Назначение Николая Николаевича из, скажем, Забайкалья на крупный пост в центральный аппарат неизменно означало, что за ним потянется длинный шлейф. Смотришь, месяца два спустя вокруг выдвиженца запестрели земляки, однокурсники, свояки, друзья по рыбалке. Меняется технический состав – секретарши, курьеры, буфетчицы. Единственным критерием выдвижения была личная преданность боссу. Любые другие качества, таланты, навыки в расчет не принимались.

Даже самые демократичные лидеры следовали данному правилу. Один такой, будучи секретарем ЦК КПСС, при рассмотрении той или иной кандидатуры на работу в аппарат задавал кадровику только один вопрос:

– Наш человек или нет?

Аналогичный вопрос звучал и в других начальственных кабинетах на Старой площади. Товарищ в заграничных ЦК, курировавший МГИМО, конечно же, стремился иметь в элитарном учебном заведении преданную гвардию. Это было нетрудно. Во-первых, ЦК утверждал мгимовскую номенклатуру, а во-вторых, институтское начальство зависело от ЦК в повседневной деятельности и в любом случае почитало за честь дружить с куратором. Цековец помогал с поездками за границу, в ответ от него принимали списки молодых людей, которых надлежало зачислить в студенческие ряды.

Точно так же куратор советской науки использовал подотчетные ему НИИ для получения научных степеней себе, близким, друзьям и знакомым. Инструктор по торговле энергично шарил начальственной рукой по закромам складов с импортной одеждой. В общем-то в подобных операциях по принципу «ты – мне, я – тебе» не было ничего экстраординарного. Все наше общество тотального дефицита и бюрократических структур функционировало таким образом. Но смею предположить, что ЦК принадлежала главенствующая роль в процессах загнивания. Штаб партии выступал рулевым, задающим тон нижестоящим звеньям. Недаром ведь говорят, что рыба с головы гниет! Если секретарь ЦК расставлял людей, руководствуясь личными выгодами, и требовал от ошарашенных мелких услуг, а то и крупных нарушений закона, то возникал, естественно, эффект цепной реакции. Беззаконие, кумовство, коррупция кругами расходились по державе.

Стремление к надежному окружению свойственно и иностранным политикам. Американский президент или премьер-министр Англии предпочитают видеть рядом проверенных людей и единомышленников. Беда только в том, что в ЦК и в СССР в целом игра никогда не шла по цивилизованным правилам. Мафия, бравшая верх, ничем не лимитировалась (ни временем, ни полномочиями) и творила все, что желала, в том числе всячески «топила» другие группировки.

Рекорды недоверчивости, как и во многих других вопросах, ставил секретарь ЦК Борис Николаевич Пономарев. Советский посол в одной стране попросил секретаря ЦК презентовать его очередной труд. Пономарев начертил на титульном листе: «На память». Кому и от кого – решил на всякий случай не упоминать. А вдруг посол проштрафится, будет у него обыск, найдут книгу и ненужная тень падет на видного деятеля международного коммунистического

и рабочего движения. Осторожность, в общем-то, нелишняя. Ведь так оно и бывало не только в далекие годы пономаревской молодости, но и в более позднюю брежневскую эпоху.

Когда писатель Кузнецов из Тулы остался в Англии в 1970-х годах, главный идеолог ЦК КПСС М.А. Сулов вызвал на ковер первого секретаря Тульского обкома И.Х. Юнака. Оконфузил, мол, снимать будем. А Юнак, не будь дураком, отвечает:

– Характеристику на выезд я предателю не подписывал и не подписал бы ни за что на свете. Уехал Кузнецов, воспользовавшись моим отпуском, добро получил от заместителя, второго секретаря.

Резонно, подумал справедливый Сулов и убрал «второго» с должности.

Перейдем теперь к заповеди № 8. Она требовала от аппаратчика неукоснительного чиновничьего почитания к старшим по должности и позволяла ему допускать откровенное хамство в отношении нижестоящих. Один секретарь ЦК КПСС при звонке М.С. Горбачева или Е.К. Лигачева полностью терялся. Однажды принимал он венгерского посла, и вдруг взвыл спецтелефон. Секретарь схватил трубку и услышал спецголос с самого верха. И что, вы думаете, сделал секретарь, бывший посол СССР, искуснейший дипломат? Он выпроводил венгра в коридор и заставил его ждать до окончания телефонного разговора. Лишь сорок минут спустя послу дружественного государства позволили вернуться в кабинет «перестроечного» секретаря ЦК КПСС.

Если так можно было поступить в отношении венгерского посла, то что же говорить об обращении с отдельской «мелкой рыбешкой», консультантами и референтами! Один заместитель заведующего отделом проделывал трюк «а-ля секретарь ЦК» практически ежедневно, а то и несколько раз в день. Соберет совещание, а тут звонок. Ну хорошо еще от жены, с ней можно и при людях посудачить. А то любовница или приятель по скользкому делу. Заместитель заведующего небрежным взмахом руки повелевал участникам совещания убраться вон. Дюжина мужей стремглав, словно стая воробьев, вспугнутая ястребом, вспархивала со стульев и улетучивалась из кабинета. Стояли, сгрудившись у стола секретарши, и ждали, когда погаснет красная лампочка. Это означало, что телефонная трубка в кабинете положена на место и можно предстать пред начальственные очи.

Боссы рангом ниже (заведующие секторами, например) из кабинета уже, как правило, не удаляли. Они, просто забыв, что находятся на работе, надолго, не извиняясь, погружались в мир телефонного общения. Иной начальник на протяжении одного совещания умудрялся 5–6 раз поговорить с женой – о промахах портнихи, капризном унитаза, украденных лыжах. Кроме того, звонили дети, и аппаратчик помогал им с английским переводом, решением математических задач. В результате пустяковое пятиминутное совещание вырастало в марафонское мероприятие.

Кстати, еще кое-что о телефонном этикете в ЦК. Телефоны там были разные, и относились к ним неоднозначно. У самых больших «шишек» телефоны заполняли весь стол. У каждого – свои функции. Когда приходилось дежурить в приемной секретаря ЦК, то наиболее трудным делом было разобраться в предназначении телефонов. Помощник секретаря устраивал специальные инструктажи, а мы, дежурные на выходные дни, лихорадочно записывали: аппарат в верхнем ряду, второй слева, без опознавательных знаков, издает пронзительный сигнал – по нему соединяют только с Горбачевым; когда поднимаешь трубку, надо представляться по полной форме; а вот четвертый телефон справа, в среднем ряду – городской, могут звонить случайные люди, поэтому молчать и ждать, пока подадут голос на другом конце провода.

Чем ниже по рангу функционер, тем меньшим набором аппаратов он располагал. Любой чиновник считался большим человеком, если обладал хотя бы одной «вертушкой» – телефоном кремлевской связи. «Вертушка» служила (да и сейчас служит) водоразделом между элитой, сливками общества, и простыми смертными. Человека с «вертушкой» уважали, боялись, слушались. Когда аппаратчик входил в контакт с коллегой или с кем-то из внешнего мира, он

обязательно заглядывал в «вертушечную» книжицу, чтобы знать, чего стоит социальный статус визави, как с ним вести себя. Тем, кого нет в заветном списке, можно было безбоязненно хамить, еще лучше вообще не опускаться до их уровня. С «вертушечниками» следовало вести себя как с равными.

Престиж «вертушки» достиг таких высот, что ею можно было и не владеть, а лишь иметь к ней доступ. «Вертушкой» шефа пользовались не только мы, его подчиненные, но и друзья из других учреждений, даже пенсионеры. Предположим, надо «пробить» банкетный зал в ресторане «Прага» для личного юбилея. Звонишь по «вертушке» в соответствующее управление Мосгорисполкома, курирующее общественное питание, и тебе всегда постараются помочь. Попробуйте проделать ту же операцию по обычному телефону, тут же обнаружите, что в Мосгорисполкоме работают не такие уж вежливые и услужливые люди.

Даже по чисто служебным делам предпочтительнее было общаться по «вертушке». Например, надо узнать у дежурного депутатского зала «Шереметьево-II», когда прилетает высокая делегация, скажем, из Франции. Свяжитесь с дежурным по обычному аппарату, и вы вряд ли добьетесь вразумительного и правильного ответа. Позвоните ему же по «вертушке», и он не говорить будет с вами, а докладывать дрожащим от волнения голосом. Особенно полезной была «вертушка» при звонках в НИИ и прочие учреждения с более или менее свободным графиком работы. Это, как правило, являлось единственным способом найти нужного человека, иначе его и не искали.

У «вертушки», где бы она ни стояла, организовывалось дежурство. Сотрудник должен сидеть и ждать, затаив дыхание, когда кто-то большой и сильный соизволит лично набрать номер вверенного дежурному аппарата. Другие трубки можно было даже не поднимать. Часто так оно и происходило. Вы звоните час-другой в ЦК и удивляетесь, куда подевались его сотрудники, почему их все время нет на службе. На самом деле они там, только брезгают реагировать на перезвон простых телефонов.

Еще одной любопытной особенностью партийного этикета было нежелание здороваться. Секретарь ЦК В.А. Медведев, перемещаясь по коридору, игнорировал все внешние раздражители. Вы могли ему улыбаться, кланяться, кричать «здравствуйте» – все это бесполезно. Не моргнув глазом, с устремленным в глубь коридора стеклянным взглядом, он, словно «зомби», двигался вперед. Следующий заведующий отделом, В.М. Фалин, имел вид Гёте, раздираемого творческими муками, и с ним как-то и в голову не приходило здороваться. Человек явно находился в ином мире и другом измерении. Кстати, позднее В.А. Медведев стал простым сотрудником Фонда Горбачева и превратился в довольно приветливого человека.

Под стать главным боссам не здоровались многие замы и прочие начальники средней и мелкой руки. У некоторых это выглядело вызывающе, другим прощали невнимательность к окружающим по разным причинам. Некий консультант, весьма любезный в беседах в кабинете, на нейтральной почве (в буфете, на улице и т. д.) начисто отказывался кого-либо замечать. Объясняли это тем, что он плохо видит и слышит, да к тому же непрерывно мыслит. Но как-то я стал свидетелем такой сцены.

Наш герой шагает по коридору и вдруг в противоположном конце, метрах в 60 от себя, замечает симпатичную секретаршу. Лицо расплывается в лучезарной улыбке, и он буквально бежит навстречу девушке. Поравнявшись, продолжает улыбаться, кланяется, что-то шепчет ей на ухо. Тогда я понял, что зрение у консультанта работало выборочно, как у локатора, который наверняка запеленгует серебристый авиалайнер, а вот какую-то там ворону пропустит без внимания.

Глубокий след в памяти оставил еще один представитель славной консультантской когорты – заведующий группой экономических консультантов. Мы друг друга знать не знали и никогда, естественно, не здоровались. И вдруг нб тебе – раздается звонок, и я слышу в трубке BLEЮЩИЙ ТЕНОРОК. Зайдите, мол, дорогой, очень хотелось бы пообщаться. Захожу. Хозяин

кабинета весь внимание ко мне, обхаживает гостя, как кавказский тамада. А походя так разъясняет причину неожиданного всплеска любви. Секретарь ЦК Медведев поручил ему подготовить записку в Политбюро по одному важному вопросу. Сам консультант этого сделать не может, просит потрудиться меня. Я пытаюсь отказаться, ссылаясь на низкую квалификацию, но хозяин кабинета не приемлет самоотвода и осыпает комплиментами. Оказывается, он прекрасно осведомлен насчет моей биографии и «достижений». Наряду с хвалёбой из его уст звучат и посулы: вы себя покажете, вас повысят по службе.

В конечном итоге уговорил и с того момента стал близким другом: звонки, радостные приветствия при встречах. Дружил до того самого момента, как записка была составлена, подписана Медведевым, рассмотрена и одобрена на Политбюро. После этого «экономический» друг в мгновение ока остыл ко мне. Да что там остыл, перестал узнавать! Больше ни разу не поздоровался.

Иной читатель, возможно, пожмет плечами и скажет, что в подобном поведении нет ничего особенного. Но я, видимо, человек, испорченный длительным пребыванием за рубежом. Работая, в частности, в США, приобрел скверную привычку здороваться. В Москве же сам факт улыбки вызывал подозрение. Я как-то ехал за границу и решил использовать для паспорта фото, сделанное в США. Тамашний фотограф заставил меня улыбаться, и таким улыбающимся я и вышел. Потом жалел, что наклеил эту фотографию в паспорт. Она вызывала всеобщее недоумение и даже возмущение. Мне говорили: «Что ты улыбаешься как идиот?».

Но вот тому, что заместитель заведующего нашего отдела в ЦК, забывая порой фамилии подчиненных, подзывал их свистом, этому, думаю, оправданий нет. Еще один заместитель ввел систему записи сотрудников на прием. У вас срочное служебное дело, необходимо получить «добро» на встречу иностранной делегации. Но вместо того, чтобы за пять минут решить вопрос, приходилось ожидать вызова. Иногда несколько часов, а то и целый день. Аргументация поведения начальника: я очень занят, если все станут ежесекундно меня дергать, то... Но ведь на то он и начальник, чтобы руководить людьми и делами. Если на это не хватает времени, значит, подавай в отставку!

Справедливости ради следует признать, что постепенно за перестроечные годы уровень внутриаппаратного хамства все-таки снизился. Прежде секретарь ЦК мог позволить себе в отношении подчиненных что угодно, заведующий и замзавы отдела – почти все. Миндальничать с нижестоящими просто не представлялось возможным. Этого не оценили бы сами подчиненные. Господствовала рабская психология. Помню, один партийный товарищ, причем хороший и умный, следующим образом сравнивал В. Воротникова с С. Медуновым (первый сменил второго на посту руководителя парторганизации Краснодарского края).

– Знаешь, – рассуждал он, – все-таки Воротников не лидер. Со всеми за руку здоровается, беспрерывно говорит «спасибо» и «пожалуйста», пропускает клерков в дверях. Другое дело Медунов. Он хозяин! Идет напролом, из глаз грозные молнии. Чувствуешь силу.

– Но ведь Воротников честный человек, а Медунов?.. – пробую я переубедить собеседника.

– Это уже второй вопрос, – парирует он, – лидер должен все-таки быть лидером.

Подобное представление о лидере было характерно не только для аппаратчиков. Знакомый дипломат возмущался советским послом в Сингапуре. «Это не посол, – утверждал он, – а так, тряпка. Гуляю я однажды по Сингапуру. Мимо едет он в лимузине под государственным флагом. Увидел меня, остановил машину и предлагает подвезти. Разве допустимо опускаться до такого?»

Спрашивается, как начальству можно было не вести себя по-хамски? Ведь мы добивались, требовали того сами!

Обратимся теперь к заповеди № 9. Хочу, кстати, пока еще не совсем поздно, подчеркнуть: нумерация заповедей не несет особой смысловой нагрузки, первая или третья не важнее

шестой или десятой. И уж, конечно, девятая заповедь не уступает по значению восьми предыдущим.

Заключается она в железобетонной преданности организации. Как в том анекдоте о КГБ, который славился аналогичными традициями. Гость с Кавказа вошел в Мавзолей и при виде саркофага начал громко восклицать: «Ленин – как живой!». К нему подсакивает товарищ из органов и требует прекратить хулиганить. Но кавказец не унимается: «Понимаешь, друг, Ленин – прямо как живой!». В конце концов смутьяна увозят на Лубянку. Там на допросе он продолжает восхищаться: «Ленин – как живой!». Седовласый полковник в роговых очках вкрадчивым голосом осведомляется у задержанного:

– Гражданин, вы знаете, где находитесь?

– Ленин, говорю, как живой!

Полковник поднимает тон на пол-октавы: «Повторяю, вы знаете, где находитесь?».

– Послушай, правда, Ленин как живой!

И здесь старший офицер срывается и орет:

– Черт с ним, с этим Лениным! Ты знаешь, где ты находишься?

Так было и в аппарате ЦК. Не столь уж важно дело, которому служил. Главное – твоя фирма, твой рыцарский орден. Все помыслы посвящались тому, чтобы орден процветал и властвовал, кормил тебя и одевал, наделял полномочиями и престижем.

С особой болезненностью воспринимали в аппарате посягательства на привилегии. Самый робкий критик немедленно объявлялся контрой, жидом, агентом ЦРУ, шизофреником. Не по нутру были партработникам и любые другие попытки подорвать власть КПСС. Руководящая и направляющая роль партии была константой, ставить ее под сомнение считалось кощунством.

Десятая заповедь стояла несколько особняком от остальных. Это была не норма поведения, которой полагалось придерживаться, а особенность мировосприятия типичного аппаратчика. Речь идет о зависти. Будучи по своей сути человеком чрезвычайно честолюбивым, «карьерным» и в то же время в большинстве случаев бездарным, скучным, неинтересным, партработник завидовал всему и вся. Соседа по комнате бесило, например, то, что мне часто звонили друзья. Его аппарат, как правило, молчал, и когда он слышал очередную трель моего телефона, коллегу передергивало. После отсутствия (по случаю отпуска или болезни) я получал выговор: «Пока вас не было, невозможно было работать, – раздраженно отчитывал меня сосед. – Телефон взбесился, какие-то ненормальные люди!».

Еще тяжелее переносил визави приходы знакомых и друзей «живьем». Они потом спрашивали: «Почему твой сосед на нас зверем смотрит? Провинились чем-то?». Иногда, правда, «сокомнатник» менял тактику и пытался «отбить» посетителя (особенно, если гость был ему знаком). Он забрасывал пришедшего вопросами, осыпал любезностями и различными другими способами отвлекал внимание гостя от меня.

Довольно скоро, однако, я перестал удивляться, ибо аналогичным комплексом в той или иной степени страдали многие сослуживцы. Как-то я обнаружил, что один товарищ по работе на приемах в иностранных посольствах, в столовой, на улице, т. е. повсюду, неотступно следит за мной, точнее, за тем, с кем я общаюсь. После очередного коктейля он интересуется:

– Что это был за мужчина в очках, с которым ты разговаривал у колонны?

Я в ответ:

– А ты откуда знаешь, разве ты был на коктейле?

– Конечно, помнишь, ты еще с индийцем мимо меня прошел. Вы беседовали об индийско-пакистанских отношениях, ты пил пиво, а он вино из маленькой рюмки.

– Не заметил тебя, извини.

– Но кто все-таки был тот, в очках?

– Это ученый из Института востоковедения.

– И давно ты его знаешь?

– Лет пять.

– Наверное, хочешь защитить диссертацию, раз дружишь с ним?

– Какая пронизательность!

– А скажи, пожалуйста, тот седовласый дядька, с которым вы лапшу уплетали, он ведь из МИДа, с американского направления?

– Ты как всегда прав. И если полагаешь, что я собрался на работу в Америку, то опять отгадал.

Такого рода допросы учинялись чуть ли не ежедневно, и не только этим товарищем. Был коллега, который сидел в комнате, чьи окна выходили на мои (наши кабинеты разделял внутренний двор). Товарищ непрерывно наблюдал за тем, кто ко мне приходит. Потом задавал вопросы, а заодно «докладывал» ситуацию в соседних кабинетах. Двигала им отнюдь не страсть к доносительству (доносить-то было нечего, да и времена наступили другие), а все та же элементарная зависть, самолюбие, уязвленное чрезмерной «популярностью» коллеги.

Особенно больно ранили аппаратчиков контакты товарища по партии с иностранцами. Когда мне прислали из сингапурского посольства букет цветов (для жены к 8 Марта), коллеги оторопели. Один был настолько уязвлен, что в течение месяца поносил на чем свет стоит упомянутое посольство и представляемое им государство.

Я вообще-то пришел в аппарат человеком, уже хорошо осознавшим всю деликатность проблемы контактов с чужеземцами. Ведь в течение многих лет работал в советских представительствах за границей, а там, как уже отмечал, постоянно находишься между молотом и наковальней. Завел широкие связи с местной публикой, значит, по тебе ударит молот (КГБ). Не сумел наладить солидный круг знакомств – попадаешь на раскаленную поверхность наковальни (посол, который требует от тебя дипломатической активности).

Несмотря, однако, на солидный опыт лавирования, я скоро понял, что в аппарате зависть достигла более высокой точки накала и контактов с иностранцами, хоть они и нужны, лучше избегать полностью (или сверхтщательно маскировать их от коллег). На первых порах, правда, я все-таки пытался действовать открыто. Пришел как-то к начальнику, доложил, что на прием желает прибыть гость из курируемой страны. Шеф скривился и сказал:

– Я думаю, что сотруднику столь уважаемого ведомства, как наше, не следует опускаться до встреч с кем попало!

– Но это высокопоставленный дипломат!

– Не забывай, мы не Совмин, не Верховный Совет, мы ЦК!!!

В дальнейшем начальник под разными предлогами продолжал «оберегать» меня от встреч с иностранцами. Зато когда гости просились к нему, он забывал все на свете и, упиваясь, готовился к беседе.

Грудью защищал меня шеф от поездок за кордон. Однажды из МИДа сообщили, что меня приглашают на конференцию за рубеж. Попросил переслать текст приглашения начальнику. Секретарь отдела через пару часов проинформировал, что письмо получено и под расписку вручено шефу. Я стал ждать. Прошло две недели, а начальник не только о бумаге не заикается, но вообще избегает контактов. В конце концов поймал его в коридоре и поинтересовался приглашением.

– Да, да, вчера вот принесли, – смущенно лопочет член авангарда советского общества.

Проиграв первый раунд, шеф начал второй. В аппарате существовали всякие хитроумные способы, с помощью которых только и можно было «протолкнуть» любую бумагу. В той или иной степени ими владели все сотрудники. Мой же шеф являлся в данной области специалистом экстра-класса. Чтобы сорвать мероприятие, требовалось совсем немного усилий. Достаточно было направить человека по ложному следу. На следующий день шеф предложил

пойти с приглашением к замзаву, который нас не курировал и меня абсолютно не знал. Очевидно было, что откажет в поездке. Так оно и вышло.

Но то, что я никуда не поехал, это лишь полдела. Приглашение от зама попало заведующему отдельского секретариата. Тот так расстроился из-за моей популярности за рубежом, что решил отомстить. Загнал меня работать на очередной съезд КПСС – раздавать вместе с девушками-машинистками мандаты и материалы делегатам. Кстати, на ту же конференцию за кордон приглашали еще одного сотрудника отдела. И его не пустили. В порядке мести зав. секретариатом сосватал бедолагу в поездку то ли в Рязань, то ли в Сызрань.

У шефа была еще одна особенность: при том, что он не любил, когда другие путешествуют, сам испытывал колоссальную тягу к перемене мест. Заграница манила его как мощный магнит. И он абсолютно не сопротивлялся «электромагнитному полю», из-за которого коллеги все реже видели его в родных цеховских стенах.

Предметом острой зависти на Старой площади мог стать костюм. У товарищей возникали вопросы: где достал, на какие деньги приобрел? Одновременно выносилось порицание за то, что партийный работник расфуфырился, потерял скромность. Машина, личная дача тем более воспринимались с глубочайшим раздражением. Даже телевизор порождал отрицательные эмоции. Жена сослуживца, увидев, что наш телевизионный аппарат имел большой экран, всплеснула руками и воскликнула:

– Ой, где же вы такой экранище оттяпали!?

Как выяснилось, ее телеприемник был не меньшим, но ей хотелось, чтобы у другого было хуже.

Самое же большое омерзение вызывали успехи коллеги на интеллектуальном поприще. Никто не должен быть умнее! В ЦК велась настоящая охота на лиц, публикующихся в печати. Их шельмовали на партийных и профсоюзных собраниях, вызывали на «ковер» в высшие инстанции. В конце концов партком ЦК принял разгромное решение, поименно осудившее плодовитых «писак» и фактически объявившее выступление в прессе вне закона.

Парткомовский функционер гневно разъярялся: «Если у ответственного сотрудника хватает времени для написания статьи, значит, он недорабатывает, не все силы отдает делу партии». «Кроме того, – продолжал марксистский философ уже совсем в духе Оруэлла, – люди сочиняют опусы, сидя в служебных кабинетах, на казенных креслах и орудуя аппаратными перьями. И опираются при этом на знания, информацию, кругозор, полученные благодаря работе в ЦК».

Я пытался возражать:

– Ну а если человек занимается литературными упражнениями на досуге. Вы вот на отдыхе, знаю, любите половить рыбку. Правда?

– Сравнил, – отвечал, широко улыбаясь, собеседник.

– Но ведь вы рыбачите, используя пруд цеховской дачи. Через аппаратные каналы приобрели снасти. Обдумываете план очередной рыбалки в казенном автомобиле или в служебном кабинете. Хвастаетесь уловом в рабочее время. Порой вам удается выудить громадную рыбину за счет сильных рук. А сильные они благодаря спецпитанию в спецстоловой.

После долгих и горячих стычек между группировками «пишущих» и «непишущих» партком уточнил, что публиковаться все-таки можно, но ограниченно, так, чтобы суммы гонораров значительно отставали от уровня зарплаты. Секретарь ЦК Добрынин предложил еще более гибкую формулу: «Пусть люди пишут столько, сколько позволяет их партийная совесть!». Как все-таки хорошо, что Толстой, Диккенс и Шекспир не были партийными работниками! Их партийная совесть, а уж тем более товарищи по КПСС, не позволили бы написать «Войну и мир», «Холодный дом» и «Гамлет».

Абсурдность аппаратной возни по поводу публикаций была особенно видна на фоне того, что наши лидеры, в прошлом Брежнев и компания, а затем уже Горбачев и даже такой «свя-

той» человек, как Лигачев, пекли, словно пироги, не то что статьи, книги, и это не мешало им отдавать родной партии самих себя до последней частицы энергии.

Забегая вперед, отмечу, что в конечном счете развитие событий в стране позволило лагерю «писак» победить во внутриаппаратной борьбе. Когда в 1988–1989 годах КПСС стала терять позиции, сверху бросили клич: «Партийцам бороться за народ, выступать, писать, идти в люди!».

Чем же занимался аппарат? По сути, он являл собой суперправительство, которое в самом деле только одно и было в состоянии управлять выплавленной в горниле Гражданской войны уникальной системой. Страна жила решениями ЦК, которыми забиты необъятные партийные архивы. Составление этих документов и их проталкивание через руководящие органы и было главнейшим и важнейшим содержанием аппаратной деятельности.

Без постановления ЦК люди не могли ступить и шага, с оным они пускались в любую авантюру. По решению ЦК вводились войска в Афганистан, а наряду с этим по столь же высочайшему повелению министерству торговли предписывалось отпустить несколько сумок для ЦК ВЛКСМ, комсомолу позволялось подарить их кубинским друзьям.

В соответствии с аналогичными постановлениями открывались выставки мягкой игрушки, сколачивались в африканских саваннах подпольные «революционные» движения, назначались на работу на Старую площадь уборщицы, утверждалась повестка дня советско-американских переговоров по стратегическим вооружениям, появлялись на свет «народные» артисты СССР, поворачивались вспять реки.

Ни одна делегация не могла отправиться за кордон, не будучи благословлена номером цековского документа. Без него аэрофлотчики не принимали в Шереметьево-II иностранные лайнеры с гостями, шоферы не доставляли визитеров в город, чекисты не охраняли их от террористов, повара не потчевали странников русскими щами, гостиничные боссы не заботились об их ночлеге.

Несмышленные чужеземцы, слабо разбиравшиеся в лабиринтах реального социализма, подчас требовали невозможного. И возникали обиды. Приезжает, скажем, крупный бизнесмен по внешнеторговой линии и, уже находясь в Москве, звонит секретарю ЦК, которого когда-то развлекал в Лос-Анджелесе. Прими, мол, сегодня. А тот сегодня никак не может, ибо надо заготовить соответствующее постановление. Дело же сие непростое, требующее времени и усилий.

Но с принятием постановления все развивалось по накатанному сценарию. Копии документа рассылались исполнителям: в Министерство иностранных дел, уголовный розыск, управление метрополитена, Библиотеку имени В.И. Ленина. Адресатом могла быть любая организация Советского Союза. И, кстати, исполнители, как правило, не возражали, более того, всякие там министерства, управления и ассоциации и являлись зачастую инициаторами решений, организовывали их подготовку и прохождение через «инстанцию» (в советском истеблишменте именно так трепетно величали ЦК КПСС).

Благословение Старой площади позволяло надеяться на осуществление мероприятия. Конечно, магистральные задумки высшего политико-идеологического органа державы, например о создании продовольственного изобилия или преодолении жилищного дефицита, были абсолютно нереальны, а потому не выполнялись. Но указы попроще, поприменнее и понезатейливее играли незаменимую роль в функционировании системы.

Когда система стала приходить в расстройство, возникли дополнительные проблемы в жизни. Ученый из НИИ жаловался мне в 1990 году: «Раньше, когда выезд за кордон оформлял ЦК, все шло четко и по плану; теперь же академические бюрократы вконец запутали дела, ОВИР их не слушается, КГБ тем более, таможня на три буквы посылает; чтобы поехать за границу, придется подвергаться мукам ада».

Постановления ЦК выполняли еще одну важную функцию. Они были своего рода источником советского права. Как в Англии суды руководствуются прецедентами из прошлого, так в нашей стране политическая элита отталкивалась в практической деятельности от прежде принятых решений. Правительство такого-то государства просит построить атомную электростанцию. Как быть? Аппаратчик лезет в архив и выцарапывает оттуда покрытое пылью постановление десятилетней давности. Оно гласит, что упомянутой стране по следующим соображениям (приводятся) поставлять оборудование для атомных станций не следует. Содержание документа с обязательным указанием его номера доводилось до руководства, и просьба иностранного правительства зачастую отвергалась.

Аппаратчикам такая система представлялась очень удобной и разумной. Скажем, издается новая географическая карта с островами, являющимися объектом спора между двумя азиатскими государствами. Чьи они? Ученые спорят до хрипоты, ругаются даже, приводя в защиту своих позиций веские аргументы. А спорить незачем. Достаем из архива очередное решение, где черным по белому 15 лет назад было указано, как обозначать упомянутые острова на карте.

Привычка руководствоваться решениями ЦК укоренилась в сознании партийцев настолько, что, когда одному из них посольство США отказало в выдаче визы, он ходил по коридорам и вопил:

– Как же так, что за безобразие! Эти дяди Сэмы совсем обнаглели! У меня есть решение ЦК КПСС о поездке в Соединенные Штаты, как же американцы смеют не давать мне визу!

Формально постановления от имени ЦК принимались на заседаниях Политбюро, менее важные – на Секретариате. Но по сути дела они там просто штамповались. Даже в горбачевские времена члены этих «великих хуралов» не просматривали 90–95 % того тоннажа всяческих бумаг, которые они утверждали в качестве постановлений («высочайших указов»). Готовил документы в значительной степени на свой вкус аппарат, он же контролировал их исполнение, он же один только и хранил в памяти их содержание, да и сам факт существования решений. Весь комплекс священнодействий, связанных с постановлениями, и являлся основным и любимым времяпрепровождением обитателей Старой площади. Данному занятию отдавались лучшие годы жизни сотен и сотен здоровых, в расцвете сил людей.

Как же появлялось на свет очередное постановление? Сначала рождалась Идея. Скажем, заместитель заведующего Международным отделом знакомится с депешами из загранучреждений СССР и наталкивается на сообщение, что в некотором царстве-государстве вредная газетенка не совсем уважительно отозвалась о состоянии советской экономики.

«Это уже не в первый раз, – мелькает мысль в компьютерном мозгу матерого функционера, – до этого шельмовали наше сельское хозяйство, теперь вот сферу обслуживания чернят; того и гляди до партии, руководства, доберутся». Решение созревает мгновенно: необходимо скорректировать пропагандистскую линию в отношении распоясавшегося царства-государства. Последовательно давать отпор выпадам и со своей стороны вскрывать язвы их бытия. Замзав трубит большой сбор – «на совет» приглашаются страновой сектор, консультанты, информационная служба, сектор культурных связей. Всех их надо сконцентрировать на проблеме.

«Болванку» документа поручено подготовить страновикам. Они тоньше чувствуют нюансы гнусного поведения подшефного государства. Секторские силы брошены на защиту чести Родины. Следуют звонки в научно-исследовательские учреждения с «просьбой» (заданием) представить справки об обстановке в «царстве», его внешней политике, особенностях пропагандистской линии.

Идентичные запросы летят по беспроволочному телеграфу в советские посольства в «нехорошем» государстве и в сопредельных землях. Одновременно начинают скрипеть перья секторских писак.

Первый проект готов, но еще не успевают высохнуть на нем чернила, как накатываются волны затребованных материалов извне. Сотни и сотни страниц. Просматривать их внимательно времени, конечно, нет, но пробежать глазами стоит. Начальство обязательно потребует вставить что-нибудь из научных и посольских разработок.

Вслед за очередным валом справок, телеграмм, записей бесед рождаются второй, третий, десятый варианты записки в ЦК и проекта постановления по ней. Лишь затем материал попадет под очи завсектором. Как и всякий бюрократ, честно отработавший хлеб, он должен внести личную лепту. Прежде всего заведующий переставляет местами абзацы. В обязательном порядке, иначе записка «не зазвучит». Он берет в руки ножницы и нарезает из представленного подчиненными варианта кучу узких полосок бумаги. Склеив абзацы по-своему, перепечатывает материал. И вновь загоняет его в сектор. Пусть эксперты посмотрят, внесут очередные поправки. Сделано и это.

Перепечатанный в энный раз документ возвращается руководителю сектора. Теперь он вгрызается в стилистику, «однако» заменяет на «но», «вместе с тем» – на «в то же время», «вышеназванные» – на «вышеуказанные», «представляется целесообразным» на «имело бы, вероятно, смысл». Только к одиннадцати ночи уставший шеф покидает творческую лабораторию ЦК партии, чтобы вернуться к плачущим детям и обеспокоенной жене.

Далее документ пускался «в плавание» по отделу. Считалось солидным показать его в двух-трех подразделениях. Неважно даже каких. Лишь бы показать. Так, проект решения по азиатской проблематике изучали товарищи, специализировавшиеся по Европе, идеологическим аспектам взаимоотношений между социалистическими странами. Ничего принципиально нового и полезного они не вносили. Вклад в лучшем случае ограничивался предложениями об очередной перестановке местами двух абзацев, устранении наречия «очень» из одной фразы и добавлении слова «весьма» в другую. Иногда как неудачный характеризовался заголовок записки или рекомендовалось сократить материал до трех страниц (у начальства, мол, нет времени читать «полотно» в 3,5 страницы). Наконец, после того как примерно 20–25 высокооплачиваемых функционеров израсходовали на подготовку трехстраничной «болванки» 5–6 сотен часов, документ приземлялся на столе замзава.

Согласно неписаному аппаратному закону он должен был забраковать материал или по крайней мере назвать его сырым. Отдавался приказ о разворачивании второго раунда подготовки записки. По велению зама созывали совещания с привлечением ученых. Направляли документ «на предложения и совет» в другие ведомства (МИД, КГБ и т. п.). При этом заведенный еще, видимо, в незапамятные времена ритуал требовал непременно ошельмовывания дополнительных помощников.

– Ну как там ученые, – вопрошал замзав, – высказывали что-нибудь дельное на совещании?

– Вы же знаете, Иван Иванович, качество науки, пустая трата времени, сплошные банальности.

– Да, увы, наука застоялась, расшевелить бы ее надо. На замечания мидовцев и чекистов реагировали тоже с иронией:

– Вот тебе и спецы, хоть бы какую-то свежинку внесли. Позорно низкий уровень!

Критика научного мира и ведомств продолжалась на партсобраниях, где под одобрительный гул аудитории очередной выступающий охал по поводу профессиональной негодности советских дипломатов, разведчиков, военных, ученых. Подобные сентенции звучали особенно забавными, ибо в МИДе, КГБ, Минобороны, научном мире столь же пренебрежительно отзывались об умственных способностях цековцев. Мидовские друзья не раз спрашивали меня:

– Послушай, как ты там терпишь, в ЦК же одни дубины стоеросовые!

Как бы там ни было, бумага рано или поздно вновь попадала к заму. Поскольку к ней приложил руку столь широкий круг лиц разных возрастов, взглядов, знаний, она была, несо-

мненно, гораздо хуже, противоречивее, менее логичной, чем при первом чтении. Тем не менее замзав ее пропускал. Так полагалось. Он вносил в документ и собственную лепту, что делало конечный продукт совсем убогим.

Далее замзав согласовывал материал с заведующим отделом и по договоренности с ним приступал к поиску отдела-партнера, который бы выступил соавтором записки. Отдел находился, начинался новый изнурительный этап возни и беготни. Документ с помощью курьеров метался между двумя отделами как пинг-понговый шарик над сеткой: «направляем по договоренности», «возвращаем с дополнениями», «просьба посмотреть». На одни сопроводилочки уходило несколько килограммов бумаги.

Но вот текст обкатан, сто раз согласован и пересогласован. Наступала пора гонки на месте. Знаете, как на трекке велосипедисты отчаянно упираются, стремясь побудить соперника первым сорваться в путь и взять встречный ветер на себя. В аппарате каждый отдел норовил заставить партнера подписать документ первым. На всякий случай. Параллельно шли торги о том, каким уровнем подписывать записку в ЦК: уровнем зама или заведующего. Это никчемное занятие тоже поглощало массу сил и особенно времени.

Подписанный документ уходил в Общий отдел и через какое-то время вносился в повестку дня заседания Политбюро. Активность авторов записки достигала апогея. Заведующий приглашен на Политбюро, требовалось подготовить текст его выступления. В 99 из 100 случаев никакого выступления не бывало, в оставшемся сотом заведующему позволяли произнести две-три фразы. Тем не менее семь-восемь спецов отдавали еще десятки часов жизни на составление текста мифического выступления. Чаще всего решение принималось вообще без обсуждения.

Если речь в записке шла о конкретных банальных операциях (покупке сумок для кубинских комсомольцев, встрече намибийских партизан в аэропорту), то они совершались. Документ же посерьезнее, покрупнее зачастую оседал мертвым грузом в архиве. И о нем забывали. А спустя какое-то время другое подразделение цековской бюрократии выпускало бумагу аналогичного содержания. Или, наоборот, на ту же тему, но совершенно иного содержания.

Очень почетная, можно сказать, великая миссия аппаратчиков заключалась в подготовке речей и докладов для высших лидеров страны. Вот когда начиналась свистопляска! Сначала спускалось указание сделать доклад для съезда, пленума, переговоров с иностранным лидером. Задание формулировалось туманно. Скажем, изложить новое видение обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе или разработать обновленную концепцию народного образования. Под задание формировалась команда.

Составлялось сорок ее вариантов. Их надо было синтезировать в один. Вписывались фамилии, потом вычеркивались, вписывались вновь и опять вычеркивались. Наконец, утверждалось 15 человек из аппарата и ряда ведомств. Их забрасывали на комфортабельную дачу. Там уютные апартаменты, изобилующая деликатесами еда, тишина, чистый воздух.

Мой приятель участвовал как-то в переводе на иностранный язык доклада, который предполагалось произнести на партийном форуме на следующий день. Охрана предупредила: из дома не выходить (чтобы не было утечки информации). Для верности здание «опоясали» лазерным лучом. Попытаешься его пересечь, включишь сирену тревоги. В дополнение к лучу часовые. А в докладе-то секретов никаких нет, да и в округе километров на пять ни одной живой души. Жаждающих же прочесть очередной доклад не только в округе, а вообще нигде не сыщешь. Но зато как приятно для самолюбия и охранников, и пишущих. Мы все такие важные и особые!

Вернемся, впрочем, к процессу сочинения доклада. 15 аппаратчиков-дачников пекут вариант за вариантом: 25-й, 44-й, 103-й. Все не то и не то. Переписываются разделы, «рокируются» абзацы, замарываются слова. Очередные варианты (иногда следующий отличается от предыдущего двумя словами) стремительно доставляются в штаб, на Старую площадь. Летит

черная «Волга», расцвеченная огнями и издающая душераздирающие звуки. Ни дорожные знаки, ни сигналы светофора, ни безопасность пешеходов, ни неудобства для других машин ей нипочем. Только неудержимо вперед, быстрее доставить пред высокопоставленные очи два новых слова.

Все бы ничего, да только когда наступал торжественный момент официального произнесения речи или доклада, выяснялось, что готовившееся на даче в текст не вошло, разве что пара ничего не значащих фраз. Кто переписал речь – непонятно. Зато потом по Москве обязательно ходило огромное количество всякого рода лиц, которые утверждали, что именно они все и писали.

Своим долгом считали цековцы вмешательство в производственную деятельность подчиненных коллективов. Куратор Министерства энергетики из соответствующего отдела бесконечно звонил подопечным и требовал безотлагательной подготовки справок-отчетов: какова частота тока в сети, упало ли напряжение, сколько потреблено энергии за истекшие сутки и прочие подробности. Зачем? Почему? В министерстве понять не могли. Куратор делал это, потому что так велел его начальник, тот – чтобы при случае продемонстрировать информированность заведующему отделом.

...В США или Японии на самую скромную должность в магазине или второсортной конторе просто так не принимают. Проверяют интеллектуальный потенциал претендентов. В ЦК КПСС никто этот потенциал ни у кого не проверял. Критерии для отбора кадров были другими, и о них я уже упоминал. Соответственно, иными получались итоги. При существовавшей системе чем послушнее, глупее, серее был человек, тем с большей скоростью и легкостью возносился вверх по служебной лестнице.

И это было понятно, по-моему, даже ученикам средней школы и бабушкам, торгующим семечками на одесском «Приводе». Не разумели ситуации лишь сами участники карьерной гонки. Я с изумлением слушал высказывания по центральному телевидению бывшего аппаратчика, а позднее одного из лидеров реформаторского движения Вольского. Аркадий Иванович разъяснял широким массам телезрителей, что, мол, нет ничего удивительного в успехах экспатриантов в сфере бизнеса. В парторганы все-таки попадали толковые люди, лучшие из лучших.

Вольский не одинок в подобных оценках, невзирая на то, что ЦК КПСС одарил наш народ такими всемирно известными талантами, как Брежнев, Черненко, Лигачев, Полозков! А сколько самородков вертелось на соседних этажах власти!

Кириленко впал в детство задолго до того, как Леонид Ильич согласился отправить его на отдых. Все решил телефонный разговор Л.И. с Кириленко, состоявшийся 1 июля. Секретарь ЦК звонил Генеральному, чтобы поздравить его с наступающим Новым годом.

Пока речь идет преимущественно о представителях «старой гвардии», доставшихся Горбачеву по наследству от доперестроечного режима. Ну а каковы же были новые, горбачевского призыва партийные боссы? О них, вообще-то, почти все известно. В эпоху гласности и демократизации плюсы и минусы партийных вождей стали достоянием широкой общественности. И все-таки некоторые зарисовки...

В нашем отделе при мне сменились четыре зама, курирующих азиатские дела. Первый был классическим представителем брежневской школы партработников. Его кабинет был завешан портретами Ленина и Горбачева; вначале в соотношении 4: 2, но, когда над замом сгустились тучи грядущей отставки, число изображений лидера «перестройки» возросло до пяти. На стол под стекло легли вырезки из газет с горбачевскими цитатами. Замзав постоянно клялся в любви к Горбачеву в широких аудиториях и поносил в компании доверенных лиц.

Но если Горбачеву замзав явно не симпатизировал, то его отношение к Ленину было более сложным, с трудом поддающимся анализу. Как-то беседуя в присутствии подчиненных с секретарем Русаковым, он восхищался: «Какой кладезь знаний труды Ленина! В подходе к

любой проблеме нужен ленинский метод. Должен Вам доложить, что я регулярно перечитываю Ильича и постоянно делаю для себя открытия, нахожу в них ответ на злобу дня. Мы еще поверхностно, мало знаем наследие вождя!».

Далее Русаков, видимо, дает высокую оценку трудам Маркса. И зам реагирует:

– Должен, Константин Викторович, признаться, что его штудирую меньше, хуже освоил. Каюсь. Не хватает времени. Но даю обещание использовать ближайший отпуск для ликвидации этого пробела. Обязательно прочту всего Маркса!

Все это выглядело как ханжество, реализация одной из аппаратных заповедей (о которых речь шла выше). Но всякий раз, когда случался кризис в международных делах, замзав в самом деле усаживался за Ленина и часами выискивал у Ильича рецепты разрешения современных противоречий. Собственно, Горбачев первые три-четыре года пребывания у власти занимался тем же, что всячески подчеркивал в публичных выступлениях. Несмотря, однако, на любовь к основателю партии и государства, первого зама сняли.

Следующий замзав отличался патологической трусостью и никогда не высказывал никаких мыслей. Молчал и дрожал. Ему на смену пришел человек более решительный, но до неприличия невежественный. Я попал к нему на совещание, когда уже был наслышан о «талантах» нового начальника. Он информировал группу сотрудников об очередном заседании Секретариата ЦК.

– На Секретариате отмечалось, – начал замзав, – что в стране выпускается слишком много легкой музыки, а серьезной не хватает. Так, только некоего Розенбаума в прошлом году вышло несколько сот тысяч граммов пластинок.

Тут начальник споткнулся.

– А что, – поинтересовался он у присутствующих, – пластинки теперь измеряются на граммы?

Вслед за паузой кто-то, ранее других оправившийся от шока, объяснил разницу между грампластинками и граммами пластинок.

Вторым пунктом повестки дня была критика товарища, не заметившего опечатку в важном документе. В ЦК такое всегда считалось величайшим преступлением. Текст цеховского постановления мог содержать любой вздор, любую глупость, и за это никто не отвечал. С опечатками было иначе. В соответствии с партийными традициями форме придавалось большее значение, чем содержанию.

Возьмите, например, строгости с партбилетом. Член КПСС мог быть негодным человеком, бездельником, пьяницей. Другой же являл собой пример для подражания, но стоило ему потерять партбилет, по сути дела кусочек картона, как следовали сюрреалистически суровые оргвыводы. Чтобы уберечь себя от кар партийной инквизиции, члены КПСС принимали самые тщательные меры предосторожности. Женщина – ветеран партии призналась как-то, что всю жизнь проносила партбилет в трусах. Неудобно, но зато за сорок лет ни единого взыскания!

На упомянутом совещании замзав минут пятнадцать орал на несчастного функционера, напоминая, что при Сталине за такие проступки расстреливали. Здесь, кстати, шеф немного ошибался. Я, конечно, не могу утверждать, что Иосиф Виссарионович никогда не казнил за опечатки. Но, по крайней мере, иногда он этого не делал. Знаю доподлинно, ибо в нашем отделе работала пожилая дамочка, которая еще в бытность у власти Сталина допустила в цеховской записке тягчайшую ошибку. В слове «Сталин» вместо буквы «т» напечатала «р». И ничего, выжила.

Выжил и функционер, провинившийся в 1980-е годы, но замзав своей тупостью оставил тягостное впечатление. Тупость, правда, не мешала заму заставлять подчиненных сочинять за него многочисленные книги и статьи. Он только подписывал труды, зачастую даже не читая. Был такой случай. К «автору» подводят человека, которого он живописал в качестве героя

«перестройки» в одном из «своих» опусов. Напоминают, кто он. А летописец абсолютно не может взять в толк, о чем и о ком идет речь. Он же не читал «собственное» произведение.

Данный замзав отличался, кроме всего прочего, полным отсутствием знаний в области, которую ему доверили курировать. За время общения у меня сложилось твердое убеждение, что он вряд ли был способен найти на карте мира «подотчетные» ему страны (Китай, Корея, Вьетнам и т. п.). Однажды куратор вызывает меня и взволнованным голосом начинает выпытывать, когда Горбачев обсуждал с Фомвиханом вопрос о ликвидации «каких-то военных баз».

Я спрашиваю: «Вы, наверное, имеете в виду не Фомвихана, а Нгуен Ван Линя?»

– А кто такой этот Нгуен Вань?

– Руководитель Вьетнама.

– А Фомвихан?

– Лидер в Лаосе.

– А базы где?

– Наши?

– Я так понял помощника Горбачева, что наши. Или у СССР нет баз?

– Во Вьетнаме есть.

– А в Лаосе?

– Нет.

– Тогда наверняка разговор о вьетнамских. Так вот, – растерянность проходит, и у шефа в голосе звучат привычные нотки хамства, – срочно сделать справку о подноготной вопроса.

Через пару часов доставляю главному советскому стратегу в Азии требуемый документ. Читает и задает «глубокомысленные» вопросы.

– Вот ты здесь пишешь Нгуен Ван Линь. Это кто?

– Лидер Вьетнама.

– А Фомвихан кто?

– Лаосский лидер.

Еще один «босс» был человеком интеллектуальным, но малосведущим в международных, в том числе в азиатских, делах. Как искренний поборник перестройки он считал своим долгом постоянно генерировать идеи. И с утра до вечера строил воздушные замки, причем очень обижался, когда встречал скептицизм в отношении его проектов.

Перед любым визитом советского лидера за рубеж или иностранного в СССР наш новый шеф развивал бешеную активность. Во все бумаги и бумажки, посвященные визиту, вставлял сочные словосочетания: «историческая встреча», «эпохальное событие», «переломный момент», «судьбоносные переговоры». Подчиненным предлагалось подкрепить эти характеристики конкретными предложениями: о подписании пакта о ненападении, увеличении в 5–6 раз товарооборота, сооружении монумента дружбы на границе.

Чем грандиознее (а одновременно – неправдоподобнее) была идея, тем большее умиление вызывала она у шефа. Я даже хотел подсунуть ему при случае предложение об обмене с Китаем делегациями зоопарков в составе 100 слонов и 330 жирафов. В последний момент не рискнул, хотя он, скорее всего, «проглотил бы» даже такую «наживку».

Ведь загорелся же замзав фантазмагорическим проектом выжившего из ума ученого о превращении советской территории в 1988–1992 годах в главную транзитную артерию между странами бассейна Тихого океана и Европы. Помню, вызвал меня в кабинет. Вхожу и вижу двух людей со сверкающими глазами – начальника и незнакомца в помятом костюме.

– Знакомьтесь, – кричит срывающимся голосом замзав, – крупный ученый-транспортник. Предлагает построить от китайской границы до западных рубежей СССР специальные пластмассовые трубы и пустить по ним транзитные грузы. Сможем решить многие наши проблемы!

– Идея, конечно, прекрасная, – возразил я, – но пока мы не в состоянии перевозить даже собственные грузы. Не хватает подвижного состава, линий, электричества.

Шеф так крепко обиделся, что не замечал меня с месяц. Я, однако, не расстраивался, памятуя, что маниловщина – наша традиционная российская слабость. Как-то в мемуарах итальянского дипломата XVIII века натолкнулся на замечание о том, что русская сторона на переговорах всегда выдвигала блестяще звучащие, но нереальные прожекты. И очень расстраивалась, когда они отвергались.

Масса любопытной публики работала в аппарате на других должностях. Знал я товарища, который никак не мог взять в толк, откуда в Стране Советов появились проститутки, воры, взяточники, наркоманы. «У нас же, – горячо убеждал он меня, – для этого нет социальной базы, эксплуатации человека человеком!» Я попытался растолковать товарищу, что социальные язвы отсутствуют в тезисах ЦК КПСС, которые он сам же и готовит. А в жизни язвы есть и в обилии. Он смотрел на меня с сожалением и выносил суровый приговор: «Ты ничего не смыслишь в марксизме!».

Другой коллега любил нещадно поносить Запад за декадентство. «Вот Вы, – упрекал он меня, – поддерживаете гласность, а ведь дело кончится тем, что к нам потекут реки порнографии, разврата! Вам по душе такое в перспективе?» Я робко отвечал, что не по душе, восхищаясь при этом целомудренностью товарища. Позднее я узнал, что он весьма уважал порнографические издания с Запада и имел целый гарем любовниц.

Идеологический «сдвиг», впрочем, не был самой распространенной в аппарате болезнью. По-настоящему верили в замечательную социальную базу нашего общества лишь немногие. Преобладали иные «сдвиги». Один из них – на Сталине. Как-то в столовой я оказался рядом с еще довольно молодым человеком, который сразу же завел сталинскую пластинку.

– Вот был вождь! Магазины ломались от продуктов. Воров не было. О пьянстве не слышали. Люди улыбались. А какие трактора выпускали!

Я напомнил товарищу об определенных недостатках сталинского режима. О концлагерях и прочих прелестях.

«Да что вы! – последовало взволнованное разъяснение, – разве не понимаете, что он боролся с врагами! На момент революции 1917 года правящие классы составляли 30 % населения. Часть разбили в Гражданскую, а потом добивали. Причем не забывайте, что эксплуататоры продолжали размножаться и нужно было выкорчевывать и следующие поколения врагов». Далее сосед по столу заявил, что и перестройку начали недобитые внуки фабрикантов и помещиков. Они же устроили Чернобыль, потопили судно «Нахимов», подарили империализму Восточную Европу.

Впоследствии мы не раз вступали с упомянутым «революционером» в дискуссии. Постепенно выяснилось, что его волнуют не судьбы социализма в целом, а в основном защита «чистого имени» Сталина. Когда я уж очень «доставал» его аргументами, товарищ выкрикивал:

– Что вы все Сталина вините? Он не при чем! Это Ленин, Троцкий и Дзержинский придумали концлагеря и стали уничтожать людей!

Вскоре не осталось ни одного большевика, кого бы мой новый знакомый ни лягнул за тот или иной проступок. И лишь Сталин в его глазах оставался непогрешимым. Я встречал немало других аппаратчиков, соглашавшихся с хулой в адрес Маркса, Энгельса, Ленина, но содрогавшихся от любого мало-мальски нелестного замечания в отношении Сталина. Первые трое были идеалисты, интеллигенты, слюнтяи, Иосиф же Виссарионович – это хозяин, тот человек, который дал власть не каким-то там матросам и батракам, а аппарату!!!

Вернемся, однако, к моему сталинисту. Однажды он пригласил меня в гости. В квартире поразила коллекция бюстов и изображений Сталина. Гипс, керамика, масло, дерево, акварель – всевозможные материалы и вещества использовались для увековечивания памяти тирана.

После осмотра экспозиции, занявшей практически все стены и значительную часть площадей квартиры, сели за стол. Хозяин беспрерывно произносил тосты за Сталина и чокался с каждым из пришедших. Гости реагировали по-разному: одни вторили панегирикам, другие проделывали священнодействия молча. Были и такие, кто допускал колкости по поводу вождя всех народов.

На следующее утро я выразил аппаратному сталинисту удивление, зачем, мол, столько славословить. «Я хотел проверить, кто есть кто, – последовало разъяснение, – удалось выявить врагов и недоброжелателей нашего дела. Они будут взяты на заметку».

Вскоре я был направлен на офицерские курсы «Выстрел» в Солнечногорске. Вот где процветал сталинизм! Это было в конце 1986 года, гласность еще не наступила, и многие видели в разворачивавшейся перестройке шанс на реабилитацию старых, супертоталитарных порядков. Имя Сталина не сходило с уст обучавших нас офицеров. Подполковник – политработник – чуть ли не с пеной у рта поносил Хрущева за то, что тот посмел бросить тень на священный облик вождя и сократить вооруженные силы (в число уволенных в запас попал отец политработника). Музей боевой славы курсов буквально изобилует изображениями-иконами. Гид, сопровождавший курсантов по музею, больше говорил о подвигах Сталина, чем о заслугах Советской армии и всего народа в победе над фашизмом. Портреты генералиссимуса преследовали нас в красном уголке, столовой, служебном автобусе, на стрельбище.

Перейдем, впрочем, к следующему «сдвигу» среди работников аппарата. Он касался еврейского вопроса. Некоторые антисемиты являлись одновременно сталинистами, но не все. Часть товарищей была «зациклена» исключительно на евреях. Один коллега обвинял сионистов во всех невзгодах державы, другой – списывал на них личные проблемы. Если кого-то повышали по службе, он немедленно объявлялся евреем. Товарищ дошел до того, что называл жидками практически всех руководящих деятелей КПСС.

В число «обвиняемых» попали Зайков и Разумовский, Пономарев и Шеварднадзе, Яковлев и Примаков. Даже Капитонов, гораздо более похожий на антисемита, чем на еврея, получил стандартный приговор. «Жидки, кругом жидки, – сетовал партиец, – как их палками не бей, все равно лезут на теплые местечки». В течение длительного времени ему никак не удавалось вскрыть сионистские связи Горбачева. Пытался выйти на них через Яковлева. Тот, мол, сам еврей, плюс его купили на корню и завербовали сионистские организации в Канаде, где Яковлев служил послом СССР. По заданию Тель-Авива переведенный на партийный пост посол обработал М.С. «Яковлевская версия» падения Горбачева в сионистское болото представлялась борцу за чистоту нации все же неполной. Позднее он вышел-таки на истину. Оказалось, что зять президента «типичный еврей», а Раиса Максимовна – «татарская жидовка».

Довольно распространено в аппарате было мнение о семитском происхождении Попова, Собчака, Ельцина, Травкина, Афанасьева и других реформаторов. Считалось, что и в МИДе сплошь сыновья израилены, что там все замминистры и начальники управлений – сплошь евреи или полуевреи. Евреи же обвинялись в разложении советского сельского хозяйства, разрушении отечественной промышленности. Как в известном стихе: «Если в кране нет воды, значит, выпили жида».

Один из аппаратчиков, получив из института США и Канады справку о западных советологических центрах, наложил резолюцию: «Это путеводитель для советских евреев, чтобы знали, куда бежать и куда обращаться за кордоном!»

Процветал в аппарате и неприкрытый ничем, ни сталинизмом, ни антисемитизмом, культ грубой силы и власти. «Командовать обществом должны мы, – увещевал меня представитель этого «сдвига», – не отдавать же бразды правления демократической своре! Она состоит из шизофреников, уголовников, дебилов и воров». Упомянутый функционер с нескрываемой ностальгией вспоминал о временах, когда нецекотцы разговаривали с ним, стоя по стойке «смирно» и после каждого слова ответработника брали «под козырек».

«Шверник, – делился воспоминаниями товарищ, – будучи главой профсоюзов страны, вставал, когда в телефонной трубке раздавался голос со Старой площади». Один коллега делился со мной сокровенными мыслями: каждому инструктору ЦК КПСС выдается автомат и право по собственному усмотрению наводить с его помощью порядок.

«Моя мечта, – признавался еще один партиец, – ворваться в кабинет главного редактора журнала «Огонек» Коротича, привязать хозяина к стулу и в его присутствии наложить кучу на его же столе». Тот же товарищ мечтал утопить главного редактора «Московских новостей» Егора Яковлева в луже мочи, бросить его в клетку с голодными крысами, обмакнуть с головой в унитаз общественного туалета. Похожие угрозы сыпались в адрес других реформаторов, особенно А.Н. Яковлева. Он вызывал особую ярость как враг, оказавшийся в партийных рядах. «Вот мерзавец, – говорили о нем в цеховских коридорах, – болтает о каком-то гуманизме, развращает души граждан!»

Были в аппарате и представители более мирных «сдвигов», пьяницы и жулики. До восхождения к власти Лигачева им жилось в ЦК так, что вольготнее не бывает. Спиртное в широчайшем ассортименте продавалось в закрытых цеховских гостиницах. Заехал в буфет гостиницы «Октябрьская», пропустил пару порций шотландского виски с чешским пивом – и на работу. А тут надо делегацию из братского Мозамбика принимать. Тосты, лобызания, коньяк, шампанское, снова пиво. Пили, конечно, отнюдь не все, но процентный показатель алкашей в коллективе был вполне достойным, не последним в союзной табели о рангах.

При апогее лигачевского диктата на Старой площади «подавальщики» заметно приуныли. Спиртное из буфетов и баров пропало, словно корова языком слизнула. Лигачев наорал на аппаратчика, предложившего обеспечить пивом группу немецких коммунистов: «Пусть они свои порядки не диктуют, – заявил Егор Кузьмич, – если не в состоянии жить без пива, могут вернуться назад, в Берлин».

Перестали потчевать крепкими напитками в домах отдыха и пансионатах ЦК. Аппаратчики тайком, завернув бутылочку в несколько слоев бумаги (чтобы не звенело) и спрятав ее в глубину портфеля, доставляли водку в номер. Тщательно зашторивались окна, включалось радио (для заглушения бульканья при наливании в стакан) и быстро-быстро совершалось великое таинство. Пустая тара так же скрупулезно упаковывалась назад в портфель, комната проветривалась, а участники «преступления» забивали хмельной аромат головками чеснока.

Спиртная тема ушла из разговоров с сослуживцами; если кто-то и пытался шутить по спиртному вопросу, его либо одергивали, либо игнорировали реплики. В коридорах шушукались. Главного редактора газеты «Правда» Афанасьева видели в обычном магазине стоящим в километровой очереди за коньяком. Михаил Сергеевич позвонил академику, чтобы поздравить с днем рождения.

– Выпиваете? – спросил Генеральный.

– Что вы!

– Да брось ты, – урезонил лгунишку М.С., – что же это за застолье без чекушки! Праздновать, так праздновать!

Правда, тот же Горбачев на заседании Политбюро хвалил работников вино-водочной промышленности за срыв плана. Чем больше сорвете, тем сильнее, мол, отблагодарим.

С прекращением антиалкогольной кампании закоренелые бражники вновь ожили. В коридорах пьяные не валялись, но кое-кто покачивался. Случалось, храпели за столом. Несли околесицу на совещаниях.

В 1990 году «подавалы» нашего отдела, да и всего аппарата, приобрели неоспоримого жоака в лице нового члена Политбюро Геннадия Ивановича Янаева. Знавшие его по прежней работе в ССОДе⁹² советовали: все дела с Геней (так величали шефа за спиной) решай по

⁹² Союз советских обществ дружбы.

утрам, после обеда он уже «хорош», бесполезно заходить. Не всегда везло и утром. Мой приятель застал Г.И. не вяжущим лыка в 9:00. Лидер долго вглядывался в расплывчатые контуры вошедшего и наконец, определив, что перед ним не «чужой», поинтересовался:

- Те... тебе чево?
- Да вот, хочу перейти в МИД на работу, поможете?
- А... бе... бежишь, бежишь с партийного ка-а-рабля?
- Нет. Хочу на живую внешнеполитическую работу.
- Это другой ра-а-зговор. Так чево ты от меня хочешь?
- Позвоните в МИД.

Будучи человеком сердобольным, Янаев тянется к трубке. Пытается набрать номер, но палец раз за разом срывается с диска. Наконец, операция удаётся.

«Алло-алло, это Коля? – произносит член Политбюро заплетающимся голосом, – это Гена... Ну, Гена Янаев. Слушай, возьми Толика на работу. Как какого Толика?! Ну, ну моего, из меж... межотдела. Ладно? Хоккей!»

Рассказывают, в поездках в своем высоком качестве за рубеж Г.И. любил, по пьяному делу, стойку на одной руке держать...на столе.

Секретарь ЦК Купцов поразил меня на ужине в честь зарубежной партийной делегации. На протяжении всего мероприятия, в течение трех часов, секретарь говорил только на алкогольную тему. «Водка, пиво, вино, выпить, поддать, набраться» – непрерывным потоком лилась из его уст лексика, более логичная в очередях за спиртным. С той поры я стал присматриваться к Купцову, и выяснилось, что он не только любит поговорить о вине, но слова подкрепляет делами. В заграникомандировках коммунистический вожак дни напролет пил то, чем угощали хозяева, а ночами хлестал привезенное из дома.

Что касается жульничества, то им, конечно, промышляли сотрудники Управления делами, как это водилось во всех уважающих себя советских учреждениях. Подвиги руководителя Управления Кручины описывать не стану. По достоинству их оценил Генсек М.С. Горбачев, наградивший «ударника перестройки» званием Героя Социалистического Труда.

Я лично сталкивался только с сошками, орудовавшими на нижних этажах воровской пирамиды. Начнем с «рядовых» буфетчиц. Как и их коллеги из общепита, они чувствовали себя «хозяйками тайги». Могли отчитать партийного функционера, дать ему то или иное указание (куда ставить или не ставить портфель, какой банкнотой расплачиваться, за которым столом трапезничать). При этом обсчет, обвес и обмер производились с наглостью, свойственной всем труженикам прилавка Страны Советов. Сначала меня такое удивляло (все ж таки храм партии!), но охладил эмоции приятель из союзной прокуратуры. Оказывается, и там, в присутствии грозных силовиков, творилось ежедневное и ежесекундное воровство.

В зависимости от расположения духа и личных привязанностей буфетчицы могли нет-нет да и одарить приглянувшегося аппаратчика дефицитом, выдать ему товар сверх нормы. Скажем, хорошую (по прозвищу «партийная») колбасу выдавали по три порции, в каждой по три кусочка. Бумаги не полагалось, чтобы клиенты потребляли продукт на месте. Но всем хотелось отнести колбасу из настоящего мяса домой, жене и детям. Поэтому и кланчили у продавщиц куски побольше, да и обертку в придачу. Одним это удавалось за счет артистических талантов, удачно выбранного тона. Другие платили услугами (например, за перевод текста этикетки на французской пудре, устройство на работу племянницы). Третьи добивались своего наглостью.

У буфетчиц были клиенты и на стороне. В частности, охранники на входных дверях. В обмен на сушки, сыр и помидоры ранней весной они пропускали девушек в здание ЦК как представителей высшей номенклатуры – без проверки документов, беря под козырек. Наведывались к буфетчицам родственники, друзья, знакомые, уходили довольные, с объемистыми пакетами. По вечерам буфетный персонал и сам расходился груженный «под завязку».

Большую власть имели мужчины, распорядившиеся билетами на транспорт. В цековской железнодорожной кассе сидели два дюжих богатыря, которым надо было сообщить, что нуждаешься в таких-то билетах. Богатыри молча выдавали бумажку (бронь), платную с 1990 года. С бумажкой нужно было следовать к соседнему окошку, где и происходило обилечение. При этом все недоумевали: зачем нужны упомянутые два бездельника? Они получали солидные зарплаты, пользовались многочисленными аппаратными льготами, а уходя на покой, одаривались специальными пенсиями как ответработники. И все за то, что выдавали бумажки, которые с неменьшим успехом могла всучить пассажиру сама кассирша.

Товарищи, ведавшие авиаброней за кордон, вообще восседали в солидных кабинетах с «вертушками». Им полагалось помогать отправке – приему официальных делегаций, что они и делали. Но «навар» шел с другого, с бронирования «левых» мест. Аппаратчики обращались с просьбами достать авиабилеты для сестер, бабушек, однополчан, соседей и других неноменклатурных граждан. Ответственный долго отнекивался, не положено, мол, да и брони на маршрут не предусмотрено. Но в конце концов смягчался.

Бронировщики сидели в одной комнате вдвоем и друг друга побаивались. Поэтому разговор с каждым из них носил зачастую эзоповский налет.

– Иван Иванович, – просишь его в присутствии насторожившегося коллеги, – сделай для делегации пару билетов в Париж.

– Делегация ЦК?

– Почти. Наши подопечные, помогают в работе.

– Не могу. Не положено.

Переброска репликами занимала минут десять, и тут «билетер», продолжая отказывать, шевелил бровями, выходи, мол, поговорим позднее. Выполнял команду, не будучи уверен, правильно ли понял намек. Может быть, это лишь плод собственного воспаленного воображения? В коридоре спаситель догонял и на ходу бросал: «Сделаю. Жди звонка». И делал. За сувениры. Однажды я отвалил за авиабилет две пачки импортного чая и бутылку виски, но вместо спасибо услышал предложение добавить еще одного «вискаря».

Подобные мелкие, а то и не очень, махинации совершали джентльмены и дамочки, ответственные за путевки, проживание и питание в цековской гостинице, стройматериалы, служебные автомобили и многое, многое другое. С одной стороны, в ЦК, как я уже отмечал, льготы были расписаны по должностям, с другой – для своих людей из правил делались внушительные исключения. Рядовой сотрудник нашего отдела повсюду разъезжал на казенной машине, отоваривался дефицитом высшей категории, жил в отличной квартире и пользовался госдачей благодаря умению найти ключ к сердцам распределителей. Он, в частности, водил иностранные делегации в специальную сотую секцию ГУМа, с их помощью приобретал там импортное барахло и менял его на различные цековские привилегии.

Если же вы пытались действовать без хитростей, так сказать по закону, то натыкались на глухую бюрократическую стену. Распорядитель стройматериалов выставил меня за дверь за то, что я посмел войти к нему без вызова! Начальник по квартирам, не моргнув бесстыжими глазами, объяснил, что в ЦК жилплощадь выделяют исключительно остро нуждающимся, прозябающим в общих или аварийных квартирах (хотя кое-кто ухитрялся поменять за годы службы на благо КПСС по 5–6 квартир, захватить жилплощадь для детей и даже более отдаленных родственников). В ресторане гостиницы «Октябрьской» на просьбу покормить иностранную делегацию в номере директор Крепостной отвечал разнужданным матом. Примеры можно было бы приводить до бесконечности.

Глава 4. От застоя к перестройке

До этого я описывал различные особенности и причуды аппарата, теперь попытаюсь в хронологическом порядке восстановить эволюцию поведения партийного воинства в условиях перестройки.

Появление Горбачева у руля власти весной 1985 года большинством функционеров было встречено с воодушевлением. Молодой, энергичный, а главное, выдвиженец Андропова, чьи хорошие начинания уже успел притормозить убогий брежневский холуй Черненко. С особым трепетом от нового Генерального ждали чистки кадров. Надоели взяточники, пьяницы, бездельники и развратники, из-за которых, как представлялось, страна погружалась в трясины болезненных проблем.

Социализм необходимо было очистить от гнойников, дать ему второе дыхание. Ну и, конечно, устранение коррумпированных элементов открывало путь к рычагам власти и родникам привилегий засидевшемуся на вторых ролях молодняку. В его среде давно ворчали, что престарелые маразматики перекрывают следующему поколению кислород, мешают раскрываться ярким дарованиям.

Горбачев не обманул ожиданий, взял в руки косу и начал срезать сорняковую траву. В газетах замелькали сообщения об освобождении тузов различных мастей от занимаемых должностей. Одних вытряхивали из кресел предельно культурно – они уходили на заслуженных отдых в соответствии с собственным желанием, по состоянию здоровья, а в качестве выходного пособия получали очередной орден. Кроме того, за газетной строкой оставались такие подробности, как обеспечение новоиспеченного ветерана партии пожизненными привилегиями: дачей, пайком, спецмедуходом, санаториями.

Член Политбюро Романов после эвакуации из высокопоставленного кабинета продолжал ездить на партийные средства на отдых за рубеж, прихватывая с собой не только членов семьи, но и обслуживающий персонал. На просторной даче Русакова можно было проводить два футбольных матча одновременно, не ставя при этом под угрозу благополучие фруктового сада, картофельного поля и огородов. На протекающей рядом реке Москве пенсионера ждал приятный сюрприз в виде белоснежного катера. Пономарева черный автомобиль продолжал быстро и без хлопот доставлять на Старую площадь, в кабинет, выделенный видному борцу за мир для написания мемуаров.

Подобное увольнение в запас бойца партийного фронта являлось низшей мерой наказания. Не всем везло в такой степени. Кое-кто уходил в политическое небытие без упоминания о его собственном желании и состоянии здоровья. Льгот в таком случае выпадало поменьше. Хотя товарищ мог, конечно, подсуесться и выхлопотать недостающие удовольствия через соратников по партийному оружию. То пенсию, глядишь, повысят, то дочери еще попросторнее квартиру предоставят, а то войдут в положение и «Чайку» оставят, чтоб «летать» на ней на дачу и обратно. С явными штрафниками, опозорившими светлое имя КПСС, обходились круче. Исключение из партийных рядов, изгнание из кормушечного «рая». Впрочем, изгоев было немного, Михаил Сергеевич не одобрял сверхкрутизны в подходе к живым людям, проявлял коммунистический гуманизм.

Тем не менее очень скоро армия спецпенсионеров значительно пополнилась. Появились первые недовольные горбачевской политикой аппаратчики. Разгуливая по территории загородных цеховских дач или вколачивая «козла» в скамейки Гоголевского бульвара, они бурчали и шипели. «Мальчишка, пацан, такими кадрами разбрасывается! Неужели не понимает, что без наших опыта и знаний ни одно дело не сладится! Молокососы, которых Генеральный ставит на руководящие посты, не тянут и не волокут». Мужьям подкудахтывали супружницы. В очереди

в спецполиклинике к врачу я стал невольным свидетелем любопытного монолога. Пожилая тетя с очень простым лицом, но в импортных нарядах разговаривала вслух сама с собой:

– Какой мерзавец убрал из МИДа Громыко? Это же опытнейший и достойнейший дипломат! А на его место взял чурку из Тбилиси или Еревана! Срамота-то какая! Прямо коровам на смех! Или Капитонов. Человек на кадрах собаку съел, а его подлецы возьми и замени на Егорку Лигачева. Тот в Москве еще как следует ориентироваться не научился! На горком опять же сопляка посадили, Ельцина какого-то, дружка Лигачева. Это же издевательство над москвичами! А министров какая-то гадина тасует словно карты!

Еще долго тетя честила безымянных злодеев, а в заключение, уже поднимаясь со стула по сигналу медсестры, в сердцах резюмировала: «В общем, что там говорить, трудно, очень трудно приходится Михаилу Сергеевичу Горбачеву в таких условиях, с такими людьми!». Реплика сразила. То ли тетя была не в ладах с логикой, то ли пока не прозрела от традиционной русской веры в хорошего царя, обманываемого ближайшим окружением. А может, лукавила, ведь эпоха гласности тогда еще не наступила, приходилось прикрывать крамольные речи присяганием в верности «императору». Видимо, играли определенную роль все три фактора, и не только в случае с означенной особой. Прежде кристально-чистое мировосприятие функционеров правящего класса стало к началу 1986 года мутиться и вихриться.

Правда, в феврале – марте 1986 года работал XXVII съезд КПСС, на котором М.С. Горбачев, признав недостатки, ошибки и трудности, выступил с программой использования скрытых резервов социализма, ускорения социально-экономического развития страны. Для большинства делегатов лозунги звучали ладно, оптимистично, привлекательно. Нам горбачевская программа представлялась демагогической, хотя в ней содержалось гораздо больше здравых, живых мыслей, чем в предыдущих партийных документах.

Впрочем, нам было не до анализа докладов и речей. Я, в частности, имел поручение опекать партийные делегации из Вьетнама и Лаоса. Водил их в музеи, цирк, на хоккей. На хоккейном матче попросил знаменитого вратаря В. Третьяка (сидевшего поблизости) пообщаться с лаосскими лидерами. Третьяк согласился, увлеченно рассказывал гостям о любимом виде спорта. Лаотянцы внимали и одновременно следили за событиями на ледовой площадке. И всякий раз, когда там происходило столкновение, они взрывались заразительным смехом. Третьяк тогда замолкал, недоуменно посматривая на чудаковатых собеседников. Улучив момент, я шепнул ему на ухо: «Не удивляйтесь, в Юго-Восточной Азии люди даже при виде автомобильной катастрофы улыбаются и хихикают. Это своего рода защитная реакция».

На самом съезде бросалась в глаза популярность Фиделя Кастро. При его появлении в фойе зала заседаний делегаты замолкали, цепенели, а затем многие бросались к вождю кубинской революции: пожать ему руку, выразить восхищение, получить автограф, сфотографироваться.

Чувствовалось также, что делегаты пребывают в оптимистичном расположении духа. Наконец-то вываленные в нафталине старики оттеснены на задний план, страна оживает и вот-вот на всех парах рванет вперед и вверх.

На меня «навесили» еще одно задание – дежурить в галерее подарков. Гости дарили сувениры, которые развешивались или расставлялись у стены в фойе Кремлевского Дворца съездов. Делегаты рассматривали подарки, одобрительно цокали языками и качали головами. Но вот ко мне подошли два товарища со значками Ким Ир Сена в петлицах пиджаков. Более важный на вид что-то сказал по-корейски. Молодой перевел:

– Почему подарок товарища Ким Ир Сена висит ниже этой вещи из Мозамбика?

– А вам не все равно? – удивился я.

– Мне, – признался переводчик, – все равно. Но моему шефу (и здесь молодой кивнул в сторону стоявшего рядом коллеги) не все равно. Ему докладывать о ситуации в Пхеньян.

Тогда я предложил:

– Скажите шефу, что отсчет подарков идет по кругу и начинается этот воображаемый круг с подарка товарища Ким Ир Сена. Ваш подарок – № 1, а мозамбикский – последний в кругу.

Услышав перевод, более важный кореец еще больше надулся, удовлетворенно усмехнулся и пожал мне руку. Тучи, сгустившиеся было над советско-северокорейскими отношениями, рассеялись.

Но вот отговорили ораторы, отгремели фанфары, отшумели аплодисменты. Съезд завершился, возобновились будни. М.С. Горбачев с места в карьер принялся наращивать реформаторскую деятельность. Какое-то время в аппарате все еще сохранялось убеждение, что речь идет о дальнейшем укреплении позиций партии коммунистов. Партком ЦК КПСС так и озаглавил тему теоретических семинаров для отделов аппарата в 1986 году: «О путях и методах повышения роли КПСС в советском обществе». Предложения Горбачева о разделении функций партийных и государственных органов, об активизации деятельности Советов всех ступеней воспринимались именно как направленные на цементирование фундамента партийной власти. «КПСС не следует марать руки мелочами, влезать во все проблемы, – разъясняло начальство, – партия должна прочерчивать генеральный курс, а всякие там горсоветы пусть исполняют директивы и несут ответственность».

Однако на практике получалось по-другому, усиливалась ломка давно устоявшихся канонов теории и практики КПСС, властные полномочия партии сокращались. И аппарат насупливался, задумываясь о переменах и стараясь понять их суть и цели. Новый вождь запустил в оборот термин «перестройка», требовалась его расшифровка и соответствующая корректировка линии поведения. В ЦК и партийных штабах на местах гадали и метались. Знакомый обкомовский работник поучал: «Если хочешь выполнять замыслы партии, делай акцент на человеческий фактор». Для очень многих речь прежде всего шла о подъеме дисциплины.

Лучшие умы аппарата предлагали восстановить успевшие полюбиться андроповские облавы на улицах городов. Человек, ничего не подозревая, входит в кинотеатр, а его раз, за грудки, требуют доказать, что он не верблюд и не прогульщик, что отдыхает на законном основании. Если оправдательных бумаг и аргументов не хватает, тогда пройдемте в каталажку для основательного допроса. Подобные операции вмиг помогли запугать и приструнить народ. С точки зрения многих теоретиков КПСС, андроповщина послужила бы отменной артподготовкой для возвращения к уже полнокровной всеобъемлющей сталинщине.

«Народ заждался порядка, – настойчиво повторяли в кабинетах Старой площади, – смотрите, чуть ли не на каждом грузовике портрет Сталина. Люди голосуют за сильного хозяина!» От имени народа и во имя его сокровенных интересов предлагалось беспощадно сажать прогульщиков, «несунов», хапуг, бездельников. Большинство лидеров, включая будущих отцов российско-советской демократии Ельцина и Шеварднадзе, горели лихорадкой административно-командного наведения порядка в обществе.

Борис Николаевич Ельцин, совершая лихие кавалерийские наскоки в магазины и на фабрики, рубил пойманных врасплох нарушителей социалистического общежития сплеча. В сторону разлетались куски поверженных секретарей райкомов, директоров овощных баз, начальников ГАИ и прочих нехороших элементов. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе разрывал гордые узлы мидовских мафиозных структур, беспощадно топтал семейные муравейники в попытке довести внешнеполитическое ведомство до сталинских образцов дисциплины и послушания. Секретариат ЦК и Политбюро после долгих летаргических брежневско-черненко-ковских лет вновь стали приобретать черты ленинско-сталинского мозга и меча нации.

Взрываются цветные телевизоры? Капитанам отрасли вставить по первое число! Половину снять, уцелевших обязать, чтобы аппараты перестали шалить. Далее. Перед очами вождей перестройки предстает первый секретарь Калининградского обкома КПСС. Он человек на этом посту новый, но все равно виноват. На Секретариате ЦК указывается, что сто лет назад

удои молока в районе Кенигсберга были выше, чем в нынешней Калининградской (то бишь Кенигсбергской) области. Секретаря за это песочат и требуют разобраться с молоком раз и навсегда.

Следующим на ковре оказывается астраханский вожак коммунистов и получает «под дыхало» за то, что во вверенной ему области никудышные урожаи груш и яблок. Чихвостят генералитет советского спорта за недостаточно блестящие выступления хоккеистов и гимнастов на международных аренах. В рамках борьбы за повышение дисциплины родилась мысль всерьез схватиться с «зеленым змием».

«Перестраивались» не только основные отделы, но и Управление делами в аппарате ЦК. И оно должно было добиваться более высоких стандартов в работе. И люди старались. Возводили еще более комфортабельные дома отдыха, обогащали меню в столовой, разнообразили ассортимент в отделе кулинарии, прибирали к рукам новые санатории, вводили дополнительные услуги в цеховском комбинате бытового обслуживания.

А руководство КПСС между тем нацеливало ответработников на претворение в жизнь планов по ускорению развития производительных сил страны. На совещаниях нам разъясняли: «При Брежневе драгоценная валюта бездумно транжирилась на приобретение потребительских товаров – продовольствия, одежды и даже такой глупой роскоши, как французские духи. Все это “сгорало” вмиг, а народ требовал очередной партии импортных инъекций. Мы отныне пойдем другим путем. За границей будет закупаться не ширпотреб, а промышленное оборудование. Внедрим его, наладим производство у себя дома и сразу заживем богаче».

В аппарате наступило прозрение: вот в чем корень вопроса, в преодолении технического отставания от Запада путем правильного использования ресурсов, включая валютные. КПСС здесь предназначалась особая, организационная и направляющая роль. Веером разлетелись по стране уполномоченные глашатаи, с тем чтобы поднять партию на реализацию очередных грандиозных решений.

Перестроечный ветер постепенно наполнял паруса внешнеполитического корабля КПСС и советского правительства. Это давалось непросто: Советский Союз уже давно и глубоко завяз в холодной войне с Западом, прежде всего с США. Попытаюсь здесь воссоздать краткую историю этой длительной конфронтации, базируясь на исследовании Натальи Евгеньевны, опубликованной ею позднее, в 1997 году⁹³.

Исторические предпосылки холодной войны

Холодная война между СССР и США разразилась во второй половине 1940-х годов. Для понимания сути этой войны важно рассмотреть не только ее непосредственные причины, но и исторические предпосылки. А они, безусловно, были и имели весьма серьезный характер.

Россия и США всегда являлись антиподами в своем экономическом, политическом и социальном устройстве. Они имели различные хозяйственные уклады, неодинаковую степень свободы предпринимательства; несхожими были в двух странах роль правительства, права граждан; контрастировали между собой религиозные и культурные традиции россиян и американцев. В Северной Америке не существовало царя, политической цензуры, ограничений на местожительство и других явлений, столь характерных для России на протяжении многих веков.

Разнились внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты двух государств. Правда, между собой они не сталкивались, будучи разделены огромным расстоянием. Порой, исходя из собственных эгоистических соображений, Санкт-Петербург и Вашингтон поддерживали позиции друг друга (Россия была на стороне американцев в их войне за независимость;

⁹³ См.: Дипломатический ежегодник – 1997. М.: Научная книга, 1997. С. 124–136.

США – на стороне России в Крымскую кампанию 1854–1856 годов). В целом, однако, две будущие сверхдержавы держались друг от друга на дистанции и особых взаимных симпатий не испытывали.

В начале XX столетия в России стало набирать обороты радикальное социал-демократическое движение. Его представители, в том числе и позднее столь известная личность, как Л. Троцкий, переместились на время за океан. Их деятельность, находившая определенный отклик в среде американской либеральной интеллигенции и профсоюзов, породила серьезное недовольство истеблишмента США.

Победа радикалов-большевиков в России превратила это недовольство в жгучую ненависть. Соединенные Штаты были шокированы Лениным и его соратниками, которые делали вещи, абсолютно дикие с точки зрения американцев. Так, большевики упразднили частную собственность на средства производства и изъяли ее, физически уничтожив многих состоятельных людей. Среди пострадавших, потерявших капиталы, заводы, магазины и дома, а то и жизнь, фигурировали в том числе и представители американского бизнеса. Большевики одновременно установили военную диктатуру, разогнали выборные органы, бросили в тюрьмы политических противников, предали анафеме религию и многие другие некоммунистические идеи и социальные институты.

Возмущенный до глубины души Вашингтон направил военный контингент на север России и в Сибирь. Там американские военнослужащие участвовали на стороне белых в боях и стычках против красных. В подкорке сознания большевиков, а через них постепенно всего населения Советской России, надолго сохранилась память о том, что США, наряду с другими державами, были интервентами, пытавшимися навязать россиянам чужеземные порядки.

Эти воспоминания наслаивались на изначально негативное отношение ленинцев к американскому капитализму, в высшей степени эксплуататорскому, открыто проповедовавшему экономическое, социальное и расовое неравенство, признававшее лишь культ денег и все более амбициозному, агрессивному на мировой арене, стремившемуся переделить планету, получить право на выкачивание ресурсов из колоний традиционных империй – британской, французской, испанской и т. д. Новых хозяев Кремля особенно злило, естественно, то обстоятельство, что Соединенные Штаты упорно отказывались признавать коммунистический режим в России (в отличие от большинства европейских правительств, которые пошли на контакты с Советами уже в 1920-е годы).

Лишь в 1933 году, после мощнейшего экономического кризиса, потрясшего до основания капиталистическую систему, президент Рузвельт нормализовал отношения с Советской Россией. В самой Америке усилилось радикальное движение, власти пошли на социально-ориентированные реформы, несколько изменился их взгляд на окружающий мир, в частности смягчился подход к СССР.

Тем не менее до настоящего сближения между США и Советским Союзом дело не дошло. Недоверие американцев к коммунистическим порядкам в СССР сохранялось. В Соединенных Штатах непрестанно проводили параллель между большевиками и фашистами в Германии. Утверждалось, что эти режимы братья-близнецы. Их, мол, роднит тоталитаризм, деление людей на хороших и плохих по классовому и расовому признакам, подавление свобод, массовые убийства, чистки, враждебность к частной собственности. Как писали американские обозреватели и ученые, коммунистический СССР, фашистские Германия и Италия символизируют собой «моральный коллапс», «полное разложение» Европы⁹⁴.

Сближение Сталина с Гитлером в конце 1930-х годов вызвало в США еще более мощный всплеск ненависти к Москве. Зазвучал тезис о том, что тоталитарные режимы объективно

⁹⁴ See: Adler Les K., Paterson Thomas G. Red fascism and the development of the cold war // America and Russia. In. ed. Gary R. Hess. N.Y., 1973. P. 64.

тяготеют друг к другу, что они создали альянс, который угрожает миру во всем мире⁹⁵. Раздел Польши, война СССР против Финляндии подкрепляли этот тезис. В США заговорили о том, что коммунисты хуже, опаснее фашистов, ибо прикрывают свою агрессивную, античеловеческую суть привлекательными лозунгами, подрывают демократические государства изнутри, создавая там пятую колонну в виде компартий, левацких профсоюзов и т. п.

Москва вела себя в отношении США более сдержанно, что диктовалось обстановкой. СССР пребывал в окружении враждебно настроенных государств. Сталин маневрировал, искал любые возможности для того, чтобы расколоть кольцо блокады, использовать «противоречия между империалистами». Лишь когда не удалось договориться с Англией, Францией и США, Кремль пошел на сделку с Германией. Но и тогда Москва не хотела «сжигать мосты» с Вашингтоном, надеясь поддерживать политический диалог и выгодные экономические связи.

После нападения Германии на СССР в июне 1941 года налаживание сотрудничества с США и другими антифашистскими государствами стало для Кремля императивом. Но в Соединенных Штатах сохранялась неприязнь к Советам. Будущий Президент США, а тогда сенатор, Г. Трумэн заявил вскоре после вторжения гитлеровцев на территорию СССР: «Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, нам следует помочь России, если же Россия начнет выигрывать, то нам следует помогать Германии, так чтобы они поубивали как можно больше друг друга»⁹⁶.

И все же Вашингтон в целом взял курс на поддержку СССР. После же нападения Японии на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор наличие общего врага окончательно сплотило идеологических антагонистов в военный союз. Но даже будучи союзниками, стороны испытывали взаимное недоверие, имели различающиеся интересы и исподволь готовились к соперничеству в послевоенном мире. Кремль не очень охотно демонстрировал проамериканские симпатии на Тихом океане и избегал подключения там к войне с Японией. Соединенные Штаты и Англия всячески оттягивали дату открытия второго фронта в Европе. Уже в 1942 г. обозначились разногласия по вопросу о послевоенных границах СССР. Сталин хотел оставить себе «свободу рук» и решать этот вопрос силой⁹⁷. Ему, однако, советовали поспешить с договоренностями в данной области, поскольку существовала вероятность победы на президентских выборах в США в 1944 году претендента, гораздо хуже Рузвельта относящегося к СССР⁹⁸.

На завершающей стадии войны союзники спешили опередить друг друга в освобождении европейских стран, не желая уступать партнеру контроль над землями и ресурсами. Вашингтон, первоначально настаивавший на подключении Москвы к разгрому Японии, резко изменил позицию, когда обзавелся атомной бомбой. Применение Соединенными Штатами атомного оружия против японских городов было продиктовано не только военной целесообразностью, но и желанием припугнуть Кремль.

Истоки противостояния

С окончанием мировой войны и исчезновением общего врага антигитлеровская коалиция потеряла основу своего существования. На повестку дня встали новые задачи, а они были у держав-победительниц, прежде всего у СССР и США, совершенно разные.

Советский Союз вышел из мировой бойни обескровленным, потерявшим десятки миллионов граждан и значительную часть экономического потенциала. В СССР свирепствовала

⁹⁵ See *ibid.* P. 65.

⁹⁶ Цит. по: Ученые записки ИАМП. Т. 6. М., 1994. С. 5.

⁹⁷ См.: Советская внешняя политика в ретроспективе: 1917–1991 / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 1992. С. 117.

⁹⁸ См. там же. С. 115.

разруха, население влачило полунищенское существование. На восстановлении страны необходимо было сосредоточить все силы. Но сталинское руководство решало и другие задачи.

Во-первых, оно не собиралось менять суть своего тоталитарного режима, а значит, должно было противодействовать воздействию извне на умонастроения советских граждан. В этой связи широкая опора на США в залечивании ран войны исключалась: вместе с помощью в страну проникла бы чуждая идеология. Она и так уже начала просачиваться в результате союзничества с Западом в годы войны, возвращения домой огромного числа советских солдат, повидавших более развитые и свободные страны. Кремль занялся тщательной фильтрацией среди воинов-победителей, развернул широкую и уродливую кампанию против «низкопоклонства перед заграницей».

Во-вторых, СССР, пострадавший больше многих других в самой разрушительной войне в истории человечества, стремился как можно суровее наказать Германию за агрессию, получить от нее максимум репараций и не допустить возрождения мощного и агрессивного германского государства. Характерна в этом смысле реакция Кремля на американский проект договора о разоружении Германии, выдвинутый в сентябре 1945 года. Маршал Г. Жуков так комментировал данный документ в депеше из Берлина в Москву: «...Мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы пойти в какой-либо степени навстречу попыткам американцев поскорее покончить с оккупацией Германии, так как не можем допустить после такой войны, чтобы дело действительного разоружения и демократизации Германии бросить на полдороге». Сталин согласился с данной оценкой, подчеркнув, что «разоружить и демилитаризовать Германию мало, надо в корне изменить ее экономику и политическую систему»⁹⁹.

В-третьих, советское руководство считало необходимым в целях обеспечения национальной безопасности окружить СССР с запада дружественными режимами. В период между двумя мировыми войнами восточноевропейские страны относились к Москве с недоверием, а некоторые из них и просто с ненавистью. С точки зрения Сталина и его соратников, именно это обстоятельство не позволило еще в 1930-х годах организовать коллективный барьер на пути гитлеровской агрессии. Москва преисполнилась решимости не допустить повторения прошлого. Для этого надо было поставить у власти в Восточной Европе коммунистов, разделявших идеологию Кремля и послушных его воле. Тогда СССР не просто приобрел бы надежных друзей, но и наконец вывел бы социализм за рамки одного государства, покончил со своей изоляцией в международных отношениях.

В-четвертых, вынеся на своих плечах значительную, если не основную, тяжесть борьбы с фашизмом, выйдя из войны победителем, СССР претендовал наряду с США на роль глобальной державы. Москва считала себя вправе участвовать в послевоенном переустройстве мира, иметь преобладающие или по крайней мере весомые позиции в различных регионах земного шара – от Ирана и средиземноморских проливов до Кореи и Японии. Решая названные задачи, Сталин исходил из ошибочных представлений о возможностях СССР и о тенденциях в мировой политике и экономике. Так, верховный советский лидер уверился к концу войны в том, что военная сила способна решать социально-политические, территориальные и любые другие проблемы. Типична реплика Сталина в адрес Ватикана: «Подумаешь, Папа Римский, что он собой представляет? Сколько у него дивизий?»¹⁰⁰.

Сталин полагал, что военной силы у СССР достаточно, чтобы успешно решать поставленные задачи, тем более что подхалимы из числа военачальников, убеждали главнокомандующего: Красная армия готова по получении соответствующего приказа быстро оккупировать весь европейский континент¹⁰¹. Одновременно придворные ученые, улавливая настрой вождя,

⁹⁹ Архив внешней политики РФ МИД (далее – АВП РФ). Ф. 489. Оп. 24. П. 19. Д. 1. Л. 50–51.

¹⁰⁰ Советская внешняя политика в ретроспективе: 1917–1991. С. 123.

¹⁰¹ См.: Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 63. Л. 28–29.

предрекали надвигающийся новый кризис на Западе, неминуемую активизацию рабочего и коммунистического движения, падение многих буржуазных правительств¹⁰². В Кремле в итоге делался вывод: не стоит идти американцам и их друзьям на уступки, не следует торопиться с достижением соглашений, целесообразнее потянуть время, оно работает на СССР и на социализм¹⁰³.

Совсем по-другому смотрели на ситуацию американцы и их сторонники в Западной Европе. Вашингтон был уверен, что и сила, и правда находятся на его стороне. На то были немалые основания. В отличие от СССР Соединенные Штаты закончили войну, не только не растеряв экономический потенциал, но, напротив, значительно нарастив его. В 1945 году на США приходилось уже около половины мирового промышленного производства. И в военном отношении баланс складывался в пользу Вашингтона – он стал монополистом на ядерное оружие.

Американцы прекрасно осознавали собственное превосходство. Французские дипломаты сообщали 21 августа 1945 года из Вашингтона в Париж: «...Контакты, которые американские власти в Германии имели с советскими войсками, убедили их в бесспорном превосходстве армии Соединенных Штатов. Все чиновники, побывавшие в Потсдаме, вернулись обуреваемые той же идеей. У русских есть люди, но им не хватает техники»¹⁰⁴. Сам американский президент Трумэн говорил, что атомная бомба будет действовать на русских как дубинка, позволит говорить с Кремлем с позиции силы, навязывать ему решения¹⁰⁵.

Какие же цели преследовали в послевоенном мире Соединенные Штаты? Как представляется, главным было закрепление американского лидерства. Даже если бы коммунистического Советского Союза не существовало в природе, Вашингтон все равно устремился бы к достижению этой цели. Им двигало осознание того, что США располагают самой мощной экономикой и выживание многих других стран, в том числе до последнего времени ведущих, зависит от американской поддержки и помощи. Существовала убежденность и в том, что без военного и политического лидерства США невозможна стабилизация международных отношений, установление на планете прочного мира. Наконец, американцы исходили из того, что они создали наиболее совершенную политическую систему и ее распространение на другие страны и континенты отвечает интересам всего человечества.

Гегемонистские притязания Вашингтона подстегивались воспоминаниями об ошибках, допущенных после Первой мировой войны (тогда Америка замкнулась на свои внутренние дела), слабостью американских друзей в Европе и на других континентах, растущей мощностью СССР.

Противодействие коммунизму стало фактически второй самостоятельной целью внешнеполитической стратегии Белого дома. Соединенные Штаты только что вышли победителем в войне с диктаторским агрессивным режимом Гитлера. И вдруг на горизонте стал наливаясь мускулами новый. Планы и действия Москвы вошли в противоречие с традиционными американскими ценностями – самоопределением, демократией, частной собственностью и открытым рынком. СССР захватывал контроль над территориями, выходцы из которых составляли определенную часть населения США и требовали отпора «красным»: речь идет о поляках, чехах, венграх и т. д. Наконец, действия Кремля выглядели угрожающими с точки зрения безопасности: за Восточной Европой могли последовать Западная Европа, стратегические проливы в Средиземном море, Средний Восток, Азия.

¹⁰² См.: АВП РФ. Ф. 6. П. 18. Д. 213. Л. 2–10.

¹⁰³ См.: Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 271. Л. 109–110.

¹⁰⁴ Archives Nationales. Section contemporaine. Papiers privés de M. Georges Bidault. AP-80.735/A. P. 2–3.

¹⁰⁵ См.: Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 26.

В США всколыхнулось общественное мнение, которое с ужасом увидело в Сталине продолжателя дел Гитлера, «красного фашиста», и жаждало остановить угрозу, не допустить «повторения Мюнхена», т. е. попыток умиротворения агрессора. Трумэн заявлял: смысл участия США во Второй мировой войне заключался в освобождении народов от тоталитаризма; с возвышением советского тоталитаризма казалось, что жертвы были напрасны¹⁰⁶. Американцы воспылали решимостью «противостоять советскому коммунизму и остановить его»¹⁰⁷. Говоря образно, США вообразили себя Афинами или Римом, оплотом западной цивилизации против нашествия варваров. Без нас, полагали американцы, мир погрузится в мрачное Средневековье.

Еще одной целью американской внешней политики стало оказание помощи европейцам. Не только потому, что Вашингтон жаждал лидерства и не из-за одного стремления противостоять советской экспансии на Запад. Европа лежала в руинах, и богатая Америка, связанная со Старым Светом тысячами культурно-этнических, исторических, экономических, политических нитей, просто не могла оставаться в стороне от собратьев, оказавшихся в беде. Гуманитарные соображения влияли на политику США и в других регионах мира, хотя и в меньшей степени.

Присутствовал в действиях Вашингтона и экономический расчет. Американские корпорации, окрепшие за годы войны, нуждались в заморских рынках сбыта, новых сферах приложения капитала. Власти должны были способствовать экономической экспансии, в том числе путем поддержания за рубежом США рыночной среды, обеспечения где только возможно преобладающего американского влияния, оптимального режима для деятельности американских деловых людей.

Таковы, на наш взгляд, были цели, которые ставили перед собой два главных действующих лица надвигающейся холодной войны – СССР и США. Не нужно даже глубокого анализа, чтобы понять: цели Москвы и Вашингтона были противоположными и сталкивались между собой. Скорректировать эти цели, приспособить их друг к другу или попытаться найти общий язык, даже несмотря на сохранение противоположных целей, не представлялось возможным. Ни в СССР, ни в США не существовало соответствующих социальных слоев, политических и экономических групп, теорий и взглядов, которые могли бы предотвратить холодную войну. И она началась, основанная на взаимоисключающих интересах и подхлестываемая подчас преувеличенными страхами, ложными концепциями и разбушевавшимися амбициями.

Столкновения в конце 1940-х – начале 1950-х годов

Десятилетиями ведется спор, кто первым начал холодную войну. Как представляется, спор бесполезный. Определить первый выстрел в водовороте послевоенных событий все равно невозможно, а главное, не в нем дело. Как уже подчеркивалось выше, этой войне в любом случае суждено было разразиться.

Советский Союз имел ялтинский мандат на переустройство Восточной Европы и приступил к его реализации на практике. Первоначально Сталин не надеялся создать там коммунистические режимы наподобие СССР. Но сопротивление восточноевропейцев советскому влиянию, активно поддерживаемое из США и Запада в целом, заставило Москву идти на все более радикальные шаги. С точки зрения Кремля именно Запад нарушал ялтинские договоренности в Восточной Европе – ведь Рузвельт фактически согласился отдать этот регион под контроль СССР. Вашингтон же возмущался тем, что Москва игнорирует взятые на себя обязательства – в Ялте речь шла о демократизации восточноевропейских государств.

¹⁰⁶ See: Adler Les K., Paterson Thomas G. Op. cit. P. 63.

¹⁰⁷ Ibid. P. 71.

Для Кремля такие аргументы были непонятны, и не только потому, что советские коммунисты совсем по-другому понимали демократию. Сталина и его окружение раздражали «двойные стандарты» Вашингтона. Так, в Греции США поддерживали явно реакционное правительство и помогали подавлять прогрессивные революционные силы. Не нравилось Москве и то, что американцы вмешивались в дела чужой сферы влияния, но при этом не подпускали Советский Союз к определению судеб западных стран, например Италии.

По разумению кремлевских лидеров, США всячески мешали СССР создать у своих западных границ зону безопасности, а кроме того, не признавали за Советским Союзом роли великой державы – победительницы в войне. С точки же зрения стратегов в Белом доме, Москва развертывала коммунистическую экспансию в Восточной Европе и готовилась к насильственной коммунизации всего европейского континента. Сочетание мотивов национальной безопасности, идеологической неприязни и великодержавных претензий толкнуло Москву и Вашингтон к взаимной конфронтации в Европе.

В этих условиях уже не могло идти речи о выработке единой стратегии победителей в Германии, тем более о ее объединении. Москва и Вашингтон создали на германской территории плацдармы собственного контроля и даже помыслить не хотели об уступке завоеванного противнику в холодной войне.

Нарастали также трения из-за Греции, Австрии, Турции, Ирана и т. д. Самостоятельный фронт холодной войны возник на Дальнем Востоке, причем произошло это с той же объективной неизбежностью, что и в Европе.

Ни Москва, ни Вашингтон первоначально не желали конфронтации в Китае. Более того, была достигнута удовлетворявшая великие державы договоренность о сохранении Китая под властью гоминьдановского правительства Чан Кайши. Сталин убеждал китайских коммунистов не посягать на статус-кво. Но те настаивали на свержении прогнившего гоминьдановского режима, переустройстве «Срединной империи» по социалистическому образцу. Коммунисты перешли в наступление и в 1949 г. сбросили чанкайшистов с материка.

Мог ли Сталин не признать победы китайских коммунистов и не сблизиться с ними? Такое поведение противоречило бы коренным интересам Кремля, тем более что «холодная война» уже была в самом разгаре и противостоящие стороны бились за каждого нового союзника, даже микроскопического. А здесь такая удача – в руки сам шел огромный Китай.

Точно так же Соединенные Штаты не способны были смириться с победой коммунистов в Китае и отвернуться от их антагонистов-гоминьдановцев, обосновавшихся на острове Тайвань. Правда, в дипломатических и научных кругах США раздавались голоса в пользу диалога с Мао Цзэдуном, но в условиях обострявшейся холодной войны им суждено было быстро замолкнуть. Отчаяние правящих кругов США выразилось в яростных поисках виновных в «потере Китая», а затем в разжигании тотальной охоты на радикалов и либералов.

Сразу вслед за событиями в Китае вспыхнула первая «горячая» война между силами коммунизма и антикоммунизма. Произошло это в Корее, и хорошо еще, что конфликт не выплеснулся за пределы Корейского полуострова.

С одной стороны, в итоге этой войны Соединенные Штаты многократно увеличили военное присутствие в акватории Тихого океана, завлекли в союзнические отношения целую группу стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Возможности же СССР в АТР в целом сократились и надолго.

С другой стороны, Соединенные Штаты, хотя и добились восстановления статус-кво, скапнулись в результате Корейской войны к контрпродуктивной политике неприятия назревших перемен в третьем мире. Народы третьего мира стремились к освобождению от оков колониализма, к социальной справедливости. Вашингтон всюду видел лишь происки коммунистов и, не задумываясь, вставал на защиту любых реакционеров в обмен на их клятвы бороться с подрывными коммунистическими элементами. В итоге США, продолжая провозглашать идеи

демократии, обеспечения прав личности и самоопределения народов, на практике сотрудничали с теми, кто все это душил. Не случайно Соединенные Штаты оказались позднее втянутыми во вьетнамскую войну, обернувшуюся для них серьезными человеческими, материальными и политическими жертвами.

«Оттепель»

В марте 1953 года умер Сталин, к власти в Кремле пришло руководство во главе с Н. Хрущевым. Оно осудило сталинизм во всех его кровавых проявлениях и пошло на определенную либерализацию режима. Серьезные коррективы были внесены и во внешнюю политику. Москва немедленно положила конец войне в Корее, вывела войска из Австрии, прекратила третирование Тито и других строптивых коммунистов, пошла на уступки Финляндии, а главное, всерьез решила добиваться общего смягчения напряженности в отношениях с Западом.

Перемены не были случайными, вызванными лишь эмоциями и желаниями Хрущева. Они отражали крупные перемены в стране – отсталая и неграмотная Россия превратилась в общество образованных людей со сложной современной экономикой. Править таким государством методами средневекового деспотизма, душа всякую инициативу и живую мысль, стало невозможным. Изменился и идеологический настрой общества – эпоха революционного фанатизма безвозвратно ушла в прошлое, пережившие страшную войну советские люди жаждали безопасной, спокойной жизни, нормальных отношений с внешним миром. Все это и отражалось на подходах и поведении новых кремлевских лидеров. Среди них доминировали достаточно ответственные бюрократы, которые среди прочего отдавали себе отчет и в том, что наступила совершенно новая эпоха ядерного оружия.

Вместе с тем Хрущев и его окружение верили, что очищенный от сталинизма социализм может стать самой справедливой общественной системой. Кремль нацеливал советских граждан на скорейшее построение высшей формы социализма – коммунизма. Население поддерживало такой курс, тем более что на первых порах дела в советской экономике, социальной и других сферах шли неплохо – достаточно вспомнить запуск в Советском Союзе первого искусственного спутника Земли, быстрый рост ВВП на 8–10 % ежегодно.

В сфере международных отношений вера Кремля в правоту и справедливость социалистических идей выражалась в активной и искренней (в отличие от циничного и прагматичного Сталина) поддержке национально-освободительных и радикальных движений в третьем мире. Москва на самом деле гневно отвергала колониализм и действительно была убеждена в том, что освободившимся странам надо идти по некапиталистическому пути развития, а долг СССР – оказывать помощь этим странам.

Что касается реакции США (а вслед за ними всего Запада) на перемены в СССР, то она не была слишком позитивной. Преобладало мнение, что улыбкам новых коммунистических лидеров нельзя доверять, что Москва лишь камуфлирует прежнюю политику, направленную на коммунизацию человечества. С высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что недооценка перемен в Советском Союзе была ошибочной. Однако такая реакция проистекала из целого ряда обстоятельств.

Во-первых, к началу 1950-х гг. вся стратегия США базировалась на идеологии холодной войны. Вашингтонская элита (Белый дом, Капитолий, Пентагон, бюрократия и т. п.) участвовала в разработке и становлении этой идеологии. Холодная война была ее детищем, отказаться от которого, да еще с ходу, в сжатые сроки, элита не могла, тем более что как раз тогда США добивались от европейских союзников сплоченности, увеличения вклада в вооруженные силы НАТО.

Мощной силой, мешавшей Белому дому непредвзято взглянуть на эволюцию советского коммунизма, являлся военно-промышленный комплекс (ВПК). Генералы и производители

вооружений были кровно заинтересованы в поддержании образа грозного и коварного противника. От этого зависели их власть, влияние, масштабы доступа к бюджетным деньгам и т. д. Причем, что тоже вполне естественно для военных людей, американский ВПК совершенно искренне испытывал недоверие в отношении уже привычного противника.

Влияло и само поведение Москвы, которая, как уже отмечалось, энергично налаживала контакты в третьем мире. Для американцев, недавно переживших подчинение Москвой своему контролю Восточной Европы, затем триумф коммунистов в Китае, войну в Корее, активность Кремля в зоне слаборазвитых, молодых государств выглядела угрожающей.

И все же тенденция к диалогу пробивала себе путь, несмотря на сопротивление консервативных сил (каковые имелись с обеих сторон). В конце концов летом 1955 года в Женеве встретились главы правительств СССР, США, Англии, Франции. Речь шла об установлении правил и методов урегулирования накопившихся противоречий. Однако готовность Хрущева и Эйзенхауэра к компромиссам была заблокирована их жестким окружением. Госсекретарь США Джон Даллес фактически требовал капитуляции Москвы по таким вопросам, как объединение Германии и судьба восточноевропейских государств. Мининдел СССР Молотов отвечал угрозами на угрозы.

В 1956 году произошло восстание в Венгрии, которое ужесточило советскую внешнюю политику и вызвало аналогичную реакцию в США и вообще на Западе. Москва вновь продемонстрировала готовность на крайние меры, лишь бы не потерять контроль над Восточной Европой. Вашингтон показал, что не собирается с этим мириться, утвердился в неприятии советского коммунизма, подозрениях относительно намерений Москвы.

Тем не менее движение СССР и США к ослаблению напряженности вскоре возобновилось. Перед ними маячила угроза термоядерного конфликта, на них воздействовала усталость от дорогостоящих и психологически изнурительных конфронтаций, к этому подталкивали союзники, мировое общественное мнение.

В 1959 году состоялся первый в истории визит высшего советского руководителя в США. Он прошел успешно, и, казалось, наступила долгожданная эпоха разрядки. Приход к власти в Соединенных Штатах либерального и полного сил Дж. Кеннеди внушал дополнительный оптимизм при оценке перспектив советско-американских отношений. Однако на практике лишь начинавшийся детант был сорван двумя опасными кризисами – из-за Берлина и Кубы.

В обоих случаях Хрущев считал себя абсолютно правым – он отстаивал интересы союзников в ГДР и на Кубе, добивался равной безопасности с США. Советский лидер действовал в упомянутых кризисных ситуациях жестко, стремясь нейтрализовать критику со стороны «ястребов» в Политбюро ЦК КПСС и коммунистического Китая (который из верного союзника превратился в яркого оппонента «ревизионизма» Хрущева). Дж. Кеннеди, в свою очередь, должен был развеять сомнения американцев в способности молодого либерального президента постоять за интересы США.

Тем не менее ни Москва, ни Вашингтон не желали катастрофы и нашли в себе мудрость достичь компромисса.

Диалог на основе паритета

Дж. Кеннеди и Н. Хрущев ушли с политической арены почти одновременно. С появлением у штурвала власти в Вашингтоне и Москве других лиц открылся очередной этап советско-американских отношений.

Л. Брежнев в отличие от Н. Хрущева был человеком гораздо более сдержанным, осторожным, менее склонным к идеологическому экстремизму, экспромтам. Л. Джонсон же отличался от Дж. Кеннеди консерватизмом, жесткостью. Оба лидера имели гораздо большую поддержку в собственном истеблишменте, чем предшественники. Л. Брежнев был тесно связан

с военно-промышленным комплексом, пользовался уважением со стороны партийно-государственной бюрократии. Л. Джонсон эффективно контролировал Конгресс.

Новый этап в советско-американских отношениях определялся, однако, не только и не столько личными чертами и убеждениями высших лидеров, сколько причинами более фундаментального характера. Прежде всего, стороны учли уроки Карибского кризиса. Они поняли, что прямых конфронтаций необходимо избегать при любых обстоятельствах, что две сверхдержавы должны постоянно поддерживать диалог. Москва и Вашингтон навсегда отказались от мысли о войне между собой. Была осознана обоюдная ответственность за сохранение мира во всем мире, нераспространение ядерного оружия. Одновременно было негласно признано наличие зон контроля у другой стороны, на которые не следует посягать.

Вместе с тем сверхдержавы не отказались от наращивания ракетно-ядерного потенциала, причем СССР всерьез вознамерился достичь в данной области паритета. Как выразился один из советских лидеров по горячим следам Карибского кризиса: «Американцам больше не удастся поймать нас со спущенными портками!»¹⁰⁸. Точно так же Кремль и Белый дом оставались нацеленными на поддержку союзников и друзей в третьем мире. Не пропал и аппетит расширять сферу влияния за счет «ничейных» земель и стран.

Знакомство представителей новых администраций друг с другом состоялось на встрече Л. Джонсона с премьером А. Косыгиным. Стороны договорились о продолжении переговоров по проблемам ограничения стратегических вооружений, диалоге по другим проблемам.

Но планы перечеркнула вьетнамская эпопея. Это был как раз район, который две сверхдержавы не поделили со всей ясностью и определенностью. В Южном Вьетнаме, контролируемом Соединенными Штатами, развернулось партизанское движение. Повстанцы выступали против коррумпированного, непопулярного режима. Им симпатизировало население, и партизаны одерживали победы, тем более что прокоммунистических южан активно поддерживал Северный Вьетнам. Ханой действовал самостоятельно, отнюдь не по указке Кремля.

Вашингтон не мог оставаться в стороне и наблюдать, как избивают союзника. К тому же США усматривали во вьетнамских событиях «руку Пекина», который скатился к левацкому экстремизму и грозил «разжечь костер освободительной борьбы» во всемирном масштабе. Американские стратеги, опасаясь не только потери Вьетнама, но и падения затем, как в домино, других антикоммунистических правительств Юго-Восточной Азии, прибегли к крупномасштабной интервенции.

В Кремле искренне негодовали в связи с агрессией и столь же искренне помогали левым силам на Севере и Юге Вьетнама. При этом Москва эксплуатировала конфликт в пропагандистских целях, стремилась использовать его для «сковывания» сил Вашингтона. Тем не менее в СССР даже не помышляли о возможности прямого столкновения с США.

В этот же период осложнилась ситуация в Чехословакии. Новое руководство, отражая настрой общества, вознамерилось встать на путь реформ, строить социализм «с человеческим лицом». В Чехословакии открыто и все острее критиковали социализм советского образца, посылались призывы покинуть Варшавский договор.

При всей своей осторожности и инертности советское руководство не могло допустить потери Чехословакии. Это само по себе было бы чувствительным ударом по интересам СССР, но за ним последовали бы, как опасались в Кремле, другие удары. Ведь в СССР прекрасно понимали, что ситуация в Восточной Европе мало изменилась с 1940-х годов: дай восточно-европейским народом право выбора, они немедленно порвут с коммунистической Москвой. Кремль сделал то, что неминуемо должен был сделать, – подавил реформы в Чехословакии силой.

¹⁰⁸ Архив Президента РФ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 29. Л. 162.

Соединенные Штаты, завязшие во Вьетнаме и уже смирившиеся с правом СССР доминировать в Восточной Европе, отреагировали на чехословацкие события весьма сдержанно. А вскоре следующий американский президент, Р. Никсон, решил возобновить диалог с Советским Союзом. Нового хозяина Белого дома подталкивала к этому патовая ситуация во Вьетнаме. Он надеялся выбраться из нее при помощи Москвы, одновременно играя на обострившихся противоречиях между СССР и КНР. Делая реверансы попеременно двум коммунистическим гигантам, Никсон побуждал их соревноваться за дружбу с Вашингтоном. Как уже отмечалось в томе 1, стратегия явно удалась. Москва, несмотря на вьетнамскую войну, недовольство политикой США на Ближнем Востоке и другими моментами, пошла на широко-масштабный детант со своим основным антагонистом.

Помимо китайского фактора, Москвой двигали стремление облегчить бремя гонки вооружений и уменьшить опасность термоядерного конфликта, экономические интересы, перегруженность проблемами в социалистическом содружестве. Заинтересованность в диалоге и вера в его хорошие перспективы подкреплялись позитивными сдвигами в Европе, урегулированием межгосударственных отношений ФРГ с ГДР, странами Восточной Европы и СССР, успешным развитием советско-французского сотрудничества и т. д.

Вашингтон же через Вьетнам и другие внешние, а также внутренние катаклизмы пришел к осознанию того, что мир изменился, силой всего не добьешься, тем более что в военной области между сверхдержавами уже фактически сложился паритет.

Таким образом, возникла солидная основа для детанта:

– в политической области стороны искали компромиссов по Индокитаю, на Ближнем Востоке, хотели дальнейшего оздоровления обстановки в Европе;

– в военной сфере Вашингтон смирился с наступившим паритетом и согласился всерьез вести переговоры об ограничении стратегических вооружений; Москва же, добившись паритета, в свою очередь, созрела для реальных действий;

– в экономическом плане СССР весьма нуждался в налаживании крупномасштабного сотрудничества с США; американские деловые круги, в том числе ведущие корпорации и банки, также обратили взоры на потенциально емкий советский рынок.

Детант имел бурное начало, лидеры двух сверхдержав сошлись даже в личном плане. Однако «медовый месяц» длился недолго. Как я рассказывал в томе 1, с приходом Дж. Картера к власти интерес к детанту стал в США угасать. Его полный срыв произошел после ввода советских войск в Афганистан.

Это решение было принято узким кругом высших советских руководителей, полагавших, что таким образом они спасут «братский» прокоммунистический режим от внутренних врагов и «происков империализма», причем сделают это быстро и без особых отрицательных последствий.

Очень скоро, однако, в Кремле увидели пагубные последствия вторжения в государство, которое не входило в признанную сферу контроля Москвы (как, скажем, Восточная Европа) и население которого с оружием в руках сопротивлялось интервенции. Стало очевидно, что вторжение в соседнюю страну наносило огромный ущерб отношениям Москвы с Западом, социалистическими странами, исламским миром, другими странами третьего мира и было весьма болезненно для внутреннего положения СССР, для его экономики и общества.

«Кровопускание» и «новое мышление»

Выпутаться из афганской авантюры было непросто. Мешали внутренние обстоятельства – в СССР один за другим у власти оказывались тяжело больные люди, которые вскоре умирали. Им, конечно, было не до кардинальных изменений в политике. Переменам препятствовала и международная ситуация, прежде всего политика США.

Обосновавшаяся в Белом доме в 1981 г. администрация Р. Рейгана вздумала всерьез отказаться от политики поддержания баланса сил и диалога с Москвой (не в малой степени как раз из-за афганских событий, а также в результате развертывания советских ракет «СС-20» в Европе). Был взят курс на «кровопускание», ослабление СССР и в качестве конечной цели завоевание полной победы в холодной войне. Р. Рейган во всеулышание объявил СССР «империей зла», чье место на «свалке истории». Белый дом разработал конкретную программу действий, предусматривающую затягивание афганского конфликта, экономическую блокаду и раскручивание маховика гонки вооружений¹⁰⁹.

1 сентября 1983 года над секретными военными объектами на острове Сахалин был сбит южнокорейский пассажирский самолет. Вашингтон использовал эту трагедию для того, чтобы окончательно и бесповоротно заклеймить СССР как «варварское» государство. В Москве же всерьез считали, что самолет был направлен к Сахалину американской разведкой. Советские лидеры, в свою очередь, возмущались «цинизмом и варварством» истеблишмента США¹¹⁰. Одновременно разгорался спор из-за ракет СС-20 и встречного решения НАТО о размещении в Европе новых американских ракет средней дальности. Обе стороны верили в правоту и логичность собственных действий и находили злой умысел, стремление достичь превосходства в поступках оппонентов.

В целом дело выглядело так, что холодная война разгорается с новой силой и над миром возникла реальная угроза непоправимой катастрофы. Р. Рейган, правда, в этот же период неоднократно давал знать по дипломатическим каналам о своей заинтересованности в установлении какой-то формы диалога с Москвой, но Андропов воспринимал зондаж как проявление лицемерия, желание запутать, сбить с толку руководство СССР.

Как бы там ни было, но холодная война фактически продолжала бушевать на протяжении первой половины 1980-х годов. Наверное, реалии современного мира и прежде всего угроза губительного термоядерного конфликта рано или поздно вновь заставили бы Москву и Вашингтон вернуться к «разрядке» на принципах, заложенных в 1970-е годы.

Но судьба распорядилась по-иному. В Советском Союзе в 1985 году к власти пришло поколение более молодых руководителей во главе с М. Горбачевым, которое почти сразу приступило к реформам. Горбачев занялся демонтажем сталинско-брежневской системы, и реформирование линии Москвы на международной арене стало его составной частью. На первых порах в штабе партии перемены во внешнеполитической среде принимали. На Старой площади без сердечных приступов встретили исчезновение с капитанского мостика МИД СССР Громыко, в частности, еще и потому, что он поглядывал на международников ЦК свысока. По коридорам гуляли забавные истории о министре. В ходе острой дискуссии с высокопоставленным представителем Вашингтона Громыко вскочил, подошел к окну, раздвинул штору и воскликнул: «Точно так же, как солнце на небе сегодня поднимается в зенит, коммунизм неизбежно сменит капитализм».

Лишь самые дубиноголовые партийцы находили афоризм удачным. Но и они смеялись байке о том, как Громыко записывал телефонный номер коллеги из США. Тот произнес семь цифр. Советский министр удивленно отреагировал: «У американцев такие длинные номера?! В СССР они четырехзначные!».

Андрей Андреевич всю свою сознательную жизнь пользовался лишь «вертушкой», в которой номера действительно состояли из четырех цифр. Очевидцы рассказывали, как Горбачев и Громыко улетали из Польши. Михаил Сергеевич пожурил спутника: «Пока ты дойдешь до трапа самолета, я успею слетать в Москву и вернуться сюда».

¹⁰⁹ Телепередача «Совершенно секретно». Российское телевидение. 23 августа 1997 г. Интервью с бывшими помощниками Р. Рейгана в Белом доме.

¹¹⁰ См.: *Борисов Н.* Трагедия южнокорейского лайнера // *Известия*. 1995. 15 окт.

При всем, однако, специфическом отношении к престарелому министру на Старой площади никак не могли одобрить его замену на Шеварднадзе. Горбачева начинает заносить, возмущался партийный люд, на что способен этот полуграмотный грузин, который ловил карманников в Тбилиси и «лизал задницу» Лене Брежневу?

Тем не менее, как поначалу представлялось партийцам, внешняя политика Горбачева развивалась в русле привычных канонов и при этом выгодно отличалась от недавнего прошлого динамизмом, наступательностью. Эксперты вписывали в речи Михаила Сергеевича словеса о делении мира на две противоборствующие системы, агрессивной сущности империализма, миролюбивом социализме, об идеологической борьбе, о молодых государствах третьего мира, страдающих от рук неокolonизаторов и тянущихся к реальному социализму в лице СССР и его друзей. С охотцей выполнялись заказы сверху на новые идеи и инициативы. Таковые сыпались, как из рога изобилия. Горбачев жадно их заглатывал.

Одобряться любые мероприятия, направленные на «укрепление международных позиций социализма». Больше оружия Пхеньяну? Пожалуйста! Не хватает тракторов вьетнамцам? Уважить! Подумать и о сталелитейном комбинате во Вьетнаме: у всех есть, а они чем хуже? В Москве остановилась делегация чехословацких лидеров – одарить их ондатровыми шапками! Болгария предлагает соседям разоружаться? Великолепно! У монголов идея выработать пакт о ненападении в Азии? Поднять на щит! Мы так долго обижали друзей, сковывали их инициативу!

Одновременно надо давать отпор агрессивной, враждебной нам политике США, их союзников. Снизу предлагалось заклеить Вашингтон за создание новых военных блоков, за поощрение милитаризации Японии, блокирование политического урегулирования в Афганистане, третируание Кубы. Американцев предлагалось не только клеймить, но и вызывать на диалог, разоружение. Устраивали их наши предложения, отвечали интересам США, на том этапе это мало кого в Кремле волновало. Примут – отлично, нет – заработаем пропагандистские очки.

На аппаратных собраниях Генерального перевозносили. «Высшая политическая мудрость Михаила Сергеевича, – заявил товарищ из Отдела заграничных кадров, – заключается в том, что классовому противнику он говорит одно, а друзьям – другое». Но время шло, менялась ситуация внутри СССР, разряжалась атмосфера на мировой арене, эволюционизировали и подходы Генсека.

Аппаратные «волки» с тревогой стали замечать, что советский руководитель все реже давал «классовые оценки» явлениям международной жизни. Из его лексикона выпадали такие испытанные временем фразы, как «империализм», «американская политика разбоя и агрессии», «антагонистические противоречия между миром труда и миром капитала» и т. д. Не нравилось, что лидер слишком часто встречается с западными руководителями, многовато им улыбается, чересчур гибок с потенциальными противниками.

Открыто Михаила Сергеевича пока не критиковали. Ограничивались намеками и недоброжелательными репликами в адрес окружения Михаила Сергеевича, да и то без конкретных имен. Горбачев продолжал говорить о дальнейшем укреплении роли КПСС, и это было главное. Партия, как и прежде, вмешивалась во все дела общества.

Но в коридорах власти противодействие Генеральному набирало обороты. Все отчетливее просматривалось оно на направлении, которое входило в сферу моих служебных обязанностей, – политика СССР в отношении Китая, а также (в меньшей степени) наша стратегия в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Остановлюсь на этом участке работы Отдела ЦК в 1985–1987 годах подробнее.

Попав на службу в ЦК, я первое время не переставал удивляться таким явлениям. Выходит записка о наших отношениях со странами Индокитая. В ней разносится в пух и прах американский империализм, изобличаются его козни против «братских» стран, содержится

призыв крепить единство социалистического содружества в борьбе с Западом. На том же заседании Политбюро принимается постановление по другой записке, в которой признаются законные интересы США в Юго-Восточной Азии, позитивные подвижки в американских позициях. Еще в одном документе констатируются негативные моменты в политике индокитайских государств, чрезмерная жесткость их позиций, необходимость оказания воздействия «на друзей».

На следующем Политбюро одновременно одобряются два материала. В одном предлагается рекомендовать социалистическим странам Азии создавать рыночные механизмы в экономике, расширять сотрудничество с иностранным капиталом, в другом – предписывается предостеречь «друзей» в восточноевропейских столицах против увлечения рынком и связями с капиталистическими партнерами. Это, мол, может поставить под угрозу завоевания социализма, открыть шлюзы подрывному влиянию из-за рубежа.

Лишь постепенно я уразумел, в чем причина неразберихи: разные люди пропихивали наверх неодинаковые записки, а начальство, будучи не в состоянии переварить безудержный шквал информации, «освящало» высокими указами все без разбору.

В результате получалась нелепица: с высоких трибун Горбачев говорил одно, а в документах ЦК провозглашались порой совсем иные идеи. Причем то одни, то другие. В брежневские времена такое было бы немислимо, ибо решения ЦК и являлись политикой. Лидеры (Брежнев и К^о) лишь зачитывали (по бумажке) фразы из документов. При Горбачеве ситуация изменилась: чем дальше, тем заметнее отходил он в словах и делах от того, что писали для него в решениях функционеры. Тем не менее подготовка решений оставалась основным занятием аппаратчиков. При этом аппарат не просто писал, а вел напряженную борьбу за «умы и сердца» руководства партии и страны.

Что касается советско-китайских отношений, то, как я уже отмечал в части 5 многотомника, в 1982–1984 годах в них был достигнут прогресс. Однако напряженность не исчезла. Такая ситуация сохранялась бы и дальше, если бы не перемены в советском руководстве весной 1985 года. Именно тогда стали открываться возможности для перелома в советско-китайских отношениях.

Пекин отреагировал на избрание нового Генерального секретаря ЦК КПСС признанием (после более чем 20-летнего перерыва) Советского Союза социалистической страной, а также заявлением, что с СССР могут развиваться и политические контакты. Однако первостепенное значение имели новые советские инициативы в отношении КНР. М.С. Горбачев призывал устранить все наслоения прошлого, пригласил представителей КПК принять участие в XXVII съезде КПСС.

Большой резонанс имело выступление М.С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 года. В нем были публично подтверждена готовность к советско-китайской встрече на любом уровне, выдвинуто предложение обсудить конкретные меры по пропорциональному снижению уровня сухопутных сил, выражено стремление к сотрудничеству в социально-экономической области, к обмену опытом, подчеркнута заинтересованность СССР в объединении усилий по использованию ресурсов реки Амур, отмечена возможность расширения экономических связей в приграничных районах, подтверждено, что пограничной линией является главный фарватер реки Амур и т. д.

Во владивостокской речи были обозначены подходы к устранению «трех препятствий», объявлено о значительном сокращении военного присутствия СССР в Монголии, о частичном выводе советских войск из Афганистана, выражена заинтересованность в нормализации китайско-вьетнамских отношений.

Официальный комментарий на владивостокскую инициативу в КНР был следующим: «Мы со всей серьезностью оцениваем и придаем большое значение высказываниям Генерального секретаря Горбачева по поводу Китая и китайско-советских отношений... Китайская сторона принимает во внимание то, что в них содержатся некоторые новые моменты, о которых

раньше не говорилось. Мы приветствуем это»¹¹¹. Особый интерес в КНР вызвали высказывания о пограничной линии, о пребывании советских войск в Монголии и Афганистане, а также относительно двустороннего экономического сотрудничества.

Перемены в подходе Кремля к КНР вызвали, однако, неприятие со стороны моего начальника Олега Борисовича Рахманина, первого заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Напомню, что именно он пригласил меня в Отдел с целью, по его же словам, «освежения кадров».

В первой же беседе на Старой площади О.Б. Рахманин разъяснил, что сотрудники-ветераны отстали от жизни, не справляются с грузом актуальных задач. В тот же период, чуть раньше или, наоборот, чуть позже меня, в ЦК пришли другие молодые китайцы. Вскоре я понял истинную причину обновления состава: О.Б. (как за глаза называли Рахманина в Отделе), с одной стороны, хотел продемонстрировать новому лидеру М.С. Горбачеву свою тягу к переменам, а с другой – надеялся заполучить в личное распоряжение карманные кадры, готовые смотреть в рот начальнику и беспрекословно выполнять его волю. А воля О.Б. была нацелена на отстаивание неизменной жесткой линии в отношении Пекина.

Тогда же в ознакомительной беседе Олег Борисович изложил свое кредо по Китаю: разоблачать маоизм во всех его проявлениях, давать отпор антисоветской, проимпериалистической линии Пекина и рассеивать иллюзии товарищей по партии, заблуждающихся в отношении истинной физиономии китайского руководства. Будучи человеком решительным, энергичным, способным, О.Б., не жалея сил, денно и нощно отстаивал жесткую линию. И постоянно напоминал подчиненным китайцам, что очень рассчитывает на их помощь.

Наблюдая за ним, я удивлялся: почему для шефа столь важно всячески тормозить, даже с риском для собственной карьеры, преодоление советско-китайской конфронтации? Он отдавал себе отчет, что непопулярен в Москве, что многие в советской элите настроены к КНР гораздо позитивнее и ругают его, Рахманина, называют экстремистом, косным человеком. Но, отдавая себе в этом отчет, продолжал сражаться. И постоянно призывал китайцев Отдела подносить ему «антикитайские патроны».

Бороться против нормализации советско-китайских отношений при новом Генсеке становилось все сложнее и опаснее. Я лично смог убедиться в этом уже в первые дни работы на Старой площади. О.Б. созвал совещание курируемых им секторов Отдела. Вошедших в кабинет шефа удивило обилие там портретов М.С. Горбачева. Один стоял в рамке на столе, другие красовались на книжных полках. Рахманин сразу разъяснил ситуацию:

– Михаил Сергеевич – наш высший руководитель. Я и вы должны неизменно следовать его линии. Вот я вырезал из газеты текст выступления Михаила Сергеевича в Днепропетровске 27 июля с.г. В нем, в частности, говорится о стремлении руководства нашей партии к нормализации отношений с КНР. Я положил текст под стекло на письменном столе, и для меня эти слова Генерального секретаря как Библия.

Произнеся еще несколько верноподданнических фраз, О.Б. распустил участников совещания, но меня попросил задержаться. Как только мы остались наедине, О.Б. мрачно изрек:

– Мне позвонил Горбачев и обвинил в том, что я, мой сын Володя, вы и Михаил Титаренко обмывали ваши назначения и в состоянии подпития критиковали позицию Генсека по Китаю, изложенную в днепропетровской речи. Что скажешь?

Я оторопел. Михаил Леонтьевич Титаренко до последнего времени трудился консультантом Отдела ЦК КПСС и чуть ли не в тот же день, когда меня зачислили в аппарат, был стараниями О.Б. переведен директором в Институт Дальнего Востока Академии наук СССР. Рахманин хотел, чтобы и этот важный участок китаеведческой работы прикрывал преданный

¹¹¹ Жэньминь жибао. 1986. 14 авг.

человек. Но мы отнюдь ничего ни с ним, ни с О.Б. и Володей не обмывали. Да я с Титаренко вообще не был знаком. Так я и ответил Рахманину.

Шеф взвинтился еще больше:

– Вот именно. Мы втроем не только не выпивали вместе, но и не встречались. Кстати, что касается меня, то я уже с год как блюду сухой закон. И нигде не критикую Горбачева, наоборот, хвалю.

Последующие пару месяцев шли напряженные поиски клеветника, который умудрился довести компромат на О.Б. до самого Генерального. Под подозрение попадали отдельные личности (друзья, знакомые, сослуживцы) и целые ведомства (от КГБ до МИДа).

Мне казалось все это нелепым, особенно то обстоятельство, что первый человек в стране обратил внимание на мою скромную персону. Но я добросовестно участвовал в кампании по вычислению клеветника. Выполнить данную задачу, однако, так и не удалось. О клеветнике О.Б. со временем забыл, сосредоточив все свои усилия на выполнении главной, стратегической задачи – противостоянии Пекину. Работа велась сразу на нескольких направлениях. Первым являлось просветительство по китайскому вопросу руководства СССР.

Напомню, что вплоть до XXVII съезда КПСС (февраль – март 1986 года) наш отдел возглавлял К.В. Русаков. Человек это был старый, больной и не очень разбирающийся в тонкостях международных отношений. Манипулирование его сознанием не представляло особого труда. Прихожу как-то читать телеграммы от советского посла в КНР. Сообщается, что Министерство обороны США пригласило на переговоры крупных китайских военачальников. На листочке, прикрепленном к тексту шифровки, замечаю резолюцию Русакова: «Хорошая поездка. Надо осуществить!». Секретарь, очевидно, перепутал, так сказать, ежа с ужом, решив, что приглашают кого-то из его подчиненных в некую хорошую страну. Беру в руки следующую записку. Делегация общественных деятелей из США прибыла в Ханой обсудить проблему пропавших без вести в ходе вьетнамской войны 1960–1970-х годов. Резюме Русакова: «Итак, формируется альянс!». Опять секретарь ЦК не понял смысла написанного.

Рахманин пользовался слабостями Русакова, но все-таки оставался с ним начеку. Однажды во время очередного совещания Олегу Борисовичу звонит Русаков. Поговорив с ним, Рахманин переходит к расхваливанию Русакова. Это, мол, человек энциклопедических знаний и колоссального трудолюбия. Работает не покладая рук и презрев собственное здоровье по 24 часа в сутки.

Но вот совещание завершено. Народ расходится, однако китаистов О.Б. просит задержаться. Оставшись с нами в узком кругу, возобновляет разговор о Русакове, причем совсем в ином ключе. Человек, мол, постоянно болеет, дела забросил, твердых большевистских позиций по Китаю не занимает. А здесь еще его жена – интриганка, сплетница, короче говоря, опасная особа. В общем, полагаться на семью Русаковых в китайском вопросе не приходится. Просвещать руководство страны надо собственными силами.

Как это делать, шеф демонстрировал на собственном примере. В части 5 многотомника я рассказывал, что накануне возвращения из КНР мы с коллегой-дипломатом совершили продолжительную поездку по стране. Увидели массу интересного и постарались добросовестно изложить наблюдения в отчете. Написали о бурном реформенном процессе с его позитивными и негативными сторонами, об экономическом росте и социальном расслоении, товарном изобилии и коррупции, увлечении молодежи Западом и улучшении отношения рядовых китайцев к СССР.

В МИДе отчет не всем начальникам пришелся по душе. Кто-то назвал его «кляквой», полным сомнительных сведений. Заведующий I Дальневосточным отделом И.А. Рогачев заявил, что власти КНР не простят такой авантюристической поездки. А вот О.Б. был от отчета чуть ли не в восторге. Его первым заданием мне на Старой площади стало редактирование документа к рассылке членам руководства СССР. Рахманин велел убрать из отчета пассажи

о позитивных высказываниях китайцев в отношении СССР, а также выводы о достижениях реформ, о том, что жизнь в КНР улучшается.

Недоумеая, я приказание выполнил. Но Рахманин все равно остался неудовлетворенным, сам довычеркнул весь позитив, а сохранный негатив с удовольствием направил начальству.

О.Б. в целом продолжал уделять большое внимание дипломатическому каналу воздействия на верхи. Советский посол в Пекине получал со Старой площади инструкции: информировать Москву обо всех «выходках» китайцев на мировой арене, вскрывать ревизионистский характер реформ в КНР. Если депеши из посольства отвечали этим требованиям, аппаратчики немедленно рассылали их по «большой разметке», т. е. всем членам высшего партийного и государственного руководства СССР. В противном случае посольским телеграммам хода не давалось. А в Пекин (в личных письмах, через курьеров и другими путями) неслись грозные окрики: «прекратить проституирование, глядеть в корень, отличать слова от дел, зерна от плевел!».

Старания дипломатов должны были подкрепляться собственными «изысканиями» цековцев. В июне 1985 года один из лидеров КНР, Ли Сяньнянь, совершил поездку в США. О.Б. поручил мне подготовить по этой поездке записку в ЦК КПСС. Я составил проект, но шеф назвал его «жидким» и забраковал. Сам написал записку, полную необоснованных нападок на Пекин. Отнес ее Русакову, помощникам Горбачева, а мне поручил сочинять проекты обращения по китайскому вопросу к руководителю ГДР Хонеккеру и информации для ЦК КПСС о линии Пекина в отношении социалистических стран. В обоих случаях задача заключалась в разоблачении негативной сути китайской политики. Но как я ни старался, угодить вкусу шефа не получилось. О.Б. не жаловал полутонов, ему требовались черные краски для описания поведения Пекина.

В этом смысле хорошим помощником Олега Борисовича стал сын в прошлом крупного китайского революционного деятеля Ван Мина, который регулярно захаживал в ЦК. Мао Цзэдун еще в 1940-е годы вынудил Ван Мина покинуть страну за просоветский уклон. Тот осел в Москве. Выросший сын (Ван Даньчжи) затаил на Мао и все руководство КНР обиду (ведь в Пекине продолжали называть Ван Мина предателем).

Приходя в ЦК, сын Ван Мина неизменно выливал на пекинских лидеров очередной ушат компромата. Как-то он принес целый фолиант, содержащий сенсационное открытие: проанализировав генеалогические древа тогдашних лидеров КНР, автор «выявил», что все они имеют еврейские корни. Архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, его ближайшие сподвижники Чэн Юнь, Ян Шанкунь, Ху Яо-бан, Чжао Цзыян и др., оказывается, происходили из еврейских кланов, поселившихся в Центральном Китае еще в X–XI веках.

Шеф времени зря не терял – выжимка из фолианта была тотчас разослана членам Политбюро ЦК КПСС. Полюбуйтесь, мол, кто правит Китаем и можно ли этим людям доверять, а тем более копировать их реформы, отдающие сионистским духом?!

Ван Даньчжи радовал Рахманина и другими выдумками. Когда осенью 1985 года Китай посетил вице-президент США Дж. Буш-старший, Ван констатировал, что представитель Белого дома дал Дэн Сяопину инструкции по поводу изменений в руководящих органах КПК. Среди прочего Ван Даньчжи утверждал также, что пекинские лидеры хотят изменить Конституцию страны так, чтобы получить для себя возможность держать слуг и жить как помещики.

Вся эта наивная ахиenea, исходившая из уст смертельно обиженного на китайские власти человека, весьма меня забавляла. Однажды я выразил сомнение в справедливости очередного «перла» Вана. И немедленно напоролся на начальственный гнев.

– Имей в виду, – отчеканил шеф, – что здесь думаю, анализирую и делаю выводы я. Твоя же задача – копить информацию и быть готовым ее докладывать в любую минуту. Звоню я тебе

ночью и спрашиваю, каково поголовье свиней в провинции Сычуань. Ты обязан без запинки ответить. Вот и все твои функции.

На практике, однако, спускались задания и поинтеллектуальнее. В конце 1985 года О.Б. поручил мне разобраться в причинах прагматизма в китайско-американских отношениях. Следуя инструкциям, я заклеил прагматизм как чрезвычайно популярную на Западе философию абсолютной выгоды, практики без теории, движения без принципов и направления. «Освятить» эту критику цитатами из трудов В.И. Ленина. Перекинул мостик к Китаю. Отметил, что первым китайским адептом стал Ху Ши, который на протяжении тридцати лет пропагандировал прагматизм, оказав влияние на элиту дореволюционного Китая. Прагматизм явился идейным оружием эксплуататорских классов в борьбе против марксизма-ленинизма и революционного движения в Поднебесной. Прагматики выступали с дискредитацией Советского Союза и добивались прозападного курса Китая.

В заключительной части «исследования» я делал вывод, что нынешнее руководство КНР оказалось в плену прагматических теорий, поэтому оно отгораживается от СССР, ревизует марксизм-ленинизм и скатывается на проимпериалистические позиции. В подтверждение приводились высказывания китайских лидеров и СМИ типа «не важно, какого цвета кошка, лишь бы она могла ловить мышей»; «истину надо извлекать из фактов»; «слишком много в книгах не прочитаешь, о многих вещах в книгах не написано, надо на практике вести обследование»; «чтобы строить социализм с китайской спецификой, надо работать ошупью»; «если копировать высказывания Маркса, Ленина, то это означает заниматься пустой болтовней, а не решать конкретные вопросы»; «Маркс умер более ста лет назад, его труды написаны более ста лет назад, в некоторых из них нашли отражение представления того времени. Многого Маркс и Энгельс не видели и не затрагивали, то же относится и к Ленину, нельзя требовать, чтобы в тогдашних трудах Маркса и Ленина содержались решения сегодняшних проблем».

В качестве примеров прагматического поведения Пекина приводились его возражения против «интернациональной помощи» советских войск народу Афганистана, «интернационального долга» социалистических стран по защите завоеваний революции в других странах вообще. Упоминался курс КНР на развитие сотрудничества с Западом, привлечение иностранного капитала.

Рахманин остался материалом доволен, кому-то послал его на ознакомление. Мне же до сих пор стыдно за авторство этого опуса.

Но вот весной 1986 года секретарем ЦК и заведующим нашим отделом стал В.А. Медведев, единомышленник Горбачева и послушный проводник его линии. Международными делами он ранее не занимался, порой «плавал» в них, говорил откровенные глупости. Например, на встрече с китайцами отдела вдруг поинтересовался, удивленно вскинув брови:

– А что это китайцы так цепляются за Кампучию? Она ведь и далеко от Китая, к тому же кампучийцы недавно только с деревьев слезли!

Все промолчали, не будешь же растолковывать секретарю ЦК, что кампучийцы давно слезли с деревьев, их цивилизация старше нашей. И расположена Кампучия в непосредственной близости от Китая, причем, согласно китайским представлениям, когда-то входила в пределы Срединной империи.

В другой раз Медведев отбрил меня за рекомендацию не клеймить Пекин за стремление поддерживать нормальные отношения с Вашингтоном. Как заявил Секретарь, «нам Китай важен именно для того, чтобы использовать его против США». Я пытался разъяснить, что такая линия будет воспринята в Пекине как направленная против его интересов и лишь еще больше обострит советско-китайские противоречия. Медведев не принял этот аргумент.

Тем не менее секретарь в целом последовательно и энергично добивался сдвигов в наших отношениях с КНР, требовал соответствующих инициатив от китайцев отдела, призывал

отбрасывать стереотипы, находить полезное в опыте китайских реформ, проявлять гибкость в подходе к спорным вопросам.

Обеспокоенный настроениями Секретаря, Олег Борисович принялся вразумлять начальника. Как-то вызывает меня О.Б. и требует подготовить справку о том, что китайцы по-прежнему практикуют маоизм, причем черной краской велено не жалеть. Начинаю работать, и тут звонок. Требуется к себе помощник Медведева. Получаю задание сделать материал, из которого было бы видно, что в Китае уже нет маоизма. В итоге пишу два в корне противоречащих друг другу документа. Слева у меня на столе обличающий материал, справа – апологетический.

В левом документе я пишу: «На нынешнем этапе маоизм пока не отвергнут в Китае и продолжает воздействовать на теоретические взгляды и практическую деятельность этой страны». В доказательство привожу следующие аргументы.

1. Китайское руководство неизменно подтверждает свою верность маоистскому наследию (следуют соответствующие цитаты из устава КПК, заявлений членов китайского руководства, публикаций в СМИ КНР).

2. В Пекине пытаются ревизовать марксизм-ленинизм, утверждая, что многое в этом учении устарело (снова цитаты).

3. Маоизм – это национальная идеология, которая ставит марксизм-ленинизм на службу гегемонистским целям превращения Китая в третью мировую силу любыми способами, в том числе игнорируя интернационалистическую суть марксизма-ленинизма. Находясь на позициях маоизма, китайское руководство во внешней политике отрицает деление мира на две противоположные общественно-политические системы, проповедует тезис о независимости международных отношений от классового принципа, играет на противоречиях между СССР и США. Во внутренних делах маоизм, будучи оппортунизмом прагматического толка, толкает Пекин на реформы при поддержке капиталистического мира (далее ворох цитат).

В правом документе говорится совершенно иное: «Социалистическая природа китайского общества, насущные потребности строительства социализма, реальность разделения мира на две общественно-политические системы создают объективную основу для отказа руководства КНР от маоизма как в теоретическом, так и в практическом планах».

Ниже я, ссылаясь опять же на китайские источники, показываю, что нынешние китайские лидеры и на словах, и тем более на деле отходят от левозэкстремистских установок Мао Цзэдуна, осуществляют эффективные реформы внутри страны, проводят все более разумную внешнеполитическую линию.

Подготовленные справки я сдаю заказчикам, и вскоре Медведев и Рахманин, вооружившись моими опусами, сходятся в кабинете и до хрипоты спорят о судьбе маоизма в Китае. Медведев ссылается на аргументы из моей «правой» справки, его заместитель опирается на тезисы из «левой».

В следующий раз О.Б. пытается убедить своего начальника в поддержке Пекином американских бомбардировок Ливии. Медведев утверждает, что Китай ведет себя неплохо. Рахманин категорически не согласен. Но фактов, обличающих китайцев, нет. О.Б. велит китаистам: «Ищите доказательства!». Нашли, но жидковатые.

Разозленный шеф приказывает звонить в КГБ, в Министерство обороны, в МИД, там раздобывать компромат на бывших соратников по международному коммунистическому движению. Но и в ведомствах – ноль.

Тогда раздаётся конфиденциальный звонок в высшие эшелоны разведки с соответствующими намеками. Надо, мол, китайцев «боднуть». Те ловят мысль на лету. В резидентуры за рубежом направлена депеша с таким примерно текстом: не правда ли, что Пекин занимает гнусную позицию по ливийскому кризису? (по типу вопроса на экзамене блавному абитуриенту: не Париж ли главный город Франции?).

Резиденты – люди, поднаторевшие в заказных делах. И вот уже в Центр через эфир летят дорогостоящие послания. Из Пекина сообщают, что там состоялась антиамериканская демонстрация арабских студентов, которую власти блокировали. В Вашингтоне в те самые дни, когда американская авиация бомбила Триполи, сердечно принимали делегацию работников образования из КНР. Это уже что-то! Наплевать, что в ту же пору в США гостили десятки советских делегаций. Главное – «измочалить» Китай. Подлинные факты – это не та категория, которой должен оперировать боец партийного фронта.

С готовностью «проглатывал» О.Б. и другую «клюкву», поступавшую от резидентов. Однажды я прочел депешу о склоке между Дэн Сяопином и вторым после него по влиянию китайским лидером Чэнь Юнем. В документе подробно рассказывалось, из-за чего спорят два патриарха и чью сторону приняли остальные члены руководства КНР. Прочитал, поразился осведомленности наших и направился в цековскую библиотеку. Сел там читать гонконгский еженедельник «Фар истерн экономик ревью» и нб тебе, тут же наткнулся на статью о противоречиях между Дэн Сяопином и Чэнь Юнем. Ее текст практически дословно совпадал с только что прочитанной депешей. То есть разведчики статью переписали в телеграмму, напустив при этом тумана о «надежных источниках», предоставивших данную информацию по конфиденциальным каналам.

В другой раз пришла депеша, в которой «надежные источники» били тревогу по поводу высокой загрязненности пограничной реки Амур. Материал как архиважный был размечен всем членам Политбюро ЦК КПК. А ведь он содержал секрет Полишинеля, который знал любой рыбак, живущий на берегу Амура!

Как-то Медведев выразил недоумение относительно прохождения советско-китайской границы по китайскому берегу реки Амур. Обычно пограничная линия устанавливается по фарватеру реки, почему же с Китаем данный принцип не действует? – спросил секретарь ЦК, – и как наши пограничники могут охранять границу, проходящую по китайскому берегу?

Олег Борисович решил ответить Вадиму Андреевичу по полной программе. Китайский сектор получил приказ заготовить мощную справку-досье о территориальных претензиях Китая к Советскому Союзу. Составили даже несколько справок о том, как китайские лидеры, СМИ, школьные учебники продолжают раздувать территориальную проблему. Китайцы заявляли и писали, что царская Россия захватила свыше 1,5 млн кв. км «исконно китайских земель», стала «главным участником вторжения и раздела Китая». Указывалось на неравноправность договоров, определивших в XIX столетии русско-китайскую границу. Однако Пекин больше не требовал вернуть «утерянные земли», соглашался принять договоры XIX столетия за основу для уточнения линии прохождения совместной с СССР границы.

О.Б. данное обстоятельство не смущало. Убрав из справки «лишние сантименты», он потребовал начертить карту, наглядно выделив на ней «китайские территориальные претензии». Карта была доставлена членам Политбюро ЦК КПСС.

Придал огласке Рахманин и доклад видного литературоведа-китаиста Рифтина. Ученый, побывав в конце 1985 года в КНР, сообщал, что там вяло издают современную советскую литературу. Стараются энтузиасты-ветераны. Но их ряды сокращаются, на передний план выходят литературные деятели, ориентированные на Запад. В кинематографии – аналогичные тенденции.

Нарастающее беспокойство вызывало у Рахманина восприятие в советских верхах китайских реформ. На отдельском собрании В.А. Медведев дал им высокую оценку как способствующим развитию производительных сил. О.Б. отпарировал: в КНР идут сложные процессы, даже Дэн Сяопин признает возникновение угрозы реставрации капитализма. Напомнил о позициях Пекина на международной арене, вступающих в противоречие с нашими.

Секретарь ЦК призвал Олега Борисовича прекратить муссировать известные различия в позициях, искать общее. Как мы поступили с Югославией, что дало эффект. Курс в отношении

КНР должен быть таким же. Давайте, сказал Медведев, меньше писать записок и справок, они в несчетных количествах гуляют по отделу. Мы только друг другу создаем ненужную работу, читаем и перечитываем эти бумаги, нагнетающие разногласия с Китаем.

После собрания О.Б. возмущался:

– Как можно сравнивать Югославию с Китаем! Надо же учитывать геополитический фактор! Пекин – это соперник, в отличие от Югославии.

Высказывания Медведева заставили сотрудников сектора КНР призадуматься: чем же заниматься дальше? Порешили сосредоточиться на выработке стратегии. К этому призвал и А.Ф. Добрынин, новый заведующий соседним Международным отделом ЦК. Он любил повторять, что цековцам пора прекратить заниматься подачей клизм иностранным гостям – деятелям коммунистического движения. Вместо этого следует думать на стратегические темы. В секторе мы договорились также уделять больше внимания развитию китаеведения в СССР и курированию контактов по различным линиям с Китаем.

Рахманин, однако, добивался другого, а именно торпедирования советско-китайских контактов, и это составляло второе, не менее важное направление его деятельности.

В июле 1985 года О.Б. устроил тяжбу вокруг аккредитации в Москве корреспондента китайской экономической газеты «Цзинцзи жибао». Засыпал начальство записками, доказывая, что на аккредитацию соглашаться нельзя, поскольку «Цзинцзи жибао» – орган ЦК КПК, а у нас с КПК нет партийных связей и на их восстановление Пекин не соглашается. В конце концов Замятин, зав. Отделом внешнеполитической информации ЦК КПСС, настоял на согласии, резонно указывая, что именно с таких шагов партийные связи только и можно восстановить. О.Б. тут же сманеврировал так, как будто и он всегда был за аккредитацию.

Одновременно по заданию Рахманина сектор подготовил записку, в которой доказывалась нецелесообразность восстановления межпартийных связей с КПК. Китайцы влезут, мол, в международное коммунистическое движение (МКД), начнут его разлагать изнутри, подрывать позиции КПСС. Да и братские восточноевропейские партии обидятся: мы им не давали возобновлять партийные связи с Пекином, а тут вдруг сами их восстановили. Вьетнамцы же, находящиеся в конфронтации с китайцами, вообще сочтут наш шаг предательством. Утверждалось и то, что КПК переродилась, ей просто не место в МКД. Записка завершалась выводом, что для восстановления партийных связей с Пекином «требуется политическое решение» (т. е. на уровне Политбюро ЦК КПСС).

В декабре 1985 года в Москву прибыл премьер КНР Ли Пэн. О.Б. возглавил работу по подготовке памятки М.С. Горбачеву к беседе с китайским гостем. Акцент был сделан на срыве предложений о восстановлении партийных связей, а также о сотрудничестве с КНР в мирном использовании ядерной энергии. Горбачев советы нашего отдела проигнорировал, передал через Ли Пэна приглашение ЦК КПК прислать делегацию на XXVII съезд КПСС, предложил официально восстановить межпартийные связи, провести в 1986 году в любом месте встречу на высшем уровне. Такое поведение Генерального О.Б. шокировало, но он не сдавался. Уже на следующее утро после беседы М.С. Горбачева с Ли Пэном я получил от шефа задание вновь раскритиковать линию на восстановление межпартийных связей.

Рахманин продолжал всю дирижировать нашей пропагандистской линией в китайском вопросе. Товарищ из замятинского отдела жаловался мне, что московские редакции завалены статьями по Китаю, но руководители СМИ даже не осмеливаются запрашивать в ЦК разрешения на их публикацию. Китайцы же печатают все больше позитивной информации по СССР.

При этом, учитывая настроения в верхах, Рахманин все чаще вынужден был маневрировать и мимикрировать. На отдельных совещаниях он возмущался: «Нас обвиняют в противодействии сближению с КНР. Это абсолютная чепуха!». Приводил примеры, призванные продемонстрировать его трогательную заботу об оживлении советско-китайских контактов. Так, О.Б. с горечью жаловался:

– Звонит мне руководитель Госкино Ермаш и спрашивает, можно ли принять находящуюся в СССР делегацию китайских кинематографистов. Что за вопрос?! Зачем он обращается по такому поводу в ЦК? Я ему разъяснил: это же наши гости, конечно, необходимо оказать им достойный прием!

Обиделся Рахманин и на информацию о том, что советские китаеведы не решаются ездить в КНР, боятся репрессий. «Что же это такое? – воскликнул шеф на очередном совещании. – Как же можно отказываться от научных контактов, от возможностей по-настоящему ознакомиться с ситуацией в КНР!»

Остро отреагировал Олег Борисович на критику послом СССР в Пекине наших хозяйственников, которые не торопились торговать с КНР. Подготовил решительный ответ послу, вознамерился устроить нагоняй нерадивым хозяйственникам, но передумал, поручил МИДу разобраться.

В рамках того же маневрирования О.Б. стал давать мне такие задания: вот, мол, позиция отдела по Китаю, выработанная три месяца назад. Вы подчеркните синим карандашом, что из этого еще можно говорить, красным – что уже нельзя.

Третьим направлением деятельности Рахманина оставалось торпедирование связей других социалистических стран с Китаем. Вплоть до 1985 года регулярно созывались совещания представителей ЦК «братских партий», именовавшиеся «Интеркитами», где на уши зарубежных товарищей выливались ушаты антикитайской грязи. Летом 1985 года должен был состояться очередной «Интеркит». Я участвовал в подготовке материалов. Задача заключалась в сборе компромата на китайскую внутреннюю и внешнюю политику. Годились любые эпитеты и любая ложь. Бригадный подряд в КНР характеризовался как «отход от марксизма-ленинизма», контакты Пекина с Вашингтоном – как «военный сговор, прямо направленный против мировой системы социализма» и т. п. Постарались мы очернить КНР на славу, но Горбачев «Интеркиты» отменил.

Еще одним весьма важным направлением усилий О.Б. было подавление оппонентов внутри СССР. Под прицел попал прежде всего директор Института США и Канады академик Г.А. Арбатов. Летом 1985 года он посетил КНР и, вернувшись оттуда, направил записку в Кремль с нестандартными оценками ситуации. В записке говорилось об углублении полезных реформ в Китае, об эволюции внешнеполитических позиций Пекина в сторону реализма и здравого смысла, об одинаковости подходов СССР и КНР к некоторым международным проблемам. Были выдвинуты предложения: прилагать усилия к нормализации политических отношений с КНР, вести диалог по международной проблематике, отказаться от линии «око за око» с отдельными антисоветчиками в органах китайской пропаганды, исходить из того, что выдвигаемые Пекином «три препятствия» – дело временное, наносное, на них настаивают лишь отдельные экстремисты в руководстве КНР.

Под руководством Олега Борисовича была подготовлена решительная отповедь Арбатову. Начиналась она весьма дипломатично: соображения, высказанные в арбатовской записке, – это, мол, «свежий взгляд человека, впервые посетившего Китай и взглянувшего на китайскую действительность с позиции специалиста по США, советско-американским отношениям». Выражалось согласие с тем, что в Китае происходят изменения и необходимо вести дело к дальнейшему развитию советско-китайских отношений. Зато далее все тезисы академика подвергались форменному разгрому. Было указано, что многое из предлагаемого в записке по поводу нормализации советско-китайских отношений и так делается, но вот задача: Пекин «сознательно не отвечает взаимностью». В Китае есть люди, расположенные к нашей стране, но решения принимают не они. Неужели же нам следует вывести войска из Афганистана, прекратить поддержку Вьетнама и Кампучии только ради того, что Пекин, *может быть*, изменит к нам свое отношение?

Китайское руководство отказывается от предложений приступить к пограничным переговорам, параллельно заявляя, что СССР оккупирует 1,5 млн кв. км китайской территории. Мы предлагаем Китаю взаимодействовать на мировой арене в вопросах укрепления мира и безопасности. Китайцы или молчат, или отвечают негативно. Иллюзорна «одинаковость» в позициях сторон по Ближнему Востоку, Югу Африки, Центральной Америке. Пекин призывает народы этих регионов противодействовать советскому присутствию, а заодно уговаривает американцев не отдавать третий мир в руки СССР своими ошибочными действиями. В Азии китайцы открыто поощряют американское военное присутствие и резко выступают против нашей политики. Они поддерживают территориальные претензии Токио к СССР, ведут речь о «единой Германии», провоцируют Турцию и Иран на противостояние Советскому Союзу, стремятся к подрыву единства соцсодружества, усиливают военное партнерство с США в антисоветских целях. Причем делается это не какими-то отдельными антисоветчиками, а всеми без исключения лидерами КНР. Именно они призывают все народы мира, включая советский, выступить против правительства СССР. Что касается нас, то с 1982 года советские пропагандистские органы прекратили критику Китая, не говоря уже о руководителях СССР. В заключительной части записки констатировалось, что нет никаких признаков и предпосылок отказа Пекина от антисоветской линии.

Не знаю, куда О.Б. отослал эту записку, но Арбатова он взял в серьезную разработку. Ведь академик продолжал наступать. 28 января 1986 года, выступая на расширенном заседании бюро Отделения экономики АН СССР, Арбатов развил свои тезисы в поддержку китайских реформ и подверг уничтожающей критике нашу «сектантскую, догматическую» линию на всяческое ограничение контактов с КНР. Академик, в частности, подчеркнул: «У нас может быть любая точка зрения на суть происходящего в Китае. Но руководствоваться мы должны не этими взглядами, а партийными и государственными интересами, не учитывать их преступно... Что касается изучения внутренних процессов в КНР, то нужно сказать со всей определенностью: хватит врать!».

Вконец разозленный Рахманин дал мне весьма специфическое задание: вести параллельные досье на Г.А. Арбатова и госсекретаря США доктора Г. Киссинджера. Предстояло наглядно продемонстрировать идейную, а возможно и организационную, смычку между «двумя деятелями мирового сионизма». Я сутками просиживал за рабочим столом, составляя сравнительную таблицу высказываний двух «ученых-сионистов».

В левом столбце – слова Г. Киссинджера о том, что «советская модель – это верный путь к застою... Ей не хватает эффективности и качества. Китайцы делают упор на личные стимулы и рынки, и успехи Китая потрясают... В городах стало заметно больше потребительских товаров». В правом столбце – признание Г. Арбатова, что многое в сегодняшнем Китае его «поразило, а зачастую даже заставило испытывать чувство стыда за нас... Многие товары по своему качеству значительно лучше, чем у нас».

Далее упоминалось, что Г. Арбатов вслед за Г. Киссинджером называет Китай могущественным геополитическим соседом СССР, призывает развивать с КНР торгово-экономические связи, хвалит Пекин за прагматизм. Для досье годились даже такие совпадения в позициях двух ученых, как их призывы к миру, разрядке напряженности международных отношений, поиску развязок спорных проблем за столом переговоров.

Под горячую руку О.Б. попадались многие цековцы и мидовцы, дававшие «слабинку» в китайском вопросе. Рахманин сетовал: «Много развелось диссидентов!». Как мог карал виноватых. Не ленился связываться и совсем уж с простыми смертными. Как-то шеф наткнулся на статью в китайской печати, в которой приводились добрые слова советского специалиста о КНР. О.Б. счел поступок предательским. На газете он наискось начертил жирным красным карандашом: «Найти и призвать к ответу!». В другой раз из штаба партии позвонили на теле-

видение и потребовали не хвалить китайских гимнастов во время трансляций с первенства мира. По указанию ЦК сняли загоравшиеся неонами иероглифы с фронтона ресторана «Пекин».

Постепенно стали циркулировать слухи о скором снятии Рахманина. Доходили они, конечно, и до самого Олега Борисовича. Но он не сдавался, с невероятным упорством продолжал в отношении КНР линию «держаться и не пущать». Правда, старался теперь действовать похитрее, юлил, придумывал все более благовидные предлоги для блокирования инициатив. Когда же уловки не помогали и очередная инициатива принималась наверху, шеф тут же изображал ее полную поддержку. Вроде он и сам всегда был за такое решение.

При этом Рахманин продолжал энергично искать компромат на КНР. Задания на сей счет ежедневно обрушивались на головы подчиненных, в том числе на меня. Вызывает к себе в кабинет и велит срочно подобрать доказательства того, что китайцы в пропаганде постоянно оскорбляют вьетнамцев, а вьетнамцы, напротив, ведут себя в отношении Китая очень сдержанно. На самом деле все было не так, но...

Пытаясь удержаться в цековском кресле, О.Б. решил проэксплуатировать интерес М.С. Горбачева к укреплению позиций СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Генсек призывал развернуть нашу внешнюю политику лицом к АТР, этому самому населенному и наиболее динамично развивающемуся региону земного шара. Рахманин изо дня в день собирал отдельные «летучки» и закатывал нудные речи о необходимости активизации нашей деятельности на восточном направлении, преодоления европейско-американского крена во внешней политике СССР. Требовал энергичной, инициативной, творческой работы всех сотрудников отдела по АТР. «Собирайте по крохам информацию, пишите записки в ЦК, звоните в Госплан и министерства, тормозите чиновников, мобилизуйте ученых, – призывал шеф, – разьясняйте важность АТР, пробуждайте интерес к региону, заставляйте вкалывать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.